

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 2 2019 г.

Скованные одной цепью

Главный редактор **КРЮКОВ В.А.**, член-корреспондент РАН, профессор,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, ректор РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н.; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н.; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н.; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Г.П. Литвинцева**, НГПУ, д.э.н.; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГПУ, к.э.н.; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н.; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н.; **Л.Н. Щербаклова**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

2 (536) 2019

Editor in chief - Dr., Prof. **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS

International Advisory Board:

Prof. Dr. **Aganbegyan A.G.**, Russian Academy of National Economy and Public Service at the Russian President; Prof. Dr. **Baranov A.O.**, Novosibirsk State University; Prof. **Bardazzi R.**, PhD, Faculty of Political Sciences, University of Florence (Italy); Prof. **Buharova E.B.**, PhD, Siberian Federal University; Prof. Dr. **Glazyrina I.P.**, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS; Prof. **Grigoriev L.M.**, PhD, Higher School of Economics;
Jae Young Lee, PhD, Korean Institute for International Economic Policy;
Prof. Dr. **Hong Yul Han**, Hanyang University, The Korea Consensus Institute;
Kolmogorov V.V., PhD; Prof. Dr. **Kuleshov V.V.**, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; **Mironosetsky S.N.**, Siberian Generating Company; **Moe A.**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute; **Nikonov V.A.**, Technopark of Novosibirsk Akademgorodok;
Dr. **Psarev V.I.**, Interregional Association of the Economic Cooperation «Siberian Accord»;
Prof. Dr. **Shvetsov A.N.**, Institute for Systems Analysis RAS; Prof. Dr. **Suslov N.I.**, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; Prof. Dr. **Uss A.V.**, Governor of Krasnoyarsk Krai; Prof. **Weber Hs.**, PhD, Canada-Russian Economics School; Prof. **Voronov Yu.P.**, PhD, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; **Yutszyun Ma**, PhD, Heilongjiang Academy of Social Sciences; **Ze Shi**, PhD, Institute of International Studies;
Prof. Dr. **Zorkaltsev V.I.**, Energy Systems Institute SB RAS.

Editorial Board:

Dr. **Alekseev A.V.**; Dr. **Barsukova S.Yu.**; PhD **Fadeeva O.P.**; Dr. **Gluschenko K.P.**;
PhD **Goosen E.V.**; Dr. **Kapoguzov E.A.**; Dr. **Klistorin V.I.**; Dr. **Litvintzeva G.P.**;
PhD **Melnikov V.V.**; PhD **Melnikova L.V.**; Dr. **Shcherbakova L.N.**; PhD **Shmat V.V.**;
PhD **Teslia P.N.**; **Veselova E.Sh.**

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of RAS
Novosibirsk State University
Editorial Office of ECO journal

Editor

ANO Editorial Office of ECO journal
Academician Lavrentyev Av. , 17. Novosibirsk, 630090, Russia

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 4 Выявить, донести, реализовать.
Институту исследования Сибири –
100 лет

Тема номера:

СКОВАННЫЕ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ

- 8 ГАСАНОВ М.А.,
ЖИРОНКИН С.А.,
ГУЗЫРЬ В.В.,
ЖАВОРОНОК А.В.
Структурно-циклический подход
к технологическому обновлению
российской экономики
- 22 ЩЕРБАКОВА Л.Н.
Структурные деформации как
компонент инновационного развития
- 36 БЕЛОКРЫЛОВА О.С.
Инновационная реструктуризация
региональной экономики
(на примере Ростовской области)
- 56 ЕФРЕМЕНКО В.Ф.
Региональная инновационная
система как инструмент
опережающего социально-
экономического развития
Дальнего Востока России

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

- 74 МИХАЙЛОВСКАЯ Д.С.,
ШМАТ В.В.
Будущее российской экономики
глазами «отцов» и «детей».
Взгляд пятый

- 104 НОВИКОВ А.В.,
НОВИКОВА И.Я.
Экономический рост и
инвестиционная деятельность
в России: прогнозы и реальность
- 123 АСКАНОВА О.В.
Стратегические намерения
государства в развитии
сельхозмашиностроения

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

- 135 КОТЛЯРОВ И.Д.
Типовые бизнес-стратегии
участников финансового
рынка в условиях финансово-
технологической революции

ДИСКУССИЯ

- 153 ЭЗРОХ Ю.С.
Рынок кредитных карт в России:
мифы и реальность

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- 174 ТЕСЛЯ П.Н.
Государственно-частное партнерство
в свете исторической ретроспективы

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 To detect, get across and implement.
The Institute of Siberia Research is 100
Years Old

Cover Story: CHAIN GANG

- 8 GASANOV M.A.,
ZHIRONKIN S.A.,
GUZYR V.V.,
ZHAVORONOK A.V.
Structural-and-Cyclical Approach to
Technological Renewal of the Russian
Economy
- 22 SHCHERBAKOVA L.N.
Structural Deformation as a Component
of Innovative Development
- 36 BELOKRYLOVA O.S.
Innovative Restructuring of the
Regional Economy (on the Example of
Rostov Region)
- 56 EFREMENKO V.F.
Regional Innovation System as an In-
strument of Advanced Social-Economic
Development of the Russian Far East

MONITORING OF ECONOMIC TRANS- FORMATION

- 74 MIKHAILOVSKAYA D.S.,
SHMAT V.V.
The Future of the Russian Economy in
the Eyes of «Fathers» and «Sons».
The Fifth Sight

- 104 NOVIKOV A.V.,
NOVIKOVA I.Ya.
Economic Growth and Investment
Activity in Russia: Forecasts and Reality
- 123 ASKANOVA O.V.
Strategic Intentions of the State in the
Development of Agricultural Machinery

FINANCE

- 135 KOTLIAROV I.D.
Typical Business Strategies of Players
of the Financial Market Under Fintech
Revolution

DEBATES

- 153 EZROKH Yu.S.
Credit Cards Market in Russia:
Myths and Reality

ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

- 174 TESLIA P.N.
Public-Private Partnership in the Light
of Historical Retrospective

Выявить, донести, реализовать. Институту исследования Сибири – 100 лет

Экономическая наука, как и любая другая область познания окружающего мира, развивается от постижения отдельных фактов и явлений к формированию более общей и связанной картины изучаемой действительности, а затем если и рассматривает частности, то уже на новом уровне осмысления. Это касается как науки в целом, так и отдельных ее предметов и областей, что прекрасно иллюстрирует этот номер журнала.

Российская экономическая мысль на своем непростом пути познания все дальше отходит от эйфории по поводу рынка, рыночных сил и присущих им процедур координации экономических агентов и возвращается к пересмотру роли и места государства в экономических процессах. Именно с этим связано обсуждение на страницах настоящего номера таких проблем, как структурная политика и ее направленность, подходы и инструменты реализации промышленной политики, скрытые искажения экономической структуры и их последствия. Злободневность данных вопросов лишь усиливает значение отмеченного выше общенаучного подхода продвижения от частного к общему и затем движения в обратном направлении.

Не менее важно, кто и как осуществляет этот, циклический по своей сути, процесс познания и воплощения выявленного и задуманного в жизнь. По крайней мере, в том, что касается экономики, силы и возможности отдельного, пусть даже гениального, исследователя более чем скромны и ограничены, как и возможности отдельных групп подвижников. Причиной тому – колоссальность и изменчивость самого объекта исследования – экономической действительности.

В какой-то мере решить эту непростую проблему помогают два обстоятельства:

- системный подход к изучению, обобщению и формированию предложений по развитию экономики (от отдельного домохозяйства, фирмы до региона, страны и далее);
- формирование и развитие научно-исследовательских организаций и учреждений, которые в тесном взаимодействии осуществляют обмен накопленными знаниями, подходами и умениями.

Каждое из данных обстоятельств более чем необходимо. Лишний повод подчеркнуть значимость второго из них нам дает отмечаемое в январе 2019 г. 100-летие одного из знаменательнейших событий в истории

изучения Сибири (в более широких границах – Азиатской России) – съезда по организации Института исследования Сибири^{1,2}. В «Кратком отчете исполнительного бюро по учреждению Института исследования Сибири» было отмечено, что «... Для успеха дела надо в корне изменить характер работ, надо, чтобы Сибирь изучалась не учреждениями, находящимися вне ея, надо, чтобы сама Сибирь взяла в свои руки один из существенных вопросов ея будущего существования, вопрос о всестороннем и планомерном ея изучении. Только такое исследование даст прочный фундамент для многих дальнейших государственных мероприятий Сибири»³. Председатель съезда профессор Б.П. Вейнберг подчеркивал, что «Институт исследования Сибири рисуется проектом Бюро не в виде безответственного объединения представителей различных учреждений, сходящихся на почве необязательных соглашений, не в виде сростка насильственно вырванных с мясом и кровью из различных ведомств частей их, которые вели до тех пор дело исследования Сибири, и не в виде величественной, но не лишенной опасности застыть в отвлеченной от практики формы Сибирской Академии Наук, а в виде гибкаго, но тесного объединения ведомственности и общественности, практической жизни и науки, причем последняя должна быть не в названии Института, а в применяемых им методах исследования»⁴.

Подход к организации работы института отличали такие важнейшие особенности, как междисциплинарность (в течение пяти дней 18-22

¹ Труды съезда по организации Института исследования Сибири (изданы под наблюдением председателя съезда проф. Б.П. Вейнберга). Томск: Типографии: Томск губернская, Сибирской железной дороги, Т-ва печатного дела и Дома трудолюбия. 1919. I часть - 121 с., II часть - 129 с., III часть - 123 с., IV часть - 42 с., V часть - 32 с.

² «Институт исследования Сибири возник по инициативе томских ученых во главе с проф. Б.П. Вейнбергом, В.В. Сапожниковым, А.П. Поспеловым, М.А. Усовым и др. в январе 1919... Институт... ставил своей целью научно-практическое исследование природы, жизни и населения Сибири в целях наиболее рационального использования естественных богатств края и его культурно-экономического развития... С приходом советской власти деятельность Института замерла. Постановлением Сибревкома летом 1920 года Институт был закрыт». (Статья «Институт исследования Сибири»//Сибирская Советская Энциклопедия, том II. Новосибирск: ОГИЗ. 1931. С. 280-281).

«Для Института исследования Сибири характерна попытка сочетания государственных и общественных форм управления наукой... из-за отсутствия необходимых финансовых средств деятельность Института... была свернута». (Статья «Институт исследования Сибири» // Историческая энциклопедия Сибири, том I. Новосибирск: Институт Истории СО РАН, Издательский Дом «Историческое наследие Сибири». 2009. С. 628).

³ Труды съезда..., Ч. I. С. 17.

⁴ Труды съезда..., Ч. I. С. 39.

января 1919 г. (!!!) в г. Томске «был сделан всего 71 доклад 56 авторов»⁵) и стремление к поиску приемлемых форм интеграции усилий «науки», «бизнеса» и «власти».

Ряд выводов и обобщений, представленных в те дни, поражают своей пронциательностью. Так, в докладе инженера Н.А. Сборовского (при обсуждении направлений деятельности «Института практической экономической политики (в Томске)») было отмечено, что «...длительная невозможность для нашей промышленности успешного конкурирования с иноземною... может привести к устарелости фабрично-заводских установок, и паралич нашей европейско-российской обрабатывающей промышленности перейдет в смерть ея... Капиталы, с большим уроном освободившиеся из нея, перейдут в область добывающей промышленности»⁶.

Идеи и подходы, сформулированные на съезде, опередили свое время – многие из них были реализованы позднее, другие (такие как междисциплинарность и системность) остаются актуальными и поныне.

Несмотря на быструю ликвидацию Института исследования Сибири, уже очень скоро, во второй половине 1920-х годов, были созданы научно-исследовательские институты и организации, занимающиеся той же проблематикой. Так, например, в Новосибирске появился «НИИ экономики при ЗапСибкрайплане»⁷. Следующим логически необходимым шагом стало формирование, говоря современным языком, «сетевой структуры» – институтов, обеспечивающих и переток знаний, и формирование целенаправленного понимания осуществляемых процессов – общесибирских научных съездов и конференций. Так, уже в 1927 г. в Новосибирске состоялся Первый Сибирский краевой научно-исследовательский съезд⁸. В дальнейшем с определенной регулярностью стали проводиться конференции по развитию производительных сил как Сибири в целом (последняя подобная конференция под эгидой СО АН СССР состоялась в 1985 г.), так и отдельных краев и областей макрорегиона⁹.

На протяжении длительного времени усилиями многих выдающихся исследователей, промышленников, деловых людей (от горнозаводчиков, инженеров и директоров советских предприятий, до предпринимателей –

⁵ Труды съезда..., Ч. V. С. 28.

⁶ Труды съезда..., Ч. III. С. 112.

⁷ См., например, «Проблемы освоения Севера Западной Сибири» / Под общ. ред. С.Я. Эдельман. Новосибирск: Зап.-Сиб. краевое издательство. 1935. 260 с.

⁸ Первый Сибирский краевой научно-исследовательский съезд. Том I. Протоколы и резолюции. Новосибирск: Общество изучения Сибири и ее производительных сил. 1927. 272 с.

⁹ См., например, «Конференция по развитию производительных сил Иркутской области. Тезисы докладов». Москва-Ленинград: Издательство АН СССР. 1947. 344 с.

наших современников) складывалась и совершенствовалась система выявления актуальных проблем и поиска эффективных путей их решения, а также продвижения их в «общественное сознание».

Статьи настоящего номера, к сожалению, говорят о том, что многие из ранее апробированных и хорошо зарекомендовавших себя подходов и практик, в лучшем случае, «переоткрываются» заново. Связь и преемственность поколений или утрачена, или значительно ослаблена.

Именно поэтому, например, в Ростовской области использование инновационного потенциала региона сдерживается наличием «проблемных зон», таких как «низкая инновационная активность региональных предприятий... а также имитация заимствованных инноваций» (статья О.С. Белокрыловой). Непоследовательность научно-технической и отсутствие целенаправленной промышленной политики ведут к тому, что изменения и направления развития институциональной среды «...слишком часто носят имитационный характер, в них не генерируются мотивационные механизмы, создающие новые экономические отношения, связи, порядки» (статья М.А. Гасанова, С.А. Жиронкина, В.В. Гузырь, А.В. Жаворонок).

Преодоление возникающих проблем требует не только интеграции усилий и институционализации процесса выявления проблем (таких, например, как набирающий силу «процесс развития структурных деформаций в динамично развивающейся инновационной экономике» (статья Л.А. Щербаковой)), но и формирования адекватных рамок и форм убеждения и продвижения эффективных решений на практике. По сути, таких, которые пытались предвидеть и развивать участники съезда по организации Института исследования Сибири.

Наши уважаемые старшие коллеги и учителя «сказали свое слово» 100 лет назад, теперь очередь за нами. Чем мы ответим? Думается, что разработка и продвижение реалистичной современной промышленной политики, учитывающей исторические и пространственные особенности нашей страны, являются существенным, но далеко не достаточным шагом в данном направлении.

Структурно-циклический подход к технологическому обновлению российской экономики

М.А. ГАСАНОВ, доктор экономических наук. E-mail: hursud1@yandex.ru
С.А. ЖИРОНКИН, доктор экономических наук. E-mail: zhironkin@inbox.ru
В.В. ГУЗЫРЬ, кандидат экономических наук. E-mail: guzyr@tpu.ru
А.В. ЖАВОРОНОК, Национальный исследовательский
Томский политехнический университет, Томск. E-mail: zhavoronok@tpu.ru

В статье рассматривается феномен углубляющейся циклической и структурной неустойчивости экономики России, оказывающий отрицательное воздействие на технологическое обновление и темпы экономического роста. По мнению авторов, в основе экономических циклов лежат система структурных сдвигов разной направленности и нарастание противоречий в системе по типу структурный кризис – структурный сдвиг. Предложен структурно-циклический подход, раскрывающий природу цикличности не только через ее воздействие на структурные сдвиги, технологии, инвестиционные потоки, т.е. внутренние факторы, но и через влияние внешних факторов, которые ведут к качественному преобразованию экономической системы. На основе заявленного подхода авторы определяют, что глубина экономических потерь, дегенеративность научно-исследовательских, инновационных, структурно-технологических источников, отмечаемые в России, обусловлены высокой степенью рыночной энтропии, преобладанием в экономике отрицательных экстерналий, имитационным характером институциональных структур, инерционностью создаваемых ими экономических отношений, которые не стимулируют генерацию технологического обновления и форсируют тенденции деиндустриализации. Предложенный подход позволяет устанавливать генетическую взаимосвязь структурной динамики и циклических колебаний, выявляет диалектику воздействия циклической интервенции на структурные параметры, но и обратное влияние структурных корреляций (устойчивости и неустойчивости) на глубину и характер цикла в целом, на межфазовые и внутрифазовые переходы. Очевидно, что при этом расширяется объект исследования, становится более ясной модель взаимодействия цикла и структуры экономики, что позволяет выявить алгоритмы их переплетения и влияния на макроэкономические показатели. Определены особенности воздействия циклической динамики на структурные сдвиги экономики: сдвиг является первичным структурным детерминантом. Обосновано, что российский структурный цикл деформирован, поскольку кризис не устраняет диспропорции в структуре экономики и обретает черты трансформации дегенеративного типа. В условиях нарастания циклической и структурной неустойчивости интеграционная модель структурно-антициклической политики приобретает особую значимость. Для изменения траектории экономического развития России необходима интегрированная модель антициклической и структурной политики.

Ключевые слова: структурная и циклическая неустойчивость; базисные инновации; экономический рост; технологическая структура; экономические циклы; нелинейность экономических циклов

Исследование цикличности развития российской экономики сегодня особенно актуально, поскольку хозяйственный опыт нашей страны содержит примеры формирования конъюнктурных колебаний в весьма специфических условиях системных трансформаций, в которых эволюционные изменения сочетаются с революционными преобразованиями социально-экономической сферы. Это предполагает углубление теории и методологии макроэкономического анализа, сочетание структурного и циклического подходов.

Между тем проблемы закономерности циклических колебаний отечественной экономики остаются дискуссионными, как и вопросы взаимосвязи циклических колебаний различной продолжительности, взаимодействия факторов, определяющих нелинейную динамику экономического развития. До сих пор нет разработанной концепции циклической динамики современной экономики России, отсутствует общепризнанная типологическая характеристика конъюнктурных циклов в условиях системных трансформаций.

Таким образом, актуальность темы исследования определяется необходимостью: адаптации теорий экономических циклов к условиям чрезвычайных системно-структурных социально-экономических изменений; выявления факторов, определяющих циклическую динамику в современной экономике, в том числе в периоды системно-трансформационных кризисов.

Циклическость экономической динамики и структурные сдвиги: что первично?

Различные аспекты циклической динамики экономической конъюнктуры и ее воздействия на взаимосвязи элементов хозяйственной системы, изменения их качеств и пропорций нашли отражение в трудах зарубежных и отечественных исследователей. Согласно Н. Кондратьеву, Й. Шумпетеру и др., экономическая система в принципе является неравновесной, циклическость рассматривается как закономерность и движущая сила экономического роста. У Дж. Кейнса неравновесность цикла отражается в теории государственного вмешательства в экономику. Противоположной точки зрения придерживаются монетаристы, по мнению которых, экономика сама по себе представляет равновесную структуру, а циклические колебания возникают в результате ценовых шоков, порожденных действиями финансовых властей. Различными

корреляциями эту же идею поддерживают приверженцы теории рациональных ожиданий. В работах Р. Лукаса, Т. Саржента утверждается, что государство не может прогнозировать рациональные ожидания субъектов рынка, что и провоцирует цикл.

Представители современной теории реального экономического цикла Ф. Кюдланд, Э. Прескотт в качестве причин циклических колебаний называют технологические сдвиги, шоки предложения. Адепты неоавстрийской школы рассматривают экономическую систему как принципиально равновесную, а возникновение циклов связывают с расширительной денежной политикой банков, наводняющих экономику кредитными деньгами, что ведет к инфляции и ее перегреву.

В российской экономической мысли природа циклов преимущественно связывается с неравновесными процессами. Наличие связи между циклическими колебаниями и структурными сдвигами рассматривается как отдельная научная проблема.

Для развития индустриально развитых стран, включая Россию, в последние 50 лет характерна углубляющаяся циклическая и структурная неустойчивость, оказывающая отрицательное воздействие на технологическое обновление и темпы экономического роста. При этом процессы глобализации усиливают распространение экономических и финансовых кризисов, придавая синхронный характер волновым процессам в национальных хозяйствах.

Другой особенностью становится структурообразующая роль радикально трансформирующегося технологического базиса, модифицирующего структуру экономики, что привносит в характер развертывания новых механизмов хозяйствования сетевые принципы формирования экономических структур.

В связи с этим развивается новый взгляд на циклическую динамику экономики и ее структурных преобразований. Логика эволюции ее структуры выстраивается следующим образом: в основе экономических циклов лежат система структурных сдвигов разной направленности и нарастание противоречий в системе по типу структурный кризис – структурный сдвиг. В связи с динамическим характером структуры экономики в ней периодически возникают диспропорции, которые, согласно неоклассическим воззрениям, разрешаются через механизм структурного кризиса. В свою очередь, внедрение новых эффективных технологий, формирование новых отраслей производства, новых

форм организации и регулирования способствуют свертыванию структурных кризисов.

Изложенные тезисы соответствуют по духу неоклассическим теориям о равновесии рынка и способности рыночных механизмов к саморегуляции. Однако практика становления рыночной системы хозяйствования в странах с переходной экономикой, включая Россию, показывает, что для них характерна особая роль структурных сдвигов как факторов циклического развития – эндогенная (вызванная не экономическими, а политическими и технологическими причинами), в результате чего циклы развития отдельных отраслей и секторов экономики в значительной степени несинхронизированы.

По нашему мнению, структурные и технологические сдвиги в российской экономике являются закономерным следствием флуктуационного, шокового и прессингового воздействия на структуру производства со стороны внешних факторов (интенсивно изменяющиеся стандарты потребительского предпочтения, текущая научно-техническая революция, санкции, антиглобализационная практика) при наличии сдерживающих внутреннеинституциональных факторов.

Считаем ошибочным широко распространенное в научной литературе мнение о том, что неизбежным положительным следствием экономических кризисов является прогрессивный характер структурных сдвигов в ней. Анализ специфики первого циклического кризиса рыночной экономики России (2008–2012 гг.) и его последствий приводит к противоположным выводам. Тренды структурных сдвигов в отечественной экономике изменились, но в промышленности в среднесрочном периоде они не имеют прогрессивного характера. Рецессия российской экономики оказывает сдерживающее влияние на тенденции ее структурно-технологического обновления в разрезе секторов.

Прогрессивные структурные сдвиги в современной экономике характеризуются в первую очередь развитием наукоемких отраслей, а также связанных с ними научного и инновационного секторов. В России произошедшие в результате рыночных трансформаций интенсивные структурные сдвиги привели не к созданию эффективной конкурентоспособной инновационной структуры экономики, а напротив, – к усилению и закреплению основных структурных диспропорций. Первый циклический

кризис (2008–2012 гг.) ничего в этом плане не изменил. С самого начала рыночных реформ, в условиях отсутствия внятной структурной политики государства, в экономике России продолжается стихийная структурная трансформация, не отвечающая требованиям прогресса. Воспроизводится перекося в сторону высокомонополизированных отраслей, транзакционного и сырьевого секторов, что свидетельствует об углублении диспропорций существующей структурной модели.

Наряду с нарастающим «перекосям» отраслевой структуры экономики в сторону сырьевого сектора за период 1992–2015 гг. (двукратный рост доли нефтегазового производства в российском ВВП – с 8,1 до 16,8%, металлургии – в полтора раза, черной – с 1,9 до 2,4%, цветной – с 1,5 до 2,3%) произошло сокращение доли отраслей обрабатывающего сектора (машиностроения – с 15,3 до 4,2%, химии и нефтехимии – с 5,6 до 3,6%, фундаментальных исследований и НИОКР – с 2,5 до 0,5% ВВП). Отрицательный сдвиг в воспроизводственной структуре российской экономики проявился в двукратном росте доли в совокупных инвестициях нефтегазовой отрасли (с 11,6 до 23,6%), металлургии (с 2,7 до 5,6%) и асимметричном сокращении инвестиций в машиностроение (с 8,3% до 3,1%), в НИОКР (с 3 до 0,3% от ВВП) за период 1992–2015 гг. В целом доля промышленности в ВВП России сократилась с 49% до 33% (по методу валовой стоимости промышленного производства); в самой промышленности доля обрабатывающего сектора снизилась с 48 до 34% (по методу добавленной стоимости) [Колотов и др., 2016. С. 28–30].

Отсутствие структурной диверсификации и низкие темпы новой индустриализации сдерживают развитие инновационной экономики, тем самым закрепляя технологическое отставание в долгосрочном периоде на фоне развертывающейся в развитых и интенсивно развивающихся странах новой технологической промышленной революции.

Изучение взаимообусловленности циклической динамики и структурных сдвигов экономики России позволяет сделать следующие выводы: сдвиг является первичным структурным детерминантом, задающим направленность и глубину экономического цикла, который в свою очередь стал результатом интегрального взаимодействия разнокачественных структурных сдвигов [Гасанов, 2012. С. 121–122]. Сама природа структурного

сдвига связана с кардинальными изменениями макро- и мезоэкономических пропорций под действием экзогенных (экономических – инвестиции, инновации, потребление, сбережение и пр.) и эндогенных (неэкономических – научно-технический прогресс, политика, демография, катаклизмы и пр.) факторов. Количественные изменения, накапливаясь, в ходе сдвига порождают качественные преобразования структуры экономики; последняя приобретает новое качество (например, трансформируется из ресурсноориентированной в обрабатывающую в результате положительного структурного сдвига).

При этом российский экономический цикл мы называем деформированным, поскольку структурный кризис не устраняет диспропорции в структуре экономики, для него не характерно зарождение новых и обновление старых технологий и инновационных внедрений, расширение инвестиционных потоков, создающих новые товары и услуги. В росте российской экономики доля инновационных товаров и услуг ничтожна.

В целом переплетение деформированного экономического цикла и технологически инерционной, непропорциональной структуры экономики, с преобладанием отрицательных деиндустриальных структурных сдвигов, порождает дегенеративный тип трансформации.

Таким образом, реальное воплощение российской модели рынка и ее воздействие на структуру экономики в пореформенные годы показали несостоятельность теоретических воззрений неоклассиков, рассматривающих кризис как закономерную фазу экономического цикла и одну из основных форм разрешения противоречий системы, способствующую ее поступательному развитию.

Структурно-циклический подход: к новой сбалансированности экономики

Предлагаемый нами структурно-циклический подход к изучению причин дегенеративности циклической динамики в России в сочетании с сырьевой структурой ее экономики с падающим технологическим мультипликатором выявляет генеалогию и причинно-следственную связь следующей интерпретации: в условиях российской хозяйственной практики структурная база развития испытывает преимущественно отрицательное

динамическое воздействие нелинейных экономических циклов; которое, в свою очередь, является взаимообусловленным: депрессивное состояние структурных пропорций усиливается из-за разрушительного влияния цикла, а состояние структуры придает последнему инерционный и затяжной характер.

Циклические кризисы есть не только нарушение равновесия, они имеют пределы, смыслом которых выступает восстановление сбалансированности и раскрытия резервов развития [Цветков, 2012. С. 325]. В экономической литературе доминирует автономность научных исследований циклических и структурных процессов (их значения, места, механизмов воздействия на ключевые индикаторы макроэкономики). Более того, нередко позиционируется принцип невзаимосвязанности данных экономических явлений. В учебниках по экономическому анализу цикличность трактуется как периодичность нарушений равновесия в экономической системе, ведущих к свертыванию хозяйственной деятельности, спаду, кризису [Иохин, 2006].

По нашему мнению, в условиях роста существенных потерь от циклических шоков и структурной несбалансированности национальной экономики для адекватного понимания специфики проявления и функционирования различных типов кризисов необходимо критически осмыслить легитимность базовых положений неоклассической интерпретации экономического цикла. Переплетение и наложение разных кризисов, затяжной характер их протекания, усиление структурной и циклической неустойчивости, проникновение внешних шоков и в конечном итоге – экономическая стагнация и неопределенность перехода к новой модели развития делают как никогда актуальными поиски новой модели структурного и циклического регулирования и механизмов ее реализации.

Преимущество нашего подхода к анализу экономических циклов в том, что он раскрывает природу цикличности не только через воздействие структурных сдвигов, технологий, инновационных потоков, т.е. внутренних факторов, но и учитывает влияние внешних факторов, роль которых возросла в последние десятилетия. При этом предлагаемый структурно-циклический подход вполне согласуется с учением Й. Шумпетера о необратимости и революционном характере экономического развития, основанном на последовательности циклов инновационных волн,

технологического обновления, производственных сдвигов, ведущих к смене структурных моделей экономики [Шумпетер, 1982].

Мы считаем, что в условиях российской (и шире – переходной) модели рынка циклические процессы на начальном этапе своего проникновения охватывают преимущественно элементы макроэкономической системы и вкуче с внешними шоками провоцируют усиление структурной несбалансированности. Постепенно распространяясь по всей экономике, циклическое давление проникает на микроуровень, на котором доминируют застойные, вакуумные тенденции в структурной динамике и в решениях инвестиционных агентов, поэтому, несмотря на происходящее в этот период внедрение локальных инноваций и новых технологий в структуру производства, широкомасштабный процесс структурного и технологического обновления не формируется.

В целом, макроэкономические системы в большей мере подвержены воздействию волновых циклических процессов, структурные же изменения накапливаются на микроуровне. Применение структурно-циклического подхода расширяет глубину и границу анализа элементов базовых диспропорций и внешних воздействий на них [Акаев и др., 2015. С. 104].

Мы утверждаем, что первый циклический кризис в российской экономике углубил воспроизводственную, макроэкономическую, межотраслевую диспропорцию, замедлил развитие технологического уклада, практически обнулil восстановительный рост, подвел национальную экономику к пределам ее возможностей. Под воздействием внешних шоков и циклического прессинга сложившаяся энерго- и фондоемкая технологическая структура российской экономики все более мультиплицирует издержки, теряет свою устойчивость. Из-за отсутствия в стране структурно-формирующей промышленной и целенаправленной научно-технологической политики, в условиях доминирующего хаотичного рыночного механизма, конъюнктурные инвестиции хозяйствующих субъектов в локальные высокорентабельные проекты приводят к извлечению национальных ресурсов для корпоративного обогащения и тем самым фактически усиливают накопленные структурные диспропорции.

На наш взгляд, сегодня, в условиях нарастания внешних шоков, в России назрела необходимость продуцирования инновационного типа цикличности, который позволил бы

вывести страну на новую траекторию развития. Это предопределяет острую потребность в смене институционального сопровождения, поскольку инновационный тип цикличности по определению реализуется лишь тогда, когда параметры системы меняются качественно и количественно через скачкообразные *структурные и институциональные* преобразования в экономике [Ерохина, Маркина, 2005].

Между тем в России институциональные меры не только не поспевают за циклическими рисками, они слишком часто носят имитационный характер, в них не генерируются мотивационные механизмы, созидающие новые экономические отношения, связи, порядки.

Очевидно, базироваться такие меры должны на фундаментальной научной основе. В частности, на наш взгляд, необходимы разработка двухфазной модели асинхронных экономических циклов и структурных изменений, а также создание адекватной методологии исследования многофакторных и многоциклических процессов в условиях структурного кризиса и диффузии базисных инноваций, присущих российской экономике.

Основополагающим элементом предлагаемого авторами подхода является динамическая модель структурно-циклического регулирования экономического развития, в которой структурные сдвиги рассматриваются как базовая генерация устойчивости макросистемы. В качестве исходной предпосылки выдвигается предположение, что периодические отклонения инвестиций от трендовой кривой представляют динамику кратко- и среднесрочных циклов. Это подтверждается нелинейностью акселератора инвестиций (отношения вторичных инвестиций к приросту национального дохода за определенный период), поддерживающего незатухающие циклические колебания, при которых происходят бифуркация и зарождение нового цикла.

Так, в российской экономике значение акселератора вторичных инвестиций составило: 2008 г. – 1,09; 2009 г. – (-3,23); 2010 г. – 1,22; 2011 г. – 1,14; 2012 г. – 2,01; 2013 г. – 2,92; 2014 г. – 3,02; 2015 г. – 2,2; 2016 г. – 1,4; 2017 г. – (-0,9)¹.

¹ Росстат. Национальные счета. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (дата обращения: 03.12.2018).

При критическом снижении значения нелинейного акселератора (ниже нулевой отметки) предложение инвестиционных ресурсов лишается своего обеспечения в виде инвестируемой части национального дохода, происходит угнетение структурного роста, рациональных ожиданий хозяйствующих субъектов, структурная устойчивость снижается, а экономика движется к кризису.

Структурная политика в условиях рецессии: преодоление технологического отставания

Характерной для российской экономики является ситуация, когда падение в глубокую рецессию и потеря устойчивости связаны с интервенцией негативных структурных сдвигов в экономике, а наложение различных кризисов способствует разворачиванию долгосрочных циклов, удушающих внедрение технологических инноваций. При этом мы считаем, что незатухающие циклические колебания в своей динамике становятся инерционными, самовоспроизводятся, приобретают самоподдерживающий характер, все более укореняясь в субъективных оценках экономических агентов и влияя на их экономический выбор.

Технологическое отставание мы рассматриваем как главную закономерность отрицательных структурных сдвигов, как следствие реализации специфической российской рыночной модели и как главный компонент угрозы национальной безопасности. Предполагаемые бифуркации во многом зависят от действенности и своевременности мер структурно-циклической политики государства. Если последняя целевым образом направлена на смену технологической базы и формирование платформы обновляющихся технологических сегментов экономики, страна начнет движение по восходящей траектории развития. В противном случае реализуется сценарий нисходящей траектории, существенного спада, вплоть до рецессии.

Восприимчивость к структурным изменениям во многом обеспечивается скоростью капиталовложений с момента принятия решения об индуцированных инвестициях на соответствующих фазах цикла. В российской экономике, в отличие от высокоразвитых стран, идентифицируется скачкообразная форма потери устойчивости, свидетельствующая, с одной стороны, о слабой восприимчивости к структурным изменениям,

с другой – о высокой чувствительности к любым внутренним и внешним возмущениям [Клейнер, 2015. С. 109].

Авторы разделяют распространенную точку зрения на возможность формирования траектории роста в российской экономике под воздействием автономных инвестиций, связанных с революционными изменениями технологий, производственных процессов и порождаемых ими инновационных продуктов. Такие вложения являются внутренними естественными импульсами хозяйствующих субъектов и с помощью стимулированного спроса и индуцированных инвестиций доводят их доходы до уровней, характерных для бума. Таким образом определяется тренд поступательного движения экономики. Однако исследование объема, структуры и состава инвестиционных потоков российских промышленных предприятий за 2008–2018 гг.² показало, что в условиях циклического воздействия инвестиционные возможности субъектов снижаются, и высокий технологический уровень в инновационных отраслях не обеспечивает диффузию нововведений по всей экономике.

Используя прогнозный потенциал структурно-циклической макромоделли, отметим, что эффективное управление экономическим ростом на повышательной волне шестого большого цикла конъюнктуры 2018–2040 гг. основано на увеличении доли высокотехнологичных производств в промышленности примерно в два раза, за счет снижения доли средне- и низкотехнологичных производств [Садовничий и др., 2012. С. 184].

Современную структурную политику надо понимать как в первую очередь промышленную политику, потому что индустриальная структура экономики становится наиболее уязвимой перед кризисными явлениями. Наиболее важные инструменты такой политики, способные обеспечить устойчивый рост, – это финансирование новых производств как за счет прямых государственных вложений, так и через фондовый рынок; создание новейших экспериментальных лабораторий и программ прикладных исследований при университетах и научно-технических организациях; импорт технологий. Формирование ключевых отраслей новой промышленности и развертывание прикладных

² Росстат. Национальные счета. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (дата обращения: 03.12.2018).

исследований в первую очередь рекомендуется в таких сферах, как полупроводники и микроэлектроника, светодиоды и FD-панели, фотогальваника, аккумуляторы нового типа, медицина, фармацевтика и биотехнологии, которые способны обеспечить индустриальный подъем [Инновационное развитие..., 2009].

Для самозапуска механизма структурного и технологического обновления нужна достаточная (критическая) масса системообразующих факторов – институциональные, инвестиционные и социально-экономические меры стимулирования [Князев, 2010. С. 24]. Российская институциональная база из-за устаревания и своего имитационного характера сегодня играет скорее сдерживающую, барьерную, роль. Базирующиеся на ней экономические отношения все более теряют способности приращения национального богатства.

В целом, структурно-циклический подход позволяет рассматривать социально-экономические системы как организуемые структуры (а не самоорганизующиеся, вопреки утверждениям неоклассиков), развитие которых происходит циклически, в большей степени скачкообразно, но при этом поддается управлению через регулируемые позитивные структурные сдвиги. По мнению авторов, на основе этого подхода можно заранее оценить изменения в ходе колебаний, выявить угрозы, аллокацию ресурсов и за счет этого минимизировать структурно-технологические риски системы, пусть даже находящейся в условиях нарастающих макроэкономических шоков и циклического давления.

Литература

Акаев А. А., Румянцева С. Ю., Сарыгулов А. И., Соколов В. Н. Структурно-циклические процессы экономической динамики. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого, 2016. 392 с.

Гасанов М. А. Структурные сдвиги в условиях трансформации экономики России и становления инновационного типа развития: дисс. д-ра экон. наук. Томск: 2012. 384 с.

Ерохина Е. А., Маркина А. В. Циклы Н. Д. Кондратьева в структурных сдвигах в экономике развитых стран // Вестник ТГПУ. 2005. № 5 (49). Гуманитарные науки (Экономика). С. 47–50.

Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б. З. Мильнера. М.: ИНФРА-М, 2009. 624 с.

Иохин В. Я. Экономическая теория: учеб. для вузов. М.: Экономистъ, 2006. 861 с.

Клейнер Г. Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории (часть 1) // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 107–123.

Князев Ю.К. Глобальный кризис и его уроки. Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2010. 42 с.

Колотов К.А., Жиронкин С.А., Гасанов М.А. Экономические, технологические и социальные основы неоиндустриального импортозамещения. Томск: STT Publishing, 2016. 210 с.

Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М.: ИСПИ РАН, 2012. 359 с.

Цветков В.А. Циклы и кризисы: теоретико-методологический аспект. М.-СПб.: Нестор-История, 2012. 510 с.

Шумпетер И. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 455 с.

Статья поступила 17.10.2018.

Summary

Gasanov M.A., Zhironkin S.A., Guzyr V.A., Zhavoronok A.V., National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk

Structural-and-Cyclical Approach to Technological Renewal of the Russian Economy

The article deals with the phenomenon of deepening cyclical and structural instability of Russian economy, which has a negative impact on technological modernization and economic growth. According to the authors, the basis of economic cycles is a system of structural shifts of different directions and the expansion of contradictions in “structural crisis – structural shift” system. A structural-and-cyclical approach is proposed, revealing the nature of cyclicity, not only using its impact on structural shifts, technologies, investments (internal factors), but also through influence of external factors that lead to a qualitative transformation of the economic system. Based on the declared approach, the authors concluded that the depth of economic losses, the degeneracy of innovation, structural and technological sources of Russian economy is due to a high degree of market entropy, the prevalence of negative externalities in the economy, the imitative nature of institutional structures, the inertia of economic relations. All these negative factors are de-stimulating for technological modernization and force de-industrialization trend. The proposed approach allows establishing the genetic relationship between structural dynamics and cyclic fluctuations, reveals the dialectic of the impact of cyclic intervention on structural parameters and reverse influence of structural correlations (stability and instability) on the depth and nature of the cycle as a whole, on interphase and intraphase transitions in particular. Obviously, in this case, the research object is expanded, the model of interaction between the cycle and the structure of the economy becomes clearer, which makes it possible to identify algorithms for their interrelation and influence on macroeconomic indicators. The features of the impact of cyclical dynamics on structural shifts of the economy are determined: the shift is the primary structural determinant. It has been substantiated that the structural cycle of Russian economy is deformed, since the crisis does not eliminate disproportions in the economic structure but acquires features of a degenerative type of transformation. In conditions of increasing cyclical and structural instability, the integrated model of structural-and-anticyclical policy acquires special significance. To change the

trajectory of Russia's economic development, an integrated model of counter-cyclical and structural policies is needed.

Structural instability; cyclical instability; basic innovations; economic growth; technological structure; economic cycles; nonlinearity of economic cycles

References

Akaev A.A., Rumyantseva S.Yu., Sarygulov A.I., Sokolov V.N. (2016). Strukturno-ciklicheskie processy ehkonomicheskoy dinamiki. Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskij politekhnicheskij universitet im. Petra Velikogo. 392 p. (In Russ.).

Gasanov M.A. (2012). Strukturnye sdvigi v usloviyah transformacii ehkonomiki Rossii i stanovleniya innovacionnogo tipa razvitiya. 384 p. (In Russ.).

Erohina E.A., Markina A.V. (2005). Cikly N.D. Kondrat'eva v strukturnyh sdvigah v ehkonome razvityh stran. Vestnik TGPU. Gumanitarnye nauki (Ekonomika). [Bulletin of TGPU. Series: Humanitarian Sciences and Economics]. Vol. 5. Issue 49. Pp. 47–50. (In Russ.).

Mil'ner B.Z. (Ed.) (2009). Innovacionnoe razvitie: ehkonomika, intellektual'nye resursy, upravlenie znaniyami Moscow, INFRA-M Publ. 624 p. (In Russ.).

Iohin V. Ya. (2006). Ekonomicheskaya teoriya: Textbook. Moscow, Ekonomist Publ. 861 p. (In Russ.).

Kleiner G.B. (2015). Ustojchivost' rossijskoj ehkonomiki v zerkale sistemnoj ehkonomicheskoy teorii (chast' 1). *Voprosy ehkonomiki [Issues of Economics]* Vol. 12. Pp. 107–123. (In Russ.).

Knyazev Yu.K. (2010). Global'nyj krizis i ego uroki. Nauchnyj doklad. Moscow, IEH RAN. 42 p. (In Russ.).

Kolotov K.A., Zhironkin S.A., Gasanov M.A. (2016). Ekonomicheskie, tekhnologicheskie i social'nye osnovy neoindustrial'nogo importozameshcheniya. Tomsk, STT Publishing. 210 p. (In Russ.).

Sadovnichij V.A., Akaev A.A., Korotaev A.V., Malkov S. Yu. (2012). Modelirovanie i prognozirovanie mirovoj dinamiki. Moscow, ISPI RAN. 359 p. (In Russ.).

Cvetkov V.A. (2012). Cikly i krizisy: teoretiko-metodologicheskij aspekt. Moscow – Sankt-Peterburg, Nestor-Istoriya Publ. 510 p. (In Russ.).

Shumpeter I. (1982). Teoriya ehkonomicheskogo razvitiya. Moscow, Progress Publ. 455 p. (In Russ.).

Структурные деформации как компонент инновационного развития

Л.Н. ЩЕРБАКОВА, доктор экономических наук,
Кемеровский государственный университет, Кемерово.
E-mail: ludmilashc@yandex.ru

В работе уточнено понятие структурных деформаций как воспроизводственной категории, имеющей множественный эффект в экономической структуре. Высказана позиция о возможности развития структурных деформаций в динамично развивающейся инновационной экономике. В основе таких деформаций лежат свойства инноваций: неопределенность, высокая динамика процесса, особенности инновационных продуктов и инновационных циклов, наличие псевдоинноваций и др. Обоснована необходимость учета дополнительных искажений экономической структуры, возникающих в процессе модернизации российской экономики.

Ключевые слова: структурные деформации; инновации; соотношение отраслей; неопределенность инноваций; инновационное неравенство

Понятие структурных деформаций

Модернизация экономики, опирающаяся на активную инновационную деятельность, призвана придать ее развитию новые импульсы, обеспечить качественное обновление структуры. В то же время нельзя исключить появления в результате нововведений нежелательных структурных деформаций. Понимание природы последних в научной литературе чаще всего связывают с односторонним развитием экономики, отсутствием диверсифицированных источников доходов. Хрестоматийный пример – сырьевая направленность российского экспорта.

Кроме того, как известно, изменения экономической структуры могут быть пассивными и активными. В первом случае происходит сокращение секторов, не представляющих интереса с точки зрения рынка, во втором – целенаправленное расширение производства продукции (в том числе новых ее видов), пользующейся высоким спросом. Нам также близка позиция коллег, интерпретирующих структурные деформации как искажение производственных отношений, что приводит, кроме всего прочего, к отсутствию сбалансированности между отдельными частями промышленного

сектора и факторами производства, доминированию денежной массы по сравнению с товарной [Бечвая, Масыч, 2012. С. 8].

Выделим следующие характеристики структурных деформаций:

- они не всегда настолько же видимы и очевидны, как структурные диспропорции, следствием которых являются;
- это воспроизводственная категория, функционирование которой проявляется в долгосрочном периоде;
- по своей сути они представляют собой накопленный «отрицательный потенциал», который непосредственно влияет на экономику, тормозя ее развитие;
- для них характерен эффект множественности: охват как минимум двух (чаще – больше) сегментов экономики, один из которых получает чрезмерное развитие, «перетягивая» ресурсы из второго, третьего, четвертого; в другом производственная активность постепенно сворачивается, теряется качество роста, а затем и сам рост;
- они имеют сквозной характер, проникая из экономической в социальную сферу, оказывая влияние на культуру, характер досуга, общественную активность.

Двойственность структурных деформаций инновационного процесса

Инновационная деятельность может вызвать структурные деформации как вследствие опережающего развития высокотехнологичных секторов, так и в результате сопутствующего технологического отставания традиционных сфер экономики, чему есть немало примеров в истории.

Ряд крупных технологических открытий имели характер «инновационных революций», породивших противоборство «старого» и «нового» экономических секторов и повлиявших на обновление всей экономической системы. Механизмы этого процесса хорошо изучены. В частности, в известной модели Хансена-Прескотта [The Hansen-Preseott, 2002] исследовался процесс вытеснения традиционного мальтузианского сектора экономики (опора на землю) «новым» сектором Солоу (опора на капитал). Победа «нового» над «старым» рассматривалась этими учеными как однозначно положительное и закономерное явление.

В то же время сегодня трудно безоговорочно принять такую точку зрения. Так, дальнейший ход экономических преобразований показал значимость сельского хозяйства и отраслей аграрно-промышленного комплекса как важной части реального сектора экономики и одного из факторов национальной безопасности. Обеспеченность продуктами питания относится к глобальной проблеме мировой экономики. Современная модель экономического

развития включает отрасли аграрно-промышленного комплекса в сферу интеллектуального производства.

Подобная ситуация сложилась и с промышленностью, удельный вес которой существенно сократился в постиндустриальном обществе в пользу сферы услуг. В рамках политики неоиндустриализации базовым направлением становится возрождение ее роли и расширение сферы функционирования.

Причины структурных деформаций инновационного процесса

К базовым причинам возникновения структурных деформаций в экономике, заложенным в самой природе инноваций, относятся следующие.

1. *Высокая динамика развития новых технологий*, которая нередко дополнительно стимулируется государством путем финансовой и институциональной поддержки.

Ярким примером мощной инновационной динамики может служить развитие рынка информационных технологий, приведшее к широкому распространению технологических, организационных, маркетинговых инноваций, в том числе в традиционных секторах экономики. Возможности совершенствования компьютерной техники считаются практически безграничными. Совокупные доходы от продажи такой техники постоянно растут, несмотря на снижение цен. В 2015 и 2016 гг. самый значительный рост показал рынок корпоративного производственного оборудования¹.

Еще в большей мере роль инновационного драйвера экономики играют конвергентные, мобильные и облачные технологии. Рынок мобильной широкополосной связи отличают самые высокие темпы роста. В текущую пятилетку (2014–2019 гг.) общий объем капиталовложений в широкополосную связь должен превысить 144,2 млрд долл.² Затраты на общественные облачные услуги в мировой экономике к 2018 г. планировалось увеличить в пять раз³. Облачные технологии дают возможность виртуализации

¹ ИТ – мировой рынок. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 25.11.2017).

² Тенденции в реформировании электросвязи, 2016. URL: http://www.kanlink.ru/news/tendencii_v_reformirovanii_ehlektrosvjazi/2016-04-06-437 (дата обращения: 12.07.2016).

³ Обзор и оценка перспектив развития мирового и российского рынков информационных технологий. URL: <https://habrahabr.ru/company/moex/blog/250463/> (дата обращения: 25.11.2017).

серверов, систем хранения сведений, существенно снижая затраты фирм на закупки дорогостоящего оборудования. В свою очередь конвергентные технологии позволяют значительно сократить издержки, связанные со встраиванием новых технологий в имеющуюся инфраструктуру.

В совокупности конвергентные, мобильные и облачные технологии, обеспечивая увеличение скорости передачи информации, качество и надежность ее хранения, снижение стоимости информации, способствуют совершенствованию управления, то есть организационным инновациям.

Становление информационной экономики отличается продуктовыми инновациями, постоянным обновлением ассортимента товаров: от персональных компьютеров – к ноутбукам и планшетам, от кнопочных мобильных телефонов – к смартфонам, от дискет – к дискам и USB-флеш-накопителям. В определенной степени к продуктовым инновациям можно отнести и производство фаблетов, «интернет вещей» (взаимодействие устройств без участия человека). Активное расширение и развитие информационных услуг представляют собою еще один сегмент продуктовых инноваций.

Другой не менее яркий пример бурного развития инновационного сектора – наноиндустрия. В начале 2000 г. этот сектор получил мощное ускорение благодаря принятию в США первой в мире Государственной стратегии развития нанотехнологий. Правительство США сделало все возможное для обеспечения американского лидерства на новом перспективном рынке, инициировав «наногонку», в которую включились страны всех уровней развития. Только за одно десятилетие в мировой экономике объем инвестиций в нанотехнологии превысил 65 млрд долл. [Фролов, Полинцев, 2017. С. 28].

Исследования инновационных процессов и последующая инновационная политика должны учитывать два обстоятельства: во-первых, новейшие технологии во многом опираются на существующую индустриальную базу, то есть биотехнологии, нанотехнологии, информационно-коммуникационный комплекс нуждаются в материально-техническом оснащении. Во-вторых, большинство стран среднего уровня развития, к которым относится и Россия, являются преимущественно индустриальными, и им следует уделять пристальное внимание подбору отраслей для стратегического развития экономики. В национальных хозяйствах, обеспеченных

ресурсами, разумно направлять инвестиции прежде всего в развитие обрабатывающих отраслей, смежных с наличествующим добывающим сектором экономики и не всегда являющимися инновационными лидерами.

II. *Сама специфика инновационного продукта.*

В концепции «ответственного подхода к созданию инноваций» последним отводится роль эффективных и доступных продуктов, которые соответствуют ожиданиям потребителей благодаря безопасности, высоким стандартам качества, экологическому и социальному эффекту [Инцельт, Ксонка, 2017. С. 65]. Эксперты по ответственному подходу выделили несколько важных свойств инновационных продуктов: экологическая нейтральность, безопасность продукта, честные закупки, этичность, возможность адаптации к глобальному разнообразию.

Вместе с тем достаточно часто активное коммерческое применение получают инновационные идеи в продуктах, не удовлетворяющих названным критериям. Если возрастание числа пользователей Интернета оценивается с позиций роста показателей в западных рейтингах, а инновационные идеи направлены преимущественно на масштабирование игровых компьютерных программ, производство «забавных безделушек» [Байнев, 2017. С. 4], запуск удачных рекламных трюков и т.п., то имеют место инновационные структурные деформации.

Своеобразным примером может выступить, например, широкое распространение нелегального программного обеспечения. В 2000–2004 гг. в России основная часть программного обеспечения использовалась нелегально. Сегодня «пиратства» в сфере потребления программных продуктов уже меньше, в том числе благодаря усилиям разработчиков и правоохранительных органов, но все еще остается выше среднемирового уровня. При этом нужно иметь в виду, что от борьбы с пиратством ни добросовестные приобретатели, ни национальная экономика не получили никакой экономической выгоды. Напротив, уровень конкурентоспособности отечественной продукции на общемировом рынке снизился. По сути, вкладывая ресурсы в легализацию программного обеспечения, Россия работала на увеличение высокотехнологичной части ВВП США. К тому же использование программного обеспечения, основанного на закрытом исходном коде, заставляет задуматься о безопасности данных российских предприятий и организаций.

Специфика программного обеспечения позволяет отнести его к сложным товарам, при приобретении которых имеют значение не только цена и потребительские качества, но и общая стоимость владения, включающая стоимость необходимого для эксплуатации программ оборудования и его технического обслуживания, приобретения требуемого количества экземпляров программ (или лицензий на их тиражирование), затраты на администрирование и сопровождение систем, а также на приобретение соответствующих навыков персоналом, эксплуатирующим программы; затраты, связанные с прогнозируемыми убытками от сбоев, ошибок при эксплуатации программ, простоя оборудования и т.д.

III. Неопределенность инноваций.

Одна из особенностей инновационного процесса – неопределенность его результатов [Aghion, Howitt, 1992]. В производстве это проявляется в непредсказуемости затрат и результатов на всех этапах от разработки нового продукта до его выпуска в свет. Но и на этапе потребления нередко оказывается, что технические новинки находят применение вовсе не в тех областях и не для тех целей, для которых они разрабатывались. Яркий пример – выход глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС, которая изначально создавалась для военных целей, на «гражданский» рынок и ее широкое использование в автотранспорте.

В итоге практически невозможно заранее оценить экономический эффект от применения новых изобретений. А нередко первое применение вообще не приносит финансовой отдачи. Р.М. Нижегородцев приводит следующие цифры: только 3–7% изобретений дают эффект, величина которого может составить 75% от общего результата, на долю остальных 93–97% новых знаний приходится 25% [Нижегородцев, 2002. С. 25].

Неопределенность результативности инноваций порождает непрогнозируемое и стремительное изменение соотношения разных сегментов экономики, следствием чего могут стать структурные дисбалансы и социальные потрясения. Такая динамика может быть вызвана ростом производительности труда на основе инноваций сначала в том секторе, который их породил и внедряет (прямое влияние), а затем постепенно в смежных и традиционных секторах (эффект перелива). Так, производство компьютеров в США, составляя всего 0,3 всей добавленной стоимости страны,

генерирует 2,7% ее экономического роста и увеличение производительности труда на 25% [Варнавский, 2016].

Диффузия новых знаний/технологий – неизбежное и в общем положительное явление инновационного процесса, обеспечивает синергетический процесс ресурсосбережения, экологизации традиционных производств и т.п. Распространению влияния инноваций на структуру всей экономики способствуют положительные внешние эффекты. К их числу относятся обмен основной информацией между экономическими агентами, обеспечение доступа к необходимым поставщикам услуг и продуктов и т.д. Особенно ярко это проявляется в сетевой экономике, в которой успешность каждого конкретного агента во многом зависит от структуры и качества взаимосвязей внутри сети, а результаты работы сети – от вклада каждого ее участника.

Однако эффект перелива и положительные экстерналии могут привести к тому, что:

а) результаты развития непосредственно инновационного сектора (донора) могут оказаться хуже, чем у принимающей отрасли (реципиента). Так, экономическая действительность опровергла веру в надежность и прибыльность инвестиций в нанотехнологии. Индексы компаний, занятых разработкой нанотехнологий, отстают от индексов традиционных производств, nanoиндустрия до сих пор не сформировалась, а коммерческие результаты от применения нанотехнологий получают компании неинновационного профиля;

б) отрасли, применяющие инновации, могут получить нежелательное с точки зрения экономики и общества развитие. Яркий пример – опережающее развитие финансового сектора в результате активного внедрения современных информационно-коммуникационных технологий, приведшее к тому, что валютные, финансовые, кредитные рынки развиваются быстрее рынков товаров и услуг. Более того, потенциал дальнейшего отрыва финансовой сферы от реального сектора еще далеко не исчерпан, так, цифровизация банковского сектора может привести к сокращению издержек на 40–60% [Цифровая..., 2016. С. 85].

При этом сформировавшаяся сеть мировых финансов имеет высокую степень неустойчивости. Ее субъекты, стремясь к возрастанию прибыли и победе над конкурентами «любой ценой», часто пренебрегают рисками, подрывают единство финансовой

сети, что нашло выражение, в частности, в финансово-экономическом кризисе 2008–2009 гг. Неизбежным следствием возникших дисбалансов становится социальная напряженность, вызванная потерями доходов населения, колебаниями валютных курсов, катастрофическим возрастанием кредитной задолженности и т.д. О том, что отечественная банковская система также не удовлетворяет потребностям общества, косвенно свидетельствует проводимая Банком России политика санации банков. Только 25% от их числа являются объектом заботы и сохранности государства [Эзрох, 2018. С. 146].

Есть свидетельства и того, что информационная экономика способствовала расширению в России бюрократии. Темпы роста инвестиций в «электронное правительство» достаточно устойчивы, однако показатели успешности применения цифровых технологий в российской системе управления ниже, чем у лидеров информационного развития практически всех регионов, даже африканского (США, Кореи, Бахрейна, Маврикия), причем диапазон разрыва означенных показателей не меняется⁴;

в) отдельные структуры или субъекты рынка могут воспользоваться техническими достижениями в своих узкокорыстных интересах, противоречащих интересам общества.

Информационная революция вызвала к жизни новые виды угроз, к которым относятся, в частности, киберпреступность и кибертерроризм. Объектами таких угроз могут быть как отдельные граждане, организации, предприятия, так и целые государства, для которых организация киберзащиты превратилась в постоянную статью расходов. Причем объем этих расходов все время растет, поскольку развитие новых технологий и постоянное их обновление одновременно выступают основой расширения объемов и видов угроз. Так, в России государственные организации выделяют на кибербезопасность до 800 млн руб., финансовые учреждения – до 300 млн руб., предприятия информационной сферы, промышленность – до 50 млн руб. ежегодно⁵.

⁴ The Global Information Technology Report 2017. URL: <http://www.yandex.ru/cleek/jsredir?bu=ihth&from=www.yandex.ru> (дата обращения: 22.08.2018).

⁵ В Positive Technologies посчитали, сколько стоит информационная безопасность в России. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/about/news/289129/> (дата обращения: 06.08.2018).

Определенные риски несет и растущая сфера электронной коммерции, капиталовложения в которую, по прогнозам, в ближайшие пять лет будут расти ежегодно в среднем на 12,5%⁶. При несомненном наличии экономических преимуществ по сравнению с традиционной торговлей, электронная коммерция может породить ряд «провалов». Далеко не весь объем электронных сделок контролируется, в результате нередко наблюдаются уклонение от уплаты налогов, обман потребителей. Вредоносные программы, хакерские атаки наносят ущерб хозяйствующим субъектам и домашним хозяйствам. Появляются все новые схемы мошенничества с использованием номеров кредитных карт, копий легальных сайтов и фиктивных торговых точек. За 2013–2016 гг. объем мошеннических операций в электронной коммерции вырос на 19%⁷.

IV. Наличие псевдоинноваций.

Несмотря на огромное количество публикаций по различным направлениям и аспектам инноваций и инновационного развития, ряд исследователей сходится во мнении, что на основе представленных определений и черт инноваций невозможно четко обозначить грань между их наличием и отсутствием [Гутгарц, 2017. С. 70–71]. Одни авторы используют этот термин как синоним перемен, нововведений, другие представляют их как процесс практического применения нововведений с последующим получением экономического эффекта. В теории инновационного развития не всегда имеет значение, является тот или иной способ производства продукта или источник сырья совершенно новым или он таков лишь для конкретной фирмы, отрасли или рынка; подавляющая часть российских новых технологий не бывают принципиально новыми с позиций мировой статистики инноваций. Также не учитывается, какое последствие вызвали реорганизационные изменения на рынке: рост монополистических тенденций или их подрыв. То есть в смысловом значении инноваций заложена многовариантность как их содержания, так и влияния на экономические и социальные процессы, что дает основу для формирования «псевдоинноваций», вложения в которые могут привести

⁶ Интересная аналитика о способах мошенничества в электронной коммерции. URL: <http://psm7.com/security/interesnaya-analitika-o-sposobax-moshennichestva-v-elektronnoj-kommercii.html>. (дата обращения: 05.05. 2018).

⁷ Там же.

к неоправданному расширению определенных сфер деятельности и в конечном итоге – к структурной деформации.

V. Цикличность научно-технического прогресса.

То, что научно-технический прогресс имеет выраженную цикличность, давно никем не оспаривается. Рассчитана даже примерная продолжительность цикла в 40–45 лет, обеспечивающая его определенную инерционность [Фальцман, 2017. С. 16–26]. Это означает, что направления инновационных процессов в отдельные периоды могут не совпадать и даже противоречить наличествующим тенденциям в экономике, порождая тем самым ее деформирование.

VI. Возникновение конкуренции и неравенства особого рода.

Борьба за право регулирования информационно-финансовых потоков являет собой пример жесткой и даже агрессивной конкуренции, «гиперконкуренции» [Дятлов, 2012. С. 69]. Стремление к лидерскому захвату новых рынков и защите интеллектуальной собственности обостряет противоречия и порождает новые формы неравенства. Информационная конкуренция, информационные войны, информационное противоборство являются спутниками революции информационно-коммуникационных технологий. Страны, сумевшие первыми освоить информационные технологии, получают большие выгоды от их использования и продажи. Отсутствие новых технологий, соответствующих дисциплин в отдельных высших учебных заведениях усиливает образовательное неравенство. Разница в квалификации работников, качестве трудовых ресурсов закономерно ведет к структурному дисбалансу в экономике.

VII. Некоторые формы инноваций могут существенно повлиять на чрезмерный рост определенных сегментов экономики.

В качестве иллюстрации приведем в пример рекламный рынок, который в последние годы претерпевает очень существенные изменения под воздействием новых информационных технологий. Прежде всего, идет активный процесс вытеснения из маркетинговых коммуникаций традиционной рекламы, на место которой приходит электронная. Так, в XXI в. доля последней увеличилась на 15%, в то время как доля рекламы в газетах упала на 12%, в журналах – на 5%⁸. При этом интернет-реклама

⁸ ZenithOptimedia снизила прогноз по росту рынка. URL: http://www.sostav.ru/news/2012/12/04/zenithoptimedia_prognoz_rinok/ (дата обращения: 02.04.2018).

становится все более и более таргетированной и эффективной, обеспечивая обратную связь с потребителями. Одновременно с помощью манипуляционных практик и техногенной зависимости меняются потребительские предпочтения людей. Как показывает в своих исследованиях К. Омае, виртуальная цена все чаще выступает функцией образа стоимости, социальный статус товара становится более значимым фактором формирования цены блага, чем его потребительские свойства или затраченный на него труд. В результате на рынке осуществляется обмен не реальными благами, а образами товаров, при этом происходит своего рода симуляция технологического прогресса⁹.

Необходимость преодоления структурных деформаций экономики России

Не секрет, что экономическая структура России далека от совершенства, ее успешному развитию препятствует целый ряд появившихся в предыдущие годы структурных деформаций. В числе первоочередных мер по их преодолению ведущие научно-исследовательские коллективы называют: усложнение структуры производства и повышение его эффективности; использование успешного опыта других стран; ликвидацию разрывов между параметрами эффективности в отдельных видах производства; создание условий для формирования инновационно-промышленных сетей; субсидирование отечественной промышленности за счет снижения цен на энергоресурсы; стимулирование встраивания национальных промышленных компаний в мировые цепочки добавленной стоимости [Толкачев, Тепляков, 2017. С. 52], а также контроль за развитием финансового сектора, исключение спекулятивной составляющей его деятельности; изменение модели корпоративного управления на основе пересмотра уровня заработной платы ведущих менеджеров; обновление содержания законов о банкротстве и антимонопольного законодательства; обеспечение прогрессивного характера налоговой системы [Сухарев, 2017. С. 20].

Вместе с тем, поскольку России предстоит массовая модернизация, считаем, что необходимо обратить особое внимание на негативный опыт передовых стран, чтобы не допустить

⁹ Omae K. (1990) The Bordless. Power and strategy in the interlinked economy. Available at: <http://www.kohmae.com/en/entry/book/120331201/>

возникновения нежелательных структурных деформаций, сопутствующих инновационному развитию.

1. Прежде всего, необходимо уже на первоначальном этапе заниматься не только вопросами финансирования инноваций и выбора их направленности, но и поставить задачу исключения возможности инновационных структурных деформаций.

2. Инновационная политика должна опираться на хорошо отлаженные механизмы отслеживания результатов, в частности необходимо выявлять и исключать ее влияние на расширение структурных деформаций в виде приращения управленческого аппарата, увеличения торгового оборота путем электронного мошенничества и пр. Вероятно, это потребует применения дискреционных инструментов, корректирующих упущения и нежелательные для общества направления развития инноваций.

3. Необходим учет тех сфер деятельности, которые могут в первую очередь и достаточно интенсивно применять инновационные результаты, но чрезмерная динамика которых нежелательна для гармоничного развития общества и экономики (финансовая сфера, реклама, нелегальная виртуальная торговля). В частности, на наш взгляд, следует более строго оценивать инновационные показатели названных сфер, в меньшей мере стимулировать их инновационную деятельность.

4. В системе индикаторов инновационного развития предприятий присутствует показатель удельного веса инновационных товаров, услуг, работ в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг. Для исключения из числа данных благ «псевдоинноваций» необходимо внести изменения в систему учета: либо путем уточнения категории инновационных продуктов, либо введя дополнительные показатели по результативности нововведений.

5. Комплексный показатель «качество инновационной политики», применяемый для оценки деятельности российских губернаторов, необходимо расширить за счет пункта, который бы оценивал параметры оздоровления структуры экономики (как пример – показатель прироста определенных значимых для национального хозяйства секторов, полученного в результате внедрения инноваций).

6. В целях исключения таких последствий инновационного развития, как потеря социальной активности граждан, возрастание тенденции «потребительства» и т.п., необходимо особое

внимание уделить влиянию инноваций на образ жизни людей. С этой целью, по нашему мнению, можно было бы расширить показатель «социально-экономические условия инновационной деятельности» пунктами о формировании креативных способностей людей в инновационном обществе.

Литература

Байнев В. «Четвертая промышленная революция» как очередной этап экономической интеграции // *Экономист*. 2017. № 2. С. 3–9.

Бечвая М.Р., Масыч М.А. Причины и условия возникновения деформаций в экономике промышленного сектора // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2012. № 4 (20). С. 7–15.

Варнавский В. Экономический рост в США: тренды и факторы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. № 2. С. 26–39.

Гутгарц Р. В плену тренда «инновации» // *Экономист*. 2017. № 2. С. 70–84.

Дятлов С. Инновационная гиперконкуренция как фактор развития экономической системы // *Экономист*. 2012. № 5. С. 69–76.

Инциэль А., Ксонка Л. Ответственный подход к исследованиям и инновациям в предпринимательском секторе // *Форсайт*. 2017. Т. 11. № 4. С. 63–73.

Нижегородцев Р.М. Информационная экономика. Кн. 2. Управление беспорядком. М.: МГУ, 2002. 173 с.

Сухарев О. Экономический рост России: различия в подходах к выбору траектории развития (ответ «либералам») // *Экономист*. 2017. № 2. С. 10–25.

Фальцман В. Подвижки 2000-х гг. в отраслях и технологиях // *Экономист*. 2017. № 5. С. 16–26.

Фролов Д., Польнцев И. Кризис наноиндустрии и ее будущее // *Экономист*. 2017. № 5. С. 25–40.

Цифровая Россия: новая реальность. М.: DigitalMcKinsey, 2017. 134 с.

Толкачев С., Тепляков А. Промышленная политика против «новой нормальности» // *Экономист*. 2017. № 2. С. 52–58.

Эзрох Ю.С. О перспективах изменения «ландшафта» изменения российской банковской системы: кто выиграет? // *ЭКО*. 2018. № 1. С. 142–158.

Aghion P., Howitt P. Model of Growth through Creative Destruction: NBER // *Econometrica*. Vol. 60. 1992. P. 323–351.

David P.A. The Dinamo and the Computer: An Historical Perspective on the Modern Productivity Paradox // *American Economic Review*. 1999. № 80. URL: <http://www.dklevine.com/archive/refs4115.pdf>.

The Hansen-Prescott Model // *Financial Management*. 2002. Chapter 18 URL: <https://www.coursehero.com/file/7172189/HansenPrescottSlides/>

Статья поступила 04.05.2018.

Summary

Shcherbakova L.N., Kemerovo State University, Kemerovo

Structural Deformation as a Component of Innovative Development

The work specifies the notion of structural deformations as a reproductive category with multiple effects in the economic structure. Structural deformations are

considered possible in a fast growing innovation economy. Such deformations arise from inherent features of innovation such as: uncertainty of innovation, high dynamics of the process, peculiarities of innovative products and innovation cycles, existence of pseudo innovations, etc. It is suggested necessary to consider additional distortions of economic structure, arising in the process of modernization of Russian economy.

Structural deformation; innovations; ratio of industries; the uncertainty of innovation; innovative disparities

References

Bainev V. (2017). The fourth industrial revolution as the next stage of economic integration. *Economist*. No. 2. Pp. 3–9. (In Russ.).

Bechvaya M.R., Masich M.A. (2012). The reason and condition of emergence in economy of industrial sector. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. [Tomsk State University Journal of Economics]*. No. 4 (20). Pp. 7–15. (In Russ.).

Varnavskiy V. (2016). The economic growth in the United States: trends and factors. *Mirovaya ekonomika I mezhdunarodnye otnosheniya. [World economy and international relations]*. No. 2. Pp. 26–39. (In Russ.).

Gutgar R. (2017). In captive trend innovations. *Economist*. No. 2. Pp. 70–84. (In Russ.).

Djatlov S. (2012). The innovative giperkonkurencija as a factor of the economic systems development. *Economist*. No. 5. Pp. 69–76. (In Russ.).

Inselt A., Csonka L. (2017). The approach of Business Sector to Responsible Research and Innovation (RRI). *Foresight and STI Governance*. Vol. 11. No. 4. Pp. 63–73. (In Russ.).

Nizhegorodtsev R.M. (2002). The information economy. Book 2. Management of the disorder. Moscow: MSU Publ. 173 p. (In Russ.).

Sukharev O. (2017). The economic growth Russia: differences in approaches to the selection of development trajectories (answer to “liberals”). *Economist*. No. 2. Pp. 10–25. (In Russ.).

Falcman V. (2017). Progress 2000-es. in industries and technologies. *Economist*. No. 5. Pp. 16–26. (In Russ.).

Frolov D., Polynceev I. (2017). Crisis Nanotechnology and its future. *Economist*. No. 5. P. 25–40. (In Russ.).

Digital Russia: new reality. (2017). Moscow: DigitalMcKinsey, Russ. lan. 134 p. (In Russ.).

Tolkachev S., Teplyakov A. (2017). The industrial policies against “new normality”. *Economist*. No. 2. Pp. 52–58. (In Russ.).

Ezrokh Yu.S. (2018). On the Perspectives of Changing the Landscape of the Russian Banking System: Who Will Win? *ECO. [ECO]*. No. 1. Pp. 142–158. (In Russ.).

Aghion P., Howitt P. (1992). Model of Growth through Creative Destruction: NBER. *Economtrica*. Vol. 60. No. 3233. Pp. 323–351.

David P.A. (1999). The Dinamo and the Computer: An Historical Perspective on the Modern Productivity Paradox. *American Economic Review*. No. 80. Pp. 391–392.

The Hansen-Prescott Model. (2002). *Financial Management*. Chapter 18. Available at: <https://www.coursehero.com/file/7172189/HansenPrescottSlides/>

Инновационная реструктуризация региональной экономики (на примере Ростовской области)¹

О.С. БЕЛОКРЫЛОВА, заслуженный деятель науки РФ,
доктор экономических наук, Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону. E-mail: okbelokrylova@sfedu.ru

В работе проведена оценка инновационного потенциала экономики Ростовской области, сформировавшегося в результате реализации инновационной политики региона. Показана неэффективность использования сложившегося научно-технического, инновационного и образовательного потенциала региона вследствие наличия ряда проблемных зон в его экономике. Это обусловило необходимость экспертного обоснования направлений региональной политики, целеориентированной на инновационную реструктуризацию экономики. Для решения этой задачи был использован метод бенчмаркинга, обеспечивший выявление передовых международных практик реализации экономической политики в условиях стремительного развертывания 4-й промышленной революции, включающей следующие направления: неоиндустриализацию, цифровизацию, формирование региональной инновационной системы. В результате была построена когнитивная модель, обеспечивающая разворачивание региональной экономической политики от целеполагания, через критерии и метрики до результата – инновационной реструктуризации экономики Ростовской области.

Ключевые слова: конкурентные преимущества; инновационный потенциал; региональная инновационная политика; проблемные зоны; бенчмаркинг; неоиндустриализация; цифровизация; региональная инновационная система

Инновационный потенциал экономики Ростовской области

Экономика Юга России, в частности Ростовской области, в соответствии со своими конкурентными преимуществами (развитая транспортно-логистическая сеть, геоположение на самых оживленных транспортных магистралях, мягкий климат, плодородные земли (64,2% почв – черноземы), богатые минеральные и рекреационно-курортные ресурсы) занимает особое положение в национальной экономической системе. С одной стороны, реализация «Концепции долгосрочного социально-экономического развития

¹ Подготовлено в рамках выполнения проекта РФФИ № 16–02–00469–ОГН.

РФ на период до 2020 года» обеспечила повышение значимости региона как транспортно-логистического комплекса, с другой – сохраняются и усиливаются традиционно лидирующие позиции Ростовской области в системе национального агропромышленного комплекса (АПК), особенно в условиях устойчивости санкций. В то же время при этом тестируется инновационная для области реструктуризация экономики в сторону ускоренного развития и роста доли промышленности в структуре ВРП.

Эти позитивные тенденции наметились в результате реализации региональной инновационной политики, формально институционализированной в 2006 г. Значимость ее разработки и воплощения на мезоуровне обоснована в работах ряда зарубежных экономистов, выявивших в качестве причинного фактора «различных темпов восстановления европейских региональных экономик в период экономического кризиса 2007–2008 годов» инновационный потенциал [Isaksen, Trippl, 2014; Xiao et al., 2016]. Было доказано, что «регионы, определенные как лидеры инноваций, во время кризиса будут значительно сильнее сопротивляться кризису либо значительно быстрее восстанавливаться от него (т.е. в течение трех лет)» [Bristow, Healy, 2018. P. 265]. Поэтому оценка инновационного потенциала российских регионов позволяет идентифицировать степень их устойчивости к кризисным шокам и потенциал развития.

Ростовская область принадлежит к числу регионов со средним уровнем развития. Конкурентоспособными видами экономической деятельности области являются сельское хозяйство, стремительно растущая обрабатывающая промышленность (2015 г. – 154,6%, 2016 г. – 112,7%, 2017 г. – 109,4%, январь-апрель 2018 г. – 128%²), оптовая и розничная торговля, транспорт и связь. Возможность инновационного развития экономики региона обеспечивают сегодня достаточно высокий научно-технический, инновационный, финансовый потенциал, наличие квалифицированных трудовых ресурсов, а также выгодное экономико-географическое положение, природные ресурсы, развитая транспортная и туристическая инфраструктура, обеспечившая

² Социально-экономическое положение Ростовской области. Январь-апрель 2018. Ростов-на-Дону: Ростовстат, 2018. С. 4.

возможность проведения на территории области ряда игр чемпионата мира по футболу 2018 г.

Как показано в таблице 1, научно-технический потенциал области демонстрировал в 2010–2016 гг. разнонаправленную динамику отдельных показателей. При этом затраты на НИОКР росли в течение всего периода, за исключением 2013 г. В 2016 г. отмечено падение всех показателей (кроме затрат на разработки), что было вызвано обострением геополитической ситуации в мире, падением цен на нефть, санкциями.

Таблица 1. Динамика научно-технического потенциала Ростовской области в 2010–2016 гг.³

Показатель	2010	2012	2013	2014	2015	2016
Научные институты, ед.	100	101	98	87	100	86
Количество занятых исследованиями и разработками, чел.	16402	12310	12231	12622	12556	12102
Количество ученых, чел.	7228	6478	6337	6782	6761	6509
Численность ученых со степенью, чел.	1335	1335	1286	1473	1394	1378
Объемы финансирования НИОКР, млн руб.	6468,8	9190,5	9006,1	14500,4	13381,7	13287,3
В том числе:						
фундаментальной науки	635,3	1053,7	939,0	1203,0	1500,1	1230,0
прикладных исследований	763,9	1254,9	1231,4	1429,6	2074,4	1828,4
разработок	5069,6	6881,9	6835,7	11867,8	9807,2	10229,0

Кроме того, для создания ряда элементов инновационной инфраструктуры может быть эффективно задействован инвестиционный, научно-образовательный и инновационный потенциал региона, который ранее использовался лишь для реализации крупных инвестиционных проектов.

Согласно данным таблицы 2, в 2013–2016 гг. возросли число созданных передовых производственных технологий и объем отгруженных предприятиями инновационных товаров, что указывает на инновационную направленность динамики региональной экономики. Однако количество заимствованных технологий по-прежнему значительно выше, чем отечественных. За 2015–2016 гг. отмечено увеличение затрат на технологические инновации, которые являются важным показателем инновационного потенциала региона. Резкое падение инновационной

³ Регионы России. Социально-экономические показатели, 2017. Стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 1087–1119.

активности организаций в 2016 г. связано с усложнением из-за санкций условий ведения бизнеса и сотрудничества с зарубежными партнерами и инвесторами.

Таблица 2. Динамика инновационного потенциала Ростовской области в 2010–2016 гг.⁴

Показатель	2010	2013	2014	2015	2016
Количество заявок на выдачу патентов	887	1 002	923	962	895
Количество выданных патентов	758	671	751	727	677
Количество разработанных новейших технологий	9	16	19	22	25
Количество используемых новейших технологий	2664	2932	3 104	3 047	3314
Инновационная активность бизнес-структур, %	7,3	7,7	9,6	9,9	8,4
Финансирование технологических инноваций, млн руб.	3830,9	20443,7	19223,4	31 609,9	34598,4
Объемы производства инновационных товаров и услуг, млн руб.	19 185,0	56215,6	68558,1	108 526,9	133792,6

Образовательные и научные функции в Ростовской области реализуют 14 государственных и частных вузов (табл. 3). Признанным лидером инновационно-образовательной стратегии региона выступает Южный федеральный университет как крупный научно-образовательный комплекс, эффективно включенный в инновационную систему Ростовской области и страны в целом, в частности, через научно-инновационный кластер «Южное созвездие».

Таблица 3. Образовательный потенциал Ростовской области в 2010–2017 гг.⁵

Показатель	2010–2011	2013–2014	2014–2015	2015–2016	2016–2017
Количество вузов	26	23	21	18	14
В том числе бюджетных	15	12	9	9	8
Общее число студентов вузов, тыс. чел.	210,0	181,6	171,6	149,2	138,6
В том числе бюджетных	188,6	163,1	153,2	139,0	131,6

Отчетливая тенденция сокращения как количества вузов, так и численности студентов, объясняется проводимыми реформами в сфере высшего образования, в частности интеграцией образовательных учреждений.

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели, 2017. Стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 1134–1147.

⁵ Там же. С. 412–423.

Инновационная политика Ростовской области институционализирована областным законом от 28.11.2006 № 591-ЗС «Об инновационной деятельности в Ростовской области», а также региональной государственной программой «Экономическое развитие и инновационная экономика» (2013 г.). С 2013 г. в области функционирует «Единый региональный центр инновационного развития Ростовской области», целеориентированный на повышение эффективности взаимосвязей участников инновационного процесса: генераторов инноваций, резидентов отраслевых кластеров, инвесторов, субъектов третьего сектора и институционализированных акторов гражданского общества, органов государственной и муниципальной власти. На его базе эффективно функционируют Центр кластерного развития, Региональный интегрированный центр, Региональный центр инжиниринга, бизнес-акселератор Центр взаимодействия с федеральными институтами развития, Представительство в Ростовской области Фонда содействия инновациям, а также действующий с 2017 г. Региональный центр нормативно-технической поддержки инноваций Ростовской области. Эффективное взаимодействие этих элементов институциональной структуры региональной инновационной системы обеспечило области 2-е место (после Краснодарского края) в рейтинге инновационных регионов среди субъектов Южного федерального округа.

Эффекты реализации инновационного потенциала региона

О результатах реализации инновационного потенциала региона говорит его положение в «Рейтинге инновационных регионов», составленное Ассоциацией инновационных регионов России⁶. Методика рейтингования основана на подходе, используемом Еврокомиссией в процессе бенчмаркинга инновационной активности участников Европейского союза и их регионов. По результатам 2017 г. Ростовская область вошла в группу средних инноваторов (28-е место), ухудшив свой показатель на девять пунктов в сравнении с 2016 г.⁷

⁶ Рейтинг инновационных регионов России: Версия 2017. М.: АИРР, 2018. 35 с.

⁷ Там же. С. 13.

Это свидетельствует о неэффективном использовании сложившегося достаточно высокого научно-технического, инновационного и образовательного потенциалов. В подрейтинге «Инновационная деятельность» область занимает лишь 33-е место, существенно уступая регионам-лидерам, имеющим свыше 140% от среднего уровня по регионам России: г. Москва (182,7%), Республика Татарстан (180,8%), г. Санкт-Петербург (179,2%), Нижегородская (166,5%), Тульская (165,2%), Московская области (154,7%) и еще восемь регионов⁸. В этом подрейтинге Ростовская область вместе с другими 28 регионами формирует группу средних инноваторов. Безусловно, столь низкое место в этом подрейтинге обусловлено тем, что в области не созданы надлежащие социально-экономические условия инновационной деятельности, в подрейтинге которых она занимает также 33-е место⁹.

В подрейтинге «Инновационная активность региона» область также оказалась на 33-м месте¹⁰.

Однако по показателям подрейтинга, характеризующего состояние научных исследований и разработок, Ростовская область входит в двадцатку лидеров¹¹.

На наш взгляд, эти показатели свидетельствуют о необходимости более эффективного использования инновационного потенциала региона, которое сдерживается наличием следующих проблемных зон:

– низкая инновационная активность региональных предприятий вследствие минимизации внутреннего спроса на результаты инновационной деятельности, а также имитация заимствованных инноваций;

– неустойчивость взаимодействия генераторов инноваций (научные организации и вузы) с их потребителями (бизнес-структурами);

– дефицит научных кадров из-за снижения престижности научной деятельности, падающего качества человеческого капитала выпускников вузов и «утечки умов» в столичные регионы и за границу в условиях недофинансирования науки на макро- и мезоуровнях;

⁸ Рейтинг инновационных регионов России: Версия 2017. М.: АИРР, 2018. С. 22–23.

⁹ Там же. С. 28.

¹⁰ Там же. С. 34.

¹¹ Там же. С. 20.

– низкий спрос на инновации со стороны государства и общественного сектора.

Проведенный эмпирический анализ накопленного инновационного потенциала Ростовской области свидетельствует о необходимости повышения эффективности его использования. Это обуславливает постановку исследовательской задачи обоснования направлений региональной экономической политики, обеспечивающей эффективную инновационную реструктуризацию экономики региона.

Бенчмаркинг передовых практик эффективной реструктуризации экономических систем

Для решения поставленной задачи использован метод бенчмаркинга, позволяющий выявить передовые международные практики институционализации национальной экономической стратегии в условиях стремительного развертывания 4-й промышленной революции [Hofmann, Rusch, 2017].

Следует отметить, что, на наш взгляд, именно начало реализации концепции индустрии 4.0: массовое внедрение трехмерной печати 3D, больших баз данных (Big Data), человеко-роботной кооперации, кибер-физических систем, поддерживаемых Интернетом вещей (the Internet of Things, IoT) (всего 23 передовые технологии, выделенные К. Швабом [Шваб, 2016]), обеспечило выведение мировой экономики из глобального кризиса 2008–2009 гг., который можно определить как первый кризис постиндустриальной экономики. Последняя, как известно, характеризуется сокращением доли промышленности в структуре ВВП в развитых странах вследствие длившегося почти 40 лет планетарного переноса (офшоринга, аутсорсинга) промышленных производств в развивающиеся страны для получения преимуществ по затратам и близости к клиентам [Kinkel, 2012].

Однако сокращение рабочих мест в развитых странах, снижение устойчивости сервисной экономики к предвестникам кризиса обусловили начало еще с 2005 г. обратного процесса – решоринга [Albertoni, et al., 2017], бэкшоринга [Stentoft, et al., 2016], т.е. возврата ранее вывезенных производств на родину.

Разработка и реализация концепции 4-й промышленной революции началась с 2012 г., когда была формально институционализирована на национальном уровне высокотехнологичная

стратегия «Индустрии 4.0» Германии [Industry 4.0., 2015. P. 3]. В Италии неоиндустриализация как целевая установка концепции индустрии 4.0 осуществляется на основе государственной стратегии формирования партнёрской сети «Фабрика будущего» (Fabbrica del futuro), ядром которой выступает межотраслевая диффузия инноваций (например, медицинских – в сфере энергетики). Сформированные коллаборации инновационных компаний с местными университетами призваны осуществлять фундаментально-прикладные исследования для решения актуальных проблем современных высокотехнологичных производств, готовить для этого компетентных, креативных специалистов. Внедрение кибер-физических систем, подключение оборудования, складов к «Интернету вещей и услуг» обеспечивают накопление масштабных массивов информации и обмен ею, что становится основой децентрализации производственных процессов и позволяет трансформировать массово производимую продукцию под индивидуальные запросы конечного потребителя.

Наиболее эффективно реализует стратегию неоиндустриализации Китай на базе институционализации на государственном уровне плана Made in China 2025¹². Стратегия целеориентирована на ускорение процесса цифровизации экономики путем форсирования производства и массового использования информационных технологий, робототехники и цифрового контроля в медицине, сельскохозяйственном машиностроении, создания аэрокосмического и океанического инженерного оборудования. Достаточно широко распространено в Китае создание строительными компаниями жилых домов на основе технологии 3D-печати.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на относительно недавнее выделение 4-й промышленной революции как нового этапа технологического развития мировой экономики, в научной литературе уже появились исследования, тестирующие начало 5-й промышленной революции (индустрии 5.0), которая характеризуется новым уровнем взаимодействия человека и машины, революционизирующим цифровую экономику, создаваемую в ходе 4-й промышленной революции, гармонизацией человеческого интеллекта с когнитивными вычислениями (искусственным

¹² Made in China 2025: How Beijing is revamping its manufacturing sector. 2015. Available at: <https://www.scmp.com/tech/innovation/article/1818381/made-china-2025-how-beijing-revamping-its-manufacturing-sector> (accessed 22.04.2018).

интеллектом), что обеспечивает персонализацию массового производства под требования отдельного потребителя [Cartwright, 2018].

Периодизация промышленных революций [Industry 4.0, 2015. P. 3]:

1-я промышленная революция – механизация производства на основе использования энергии воды и пара, конец XVIII в. (1784 г. – первый механический ткацкий станок);

2-я – массовизация производства на основе электрификации (1870 г. – первая сборочная (конвейерная) линия);

3-я – применение электроники и информационно-коммуникационных технологий для дальнейшей автоматизации производства, начало 1970-х годов XX в. (1969 г. – первая программируемая логическая система управления);

4-я – на базе кибер-физико-интеллектуальных производственных систем сращивание реального и виртуального мира, с 2011 г. (Industry 4.0) (3D-печать, самообучающиеся машины);

5-я – персонализация производства (искусственный интеллект, обеспечивающий массовую кастомизацию и персонализацию продукции для удовлетворения индивидуализированных потребностей).

Таким образом, на основе сравнительного анализа экономических политик ЕС, Германии, Италии, Китая идентифицирована, прежде всего, их целеориентация, выступающая исходным пунктом построения когнитивной модели инновационной реструктуризации региональной экономики, включающая неоиндустриализацию, цифровизацию, формирование региональной инновационной системы.

Неоиндустриализация как механизм подключения региональной экономики к достижениям 4-й промышленной революции

В РФ попытка институционализации стратегии 4-й промышленной революции осуществлена в 2016 г. принятием на федеральном уровне Национальной технологической инициативы, которая, однако, так и не была введена в действие¹³.

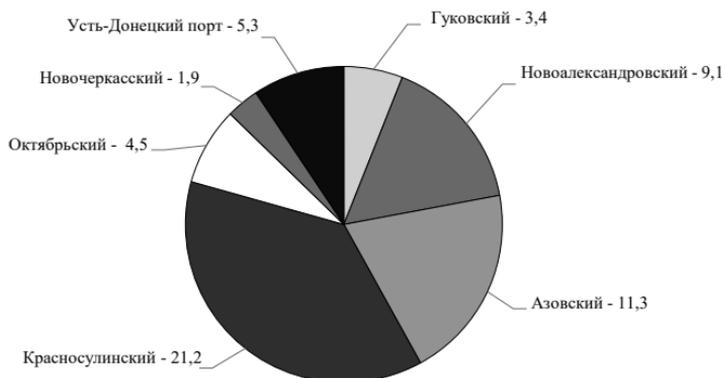
¹³ Постановление Правительства РФ от 18 апреля 2016 г. № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы» (не вступило в силу). [Эл. ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71280666/> (дата обращения: 15.04.2018).

Проведенный бенчмаркинг экономических стратегий разных стран показал, что важнейшим их направлением выступает неоиндустриализация. В то же время именно неоиндустриализация (реиндустриализация) [Белокрылова, Щитова, 2017] на базе достижений 4-й промышленной революции является приоритетным направлением инновационной реструктуризации экономик российских регионов. Выше отражены эмпирические данные о стремительной динамике промышленности Ростовской области даже в кризисные 2015–2016 гг. и сохранении ее высоких темпов в 2018 г. Ее основой является неоиндустриализация, которая достаточно эффективно осуществляется в регионе, начиная с 2013 г., когда был формально институционализирован областным законом № 1114-ЗС «Об индустриальных парках в Ростовской области»¹⁴ новый институт промышленной политики – индустриальный парк. В Ростовской области сконцентрировано семь индустриальных парков (промышленных зон), расположенных как в местах локализации старой промышленности региона – Новочеркасский, Азовский, так и на вновь осваиваемых территориях – Красносулинский, Октябрьский. Причем, если в начальный период резидентами были зарубежные и транснациональные компании (немецкая компания Guardian или Coca-Cola Hellenic), то в настоящее время это отечественные – «Евродон», «Технониколь», «МеталлДон», «Стальные Решения девелопмент», «Комтех-Дон» и др.

По критерию инвестиционной привлекательности индустриальные парки, инновационное развитие которых является одним из главных направлений «Стратегии – 2035» Ростовской области, достаточно глубоко дифференцируются (рис. 1).

Максимальные объёмы инвестирования направляются в Красносулинский, Азовский и Новоалександровский парки, поскольку именно для них характерна устойчивая динамика роста промышленного производства, а компании-резиденты являются технологическими лидерами в соответствующих отраслях (корпорации Guardian, PRAXAIR, «Технониколь» – в Красносулинском, PepsiCo (FritoLay) – в Азовском, Coca-Cola Hellenic – в Новоалександровском индустриальных парках).

¹⁴ Отменен в 2015 г., с введением в действие более общего законодательного акта – областного закона от 20 октября 2015 № 418-ЗС «О промышленной политике в Ростовской области».

Источник: Агентство инвестиционного развития Ростовской области [Эл. ресурс]. URL: <http://www.ipa-don.ru/offers/projects/eg/> (дата обращения: 25.04.2018).

Рис. 1. Распределение объёмов инвестирования в индустриальные парки Ростовской области, млрд руб.

Как российские, так и зарубежные компании Ростовской области осуществляют неоиндустриализацию на основе внедрения инновационных технологий, соответствующих уровню 4-й промышленной революции. Поэтому четко тестируется по ряду меток подключение экономики Ростовской области к некоторым достижениями 4.0 индустрии. Так, число абонентов, использующих m2m тарифы в 2017 г. в Ростовской области, выросло в два раза в компании «Tele2» и на 15% – у «Мегафона». Сюда включается и «Интернет вещей» в АПК, ЖКХ, ритейле, медицине, а также контрольно-кассовые машины с функцией передачи фискальных данных в Федеральную налоговую службу, которые обязательны с 1 июля 2018 г. для всех бизнес-структур и индивидуальных предпринимателей.

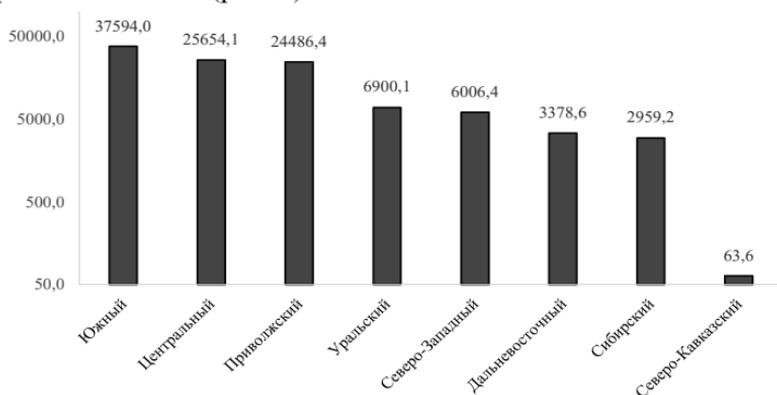
Следует отметить также ускорение в экономике региона процесса трансфера инноваций.

Например, инженерами области создан импортзамещающий 2D-принтер, позволяющий печатать графические изображения на вертикальной поверхности для визуализации продаваемых продуктов¹⁵. Конструкторами компании Cognitive Technologies разработан беспилотный комбайн для флагмана сельскохозяйственного машиностроения «Ростсельмаш», который планирует

¹⁵ В Ростове собрали импортзамещающий 2D-принтер // Город N. 2018. № 11.

запустить эту машину в производство [Ржевская, 2017]. В целом удельный вес 5-го технологического уклада (по классификации С.Ю. Глазьева [Глазьев, 2012]), предшествующего уровню 4-й промышленной революции, в экономике Южного федерального округа составляет 6,8% [Белокрылов, 2013. С. 76].

Внедрение этих и других достижений 4-й промышленной революции в экономику области объективно обуславливает рост затрат на технологические инновации, по объему которых Ростовская область занимает лидирующие позиции в Южном федеральном округе, а округ, в свою очередь, – среди других регионов России (рис. 2).

Источник: Федеральная служба государственной статистики. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 14.03.2018).

Рис. 2. Затраты на технологические инновации в федеральных округах (2016 г.), млн руб.

Значимую роль в реализации новой региональной промышленной политики играет закупочная политика государства [Белокрылов, 2016], обеспечивающая формирование спроса на промышленную, прежде всего, инновационную продукцию.

Однако, на наш взгляд, ускорение процесса неоиндустриализации на базе внедрения технологий 4.0 индустрии, как показывает опыт создания института индустриальных парков, требует ее формальной институционализации, что осуществлено в разрабатываемой Стратегии-2030 Ростовской области.

Вторым значимым направлением инновационной реструктуризации экономики Ростовской области выступает ее цифровизация.

Цифровая экономика региона в узком смысле идентифицируется как функционирование в масштабах субъекта Федерации информационно-цифровых платформ, обеспечивающих решение сложных хозяйственных проблем, прежде всего, стратегических, целеориентированных на развитие сферы здравоохранения, науки, образования, управление транспортными системами, предоставление государственных услуг и государственное регулирование социально-экономического развития территории. В широком смысле цифровизация экономики изменяет природу производственных или экономических отношений, их субъектно-объектную ориентированность [Юдина, 2017. С. 140]. Цифровизация трансформирует хозяйственные процессы: от роботизации выпуска товаров массового потребления к новым производствам, созданию благ с индивидуальными характеристиками для каждого потребителя на основе использования инновационной цифровой технологии, например, 3D-печати и прототипирования, наращивания цифрового капитала.

Как и 4-я промышленная революция в развитых странах, стратегия создания цифровой экономики формально институционализована принятыми программами в 2000–2015 гг. в Дании, Сингапуре, Австралии, Гонконге, Великобритании, Новой Зеландии, Евросоюзе, Канаде, Малайзии, Южной Корее, Индии, Казахстане.

Еще в конце 2016 г. в президентском Послании Федеральному собранию была поставлена задача «... запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики»¹⁶.

Федеральная программа «Цифровая экономика» уже институционализовала следующие ее количественные параметры:

- рост доли интернет-торговли в ВВП с 2,4% до 5%;
- расширение доли цифровой экономики в ВВП с 11% до 20%;
- повышение доли занятых в высокотехнологичном цифровом сегменте экономики;
- увеличение объема капитализации компаний сектора цифровых технологий;

¹⁶ Послание Президента РФ Федеральному собранию от 01.12.2016 [Эл. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/ (дата обращения: 23.04.2018).

– рост доли экспортируемых как новых цифровых продуктов, так и нецифровых, но через использование цифровых каналов.

Прогнозируются следующие количественно определяемые последствия развития цифровой экономики [Андиева, 2016. С. 214]:

– повышение производительности труда на 45–55%, которое уменьшит затраты по обслуживанию оборудования (на 10–40%) и его простои (на 30–50%), обеспечит рост качества продукции (на 10–20%); сократит складские расходы (на 20–50%);

– достоверность планирования объемов продаж увеличивается до 85%;

– максимизация сверхприбыли от продаж нового товара достигается за короткое время и сохраняется надолго, так как его рынок формируется в течение 3–10 лет;

– сокращается и реструктуризируется занятость населения: новые технологии в течение предстоящих пяти лет ликвидируют 7 млн старых рабочих мест, но создадут лишь около 2 млн в новых отраслях.

Кроме того, предполагается, что на мировых рынках произойдет реаллокация экономической власти на основе перехода от традиционной рыночной конкуренции к конкуренции за рынок посредством вывода на него принципиально новых товаров-заменителей используемых в настоящее время продуктов; начнут доминировать цифровые платежные системы, базирующиеся на технологии блокчейна, и криптовалюты как электронные деньги.

В качестве базовых структурных составляющих цифровой экономики тестируются [Белокрылова, Фролова, 2013; Бабкин, 2017. С. 21]:

– информационный рынок, координирующий взаимодействия субъектов информационной экономики;

– электронное правительство;

– информационная инфраструктура: центры сбора, обработки и ретрансляции баз данных, а также трансфера информации, программно-телекоммуникационные средства;

– сетевизация и виртуализация бизнес-процессов субъектов хозяйствования и их взаимодействий на рынках;

– электронный бизнес и электронная занятость.

Россия относится к «переходной» группе стран по уровню развитости цифровой экономики. В 2016 г., по оценке Международного союза электросвязи (International Telecommunication

Union- ITU), она занимала 43-е место из 176 стран по уровню развития информационно-коммуникационных технологий и 41-е – по индексу сетевой готовности в рейтинге Всемирного экономического форума¹⁷. В 2017 г. в рейтинге ITU РФ опустилась на 45-е место (7,07)¹⁸.

Но и в РФ стремительно распространяется, например, технология блокчейн. Лидерами в разных секторах являются: Сбербанк, Центральный банк РФ, QIWI (в области финансовых технологий), Росреестр (регистрация недвижимости), Роспатент (регистрация прав интеллектуальной собственности)¹⁹.

Ядром цифровой экономики региона выступает сфера информационно-коммуникационных технологий, объем отгруженной продукции предприятиями которой в 2017 г. составил 6,1 млрд руб., в том числе объем отгрузки по «Деятельности, связанной с использованием вычислительной техники и информационных технологий» – 1,1 млрд руб., что обеспечило Ростовской области 28-е место среди российских регионов. При этом в Южном федеральном округе регион значительно отстает от Волгоградской области (7-е место) и Краснодарского края (12-е). Поэтому согласно проекту Стратегии социально-экономического развития Ростовской области до 2030 г. предусматривается увеличение объема отгруженной продукции предприятиями в сфере информационно-коммуникационных технологий к 2024 г. до 8 млрд руб., а к 2030 г. – до 12 млрд руб.²⁰

В целом в мониторинге развития информационного общества в субъектах РФ Ростовская область в 2017 г. занимала 15-е место.

Реструктуризация экономики Ростовской области в сторону повышения доли ее цифровой составляющей осуществляется на базе реализации Дорожной карты цифровизации до 2030 г. (табл. 4).

¹⁷ The Global Information Technology Report 2016. Geneva: World Economic Forum and INSEAD. Available at: <https://www.weforum.org/reports/theglobal-information-technology-report-2016> (accessed 16.04.2018).

¹⁸ Measuring the Information Society Report 2017. Vol. 1. Geneva: International Telecommunication Union, 2017. 170 p. Available at: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2017/MISR2017_Volum1.pdf (accessed 10.04.2018).

¹⁹ Доклад об экономике России: Умеренное продвижение вперед. Вып. 39. Вашингтон: Всемирный банк, 2018. 66 с.

²⁰ Проект Стратегии социально-экономического развития Ростовской области до 2030 года. Ростов-на-Дону, 2018. 291 с. [Эл. ресурс]. URL: <http://don2030.mineconomikiro.ru/index.php> (дата обращения: 03.04.2018).

Таблица 4. Дорожная карта «Цифровизация городской среды в Ростове-на-Дону»

Задача	Вариант решения
Рост нематериальных активов цифровой экономики	Воспитание человека-созидателя. Новые технологические рынки и новые ниши на рынках (индустрия 4.0). Обеспечение открытости баз данных муниципальных и госучреждений.
Рост использования информационных технологий в государственном управлении	Цифровизация всех госуслуг. Развитие гражданского общества через систему электронного голосования. Рост использования больших данных в бизнесе и государственном управлении.
Увеличение количества электронных платежей, средств расчёта и объёмов электронной коммерции	Борьба с низкой финансовой грамотностью населения (нежелание отказаться от наличных денег). Экономика обмена (совместное участие в использовании товаров и услуг).
Повышение спроса на информационные технологии в управлении городской средой	Разработка мобильного приложения для мониторинга благоустройства горожанами. Интернет вещей для городской среды и ЖКХ Программа "Умный город".
Рост потребности в непрерывном образовании для цифровой экономики	Массовое создание электронных курсов. Повышение цифровой грамотности населения. Разработка актуальных и востребованных образовательных программ.
Повышение скорости внедрения и обновления технологий	Ускорение технологических процессов. Предотвращение чрезмерного государственного вмешательства в процесс цифровизации экономики. Обеспечение высокого технологического уровня проведения президентских выборов – 2018.

Источник: Составлено по данным Министерства экономического развития Ростовской области. [Эл. ресурс]. URL: <http://minekonomikiro.ru> (дата обращения: 14.04.2018).

Реализация этой дорожной карты применительно к Ростовской области в целом предусматривает рост доли домохозяйств, имеющих возможность подключения услуг доступа к сети Интернет, с 69% в 2017 г. до 80% в 2024 г. и 97% в 2030 г.²¹

Наконец, третьим направлением инновационной реструктуризации региональной экономики выступает формирование региональной инновационной системы (РИС). Основными механизмами реализации концепции РИС, исходя из тройной

²¹ Проект Стратегии социально-экономического развития Ростовской области до 2030 года. Ростов-на-Дону, 2018. 291 с. [Эл. ресурс]. URL: <http://don2030.minekonomikiro.ru/index.php> (дата обращения: 03.04.2018).

спирали национальной инновационной системы [Ицковиц, 2011], выступают: создание институтов выращивания бизнеса; расширение объемов инновационных разработок в местных вузах; функционирование региональных центров общего пользования, инновационно-технологических центров, технопарков; создание благоприятных условий для привлечения венчурного капитала; формирование высококачественного человеческого капитала рабочих, инженеров, ученых; институционально-финансовое сопровождение инновационно-технологических центров и стартапов в сфере науки и НИОКР; формирование цифровых платформ для взаимодействия генераторов, медиаторов и потребителей инноваций; активизация деятельности региональных институтов развития; формирование региональных инновационных кластеров.

Инфраструктуру РИС Ростовской области составляют 20 центров коллективного пользования, 10 инновационно-технологических центров и два технопарка, инновационный кластер «Южное созвездие».

Модернизация системы поддержки инновационно направленной инвестиционной деятельности в региональной экономике предполагает формирование многоканальности финансовых потоков, их переориентацию на инвестирование наиболее динамичных структур – индустриальных парков, инновационных кластеров, институтов развития, формирование целостной системы генерирования, трансфера и внедрения инноваций. Основной целью региональной политики инновационной реструктуризации экономики является создание бизнес-среды, способствующей формированию собственного инвестиционного потенциала региона для развития новых производств, отвечающих вызовам 4-й промышленной революции.

Следуя идее Ицковица Г., формирование синергетического эффекта обеспечивается интеграцией в целостную систему взаимодействия на территории Ростовской области пока еще относительно обособленных элементов РИС: университетов, научно-исследовательских структур, крупного бизнеса, малых инновационных предприятий, элементов инновационной инфраструктуры, общественных организаций инноваторов.

Таким образом, использование бенчмаркинга как метода исследования второго уровня – для сравнения передовых мировых практик с опытом инновационной реструктуризации экономики Ростовской области позволило доказать, что реализуемая в настоящее время и разрабатываемая до 2030 г. Стратегия развития региона соответствуют передовым международным практикам и обеспечивают адекватный ответ экономической политики Ростовской области на вызовы развивающейся 4-й промышленной революции, агрегируемые в три глобальные направления: неоиндустриализация, цифровизация, формирование региональной инновационной системы.

Литература/References

Андиева Е. Ю. Цифровая экономика будущего. Индустрия 4.0 // Прикладная математика и фундаментальная информатика. 2016. № 3. С. 214–218. / Andieva E. Yu. (2016). Digital economy of the future. Industry 4.0. *Prikladnaya matematika i fundamental'naya informatika [Applied Mathematics and Fundamental Informatics]*. No. 3. Pp. 214–218. (In Russ.).

Бабкин А. В. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10. № 3. С. 9–23. / Babkin A. V. (2017). Formation of the digital economy in Russia: essence, features, technical normalization, development problems. *Nauchno-tehnicheskie ведомosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki [Scientific and technical sheets SPbGPU. Economic sciences]*. Т. 10. No.3. Pp. 9–23. (In Russ.).

Белокрылов К. А. Промышленная и закупочная политика государства: проблемы взаимосвязи // Journal of Economic Regulation. 2016. Т. 7. № 4. С. 138–146. Doi: 10.17835/2078–5429.2016.7.4.138–1460. / Belokrylov K. A. (2016). Industrial and procurement policy of the state: the problems of interconnection. *Journal of Economic Regulation*. Т. 7. No. 4. Pp. 138–146. (In Russ.).

Белокрылов К. А. Перспективы социально-экономического развития южно-российских регионов в контексте стратегического выбора России // Terra economicus. 2013. Т. 11. № 4. С. 74–80. / Belokrylov K. A. (2013). Prospects of socio-economic development of the South-Russian regions in the context of Russia's strategic choice. *Terra economicus*. Т. 11. No. 4. Pp. 74–80. (In Russ.).

Белокрылова О. С., Фролова Л. А. Информационная экономика: базовые институты и особенности формирования на региональном уровне. Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд Содействие-21 век, 2013. 191 с. / Belokrylova O. S., Frolova L. A. (2013). Information economy: basic institutes and features of formation at the regional level. *Rostov-on-Don: Fond Sodejstvie-21 vek [Fund Promoting the 21st Century]*. Publ. 191 p. (In Russ.).

Белокрылова О. С., Шитова А. С. Промышленная реинституционализация как предпосылка реиндустриализации экономики России // *Государственное и муниципальное управление (Ученые записки СКАГС)*. 2017. Т. 8. № 3. С. 74–80. / Belokrylova O. S., Shitova A. S. (2017). Industrial Reinstitutionalization as a Prerequisite for Reindustrialization of the Russian Economy. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*. [State and municipal management. Scholarly notes of NCASS]. Т.8. No. 3. Pp. 74–80. (In Russ.).

Глазьев С. Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // *Экономическая наука современной России*. 2012. № 2. С. 27–42. / Glaziev S. U. (2012). The modern theory of long waves in the development of the economy. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii [Economic science of modern Russia]*. No. 2. Pp. 27–42. (In Russ.).

Ицкович Г. Тройная спираль: университеты – предприятия – государство: инновации в действии. Изд-во Томского гос. ун-та систем управления, 2010. 237 с. / Itskovits G. (2010). Triple spiral: universities – enterprises-state: innovations in action. Izd. Tomskogo Universiteta sistem upravleniya. [Tomsk State University of Management Systems] Publ. 237 p. (In Russ.).

Ржевская Н. Комбайн без комбайнёра. На российские поля впервые вышел беспилотник. М.: Научная Россия, 2017. [Эл. ресурс]. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/kombajn-bez-kombajnera-na-rossijskie-polya-vpervye-vyshel-besplotnik> (дата обращения: 5.04.2018). / Rzhetskaja N. (2017). Combine without harvester. The Russian field was first drone. (2017). Moscow: Nauchnaya Rossiya. Publ. (In Russ.). Available at: <https://scientificrussia.ru/articles/kombajn-bez-kombajnera-na-rossijskie-polya-vpervye-vyshel-besplotnik> (accessed: 05.04.2018).

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с. / Schwab K. (2016). The Fourth Industrial Revolution. Moscow. Exsmo Publ. 208 p. (In Russ.).

Юдина Т. Н. Цифровизация как тенденция современного развития экономики Российской Федерации: pro et contra // *Государственное и муниципальное управление (Ученые записки СКАГС)*. 2017. № 3. С. 139–143. / Udina T. N. (2017). Digitalization as a trend of the modern development of the economy of the Russian Federation: pro et contra. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*. [State and municipal management. Scholarly notes of NCASS]. No. 3. Pp. 139–143. (In Russ.).

Albertoni F., Elia S., Massini S., Piscitello L. (2017). The reshoring of business services: Reaction to Failure or persistent strategy? *Journal of World Business*. No. 52. Pp. 417–430.

Bristow G., Healy A. (2018). Innovation and regional economic resilience: an exploratory analysis. *The Annals of Regional Science*. Vol. 60. Issue 2. Pp. 265–284. Doi:10.1007/s00168–017–0841–6.

Cartwright P. Manufacturing gets personal in Industry 5.0. March 7, 2018. Raconteur. Available at: <https://www.raconteur.net/business/manufacturing-gets-personal-industry-5-0> (accessed 12.05.2018).

Hofmann E., Rusch M. (2017). Industry 4.0 and the current status as well as future prospects on logistics. *Computers in Industry*. Vol. 89. Pp. 23–34.

Isaksen A., Trippel M. (2014). Regional industrial path development in different regional innovation systems: a conceptual analysis. Working papers. Lund University, CIRCLE. 20 p.

Industry 4.0: Challenges and solutions for the digital transformation and use of exponential technologies. Zurich: Deloitte, 2015. 32 p.

Kinkel S. (2012). Trends in production relocation and back-shoring activities: Changing patterns in the course of the global economic crisis. *International Journal of Operations and Production Management*. Vol. 32. No. 6. Pp. 696–720.

Stentoft J., Olhager J., Heikkilä J., Thoms L. (2016). Manufacturing backshoring: a systematic literature review. *Operations Management Research*. Vol. 9 (3–4). Pp. 53–61. Doi: 10.1007/s12063–016–0111–2.

Xiao J., Boschma R., Andersson M. (2016). Industrial diversification in Europe: the differentiated role of relatedness. *Papers in Evolutionary Economic Geography*. Vol. 16. No. 27, Utrecht University.

Статья поступила 08.08.2018.

Summary

Belokrylova O.S., Southern Federal University, Rostov-on-Don

Innovative Restructuring of the Regional Economy (on the Example of Rostov Region)

The work evaluates the innovative potential of Rostov region's economy, formed as a result of the implementation of the region's innovation policy, which has shown inefficiency in the use of the sufficiently high scientific, technical, innovative and educational potential of the region due to a number of problem areas for innovative development of the regional economy. This determined the research task of justifying directions of the regional economic policy aimed at innovative restructuring of the regional economy. To solve this problem, a benchmarking method was used that provided identification of international best practices in the implementation of economic policy in the context of rapid deployment of the 4th Industrial Revolution, which includes the following areas: neo-industrialization, digitalization and formation of regional innovation system. This allowed building a cognitive model that ensures deployment of regional economic policy from goal-setting, through criteria and metrics to the result of an innovative restructuring of the economy of the Rostov region. If neo-industrialization is identified as one of the three directions of targeted orientation of the regional policy of innovation restructuring of the economy, the high growth rates of the regional industry are used as its criterion, and one of the metrics is connection to achievements of the 4th industrial revolution, in particular, the development of Don designers on this level, as well as the use of m2m tariffs of cellular companies. As a metric testing strategy for development of digital economy, the road map "Digitalization of the urban environment in Rostov-on-Don" was used. Finally, as an indicator of the last component of the cognitive model of innovation restructuring of the economy of Rostov region – a regional innovation system – an audit of its elements was used.

Competitive advantages; innovative potential; regional innovation policy; problem areas; benchmarking; neoindustrialization; digitalization; regional innovation system

Региональная инновационная система как инструмент опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России

В.Ф. ЕФРЕМЕНКО, кандидат экономических наук, Дальневосточный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Хабаровск. E-mail: itc@dviu.ranepa.ru; vladfilef@yandex.ru

Опережающий рост производства валового регионального продукта в Дальневосточном макрорегионе не приводит к ожидаемому улучшению социально-демографических показателей. Рост производства добавленной стоимости является результатом работы главным образом сырьевых отраслей, а не высокотехнологичных обрабатывающих. В динамике развития воспроизводственных секторов: инновационно-инвестиционного, потребительского, инфраструктурного и энергосырьевого наблюдается существенный дисбаланс в пользу последнего. Сырьевые отрасли являются основным реципиентом инвестиций, но не создают дополнительных рабочих мест. В результате применяемые меры проведения государственной социально-экономической политики не дают ожидаемого результата, исполнение правительственных планов по стабилизации и росту численности населения оказывается под угрозой срыва. В качестве метода решения проблемы предлагается переход к современному варианту государственной региональной политики на основе идей поляризованного развития – концепции региональной инновационной системы. Приведена оценка эффективности её практического применения в Дальневосточном регионе. Предлагаемые институциональные изменения позволят улучшить социально-экономическую ситуацию и начать переход к инновационному типу воспроизводства в макрорегионе.

Ключевые слова: экономический рост; воспроизводство; региональная инновационная система; Дальний Восток России

Критерии опережающего развития

Открывая заседание президиума Госсовета по вопросам комплексного развития регионов Дальнего Востока 6 сентября 2017 г. во Владивостоке, Президент РФ В.В. Путин отметил существующее противоречие между достижением в макрорегионе экономических целей, с одной стороны, и социально-демографических – с другой. Так, если в экономике «мы уже научились привлекать на Дальний Восток инвестиции» и «темпы роста

промышленности в макрорегионе превышают среднероссийские», то в социально-демографической сфере наблюдаются противоположные тенденции – «численность населения... продолжает ежегодно сокращаться»¹.

На Дальнем Востоке проходят апробацию новые методы и инструменты государственного управления социально-экономическим развитием регионов. Созданы специальные институты развития, сформирована необходимая законодательная база, регулирующая льготный режим работы территорий опережающего развития и свободного порта, действует программа «Дальневосточный гектар». Однако с точки зрения достижения практических результатов, «всё не так просто и не так быстро, как нам хотелось бы»².

Разнонаправленность экономических и социально-демографических процессов заставляет предположить нарушение сбалансированности общественного воспроизводства в макрорегионе, уже на уровне структуры производства и распределения ВРП, что становится важной проблемой. В свою очередь, недостаточная эффективность применяемых методов и инструментов управления социально-экономическим развитием регионов Дальнего Востока требует подготовки предложений по их совершенствованию.

Одним из приоритетов проводимой государством пространственной политики является опережающее социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа³ (ДФО). В связи с высоким уровнем поставленных перед макрорегионом целей представляется допустимым анализ воспроизводственных процессов, складывающихся в ДФО, в контексте приближения к критериям классической модели экономического роста, разработанной нобелевским лауреатом С. Кузнецом. В рамках этой модели «экономический рост страны может быть определен как долговременное увеличение возможностей удовлетворять

¹ Заседание президиума Госсовета по вопросам комплексного развития регионов Дальнего Востока 6 сентября 2017 года, Владивосток. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55544>.

² Там же.

³ Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» / Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 308 (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 30 марта 2017 г. № 365).

все более разнообразные потребности населения в продуктах экономической деятельности. Эта возрастающая способность основана на развитии техники и технологии и на необходимых изменениях в институциональной структуре и идеологии. *Важны все три составные части определения»* (курсив наш) [Кузнец, 2003. С. 104]. Мы считаем себя вправе предположить, что заданное опережающее социально-экономическое развитие Дальнего Востока также должно характеризоваться присутствием этих трех признаков на уровне макрорегиона, хотя бы с учетом складывающихся тенденций. Оценим, насколько это триединство, – рост ВРП, новые технологии и инновации и проведение институциональных, поведенческих и идеологических изменений, – находится в соответствии с процессами, происходящими в ДФО.

Структура регионального воспроизводства

Дальневосточный макрорегион показывает устойчивый рост производимой добавленной стоимости, опережающий среднероссийские показатели. За период 2005–2015 гг. суммарный объем ВРП по субъектам Российской Федерации увеличился в 3,6 раза, тогда как в ДФО – в 4,3 раза⁴.

Однако качественным назвать этот рост никак нельзя. С точки зрения динамики воспроизводственной структуры [Кузык и др., 2009. С. 175] макрорегиона мы наблюдаем рост лишь энерго-сырьевого (электроэнергетика, топливная промышленность, черная и цветная металлургия, лесные и строительные материалы) и инфраструктурного (в части: торговля, финансы, кредит, управление) секторов. При этом идет вытеснение и сокращение инновационно-инвестиционного (наука, машиностроение, химия и нефтехимия, строительство) и потребительского (сельское хозяйство, пищевая и легкая промышленность, ЖКХ и бытовое обслуживание, социальный комплекс – здравоохранение, образование, социальное обеспечение, культура) секторов.

Количественные показатели роста ВРП макрорегиона обеспечиваются в основном увеличением добычи сырья. За период с 2005 по 2015 гг. в отраслевой структуре ВРП по видам экономической деятельности доля «Добычи полезных ископаемых»

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат.сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

выросла в целом по ДФО с 14,9 до 28,6%. При этом вес «Обрабатывающих производств» в экономике сократился с 7,7 до 5,4%, «Строительства» – с 9,3 до 6,8%, «Транспорта и связи» – с 15,2 до 12,7%, «Оптовой и розничной торговли» – с 12,4 до 11,0%.

И, судя по инвестиционной активности в секторах, сложившаяся тенденция будет только усиливаться. В конце рассматриваемого периода около 40% валового объема инвестиций в основной капитал в ДФО приходилось на добычу полезных ископаемых, 25% – на сектор транспорта и связи и только 6,5% – на обрабатывающие производства. Соответственно, валовая добавленная стоимость, созданная в секторе «Добыча полезных ископаемых», составила в структуре ВРП ДФО 28,6%, на транспорт и связь пришлось 12,7%, на обрабатывающие производства – 5,4%⁵.

Уровень технологического и инновационного развития отраслей экономики в ДФО характеризуется перманентным отставанием от среднероссийских показателей. Доля инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию, в общем объеме инвестиций в основной капитал составляет в ДФО 10,6% против 16,3% в среднем по РФ. В свою очередь, в этих суммах доля инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства составляет 22,4 и 29,2% соответственно⁶. Показатель инновационной активности организаций составляет в ДФО 6,4, тогда как в среднем по РФ – 8,4⁷.

Неудивительно, что большинство региональных предприятий испытывают серьезные экономические трудности и вынуждены сокращать персонал. За период 2005–2015 гг. в обрабатывающих отраслях численность работающих сократилась на 56 тыс. чел., или 18%, в сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве, рыбоводстве – на 39,1 тыс. чел., или 12,3%, в транспорте и связи – на 17 тыс. чел., или 4,8%. Между тем в добывающей отрасли, являющейся главным реципиентом инвестиций, не создано дополнительных рабочих мест, даже наблюдается небольшое сокращение – с 115,9 тыс. до 112,8 тыс. чел.⁸.

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат.сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

⁶ Росстат. Технологическое развитие отраслей экономики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/

⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат.сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

⁸ Там же.

Вслед за сокращением занятости в отраслях экономической специализации региона падает занятость в инфраструктурных секторах: в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – на 7,7% (в результате модернизации), в образовании – на 15%, в здравоохранении, предоставлении социальных услуг – на 5% (благодаря оптимизации бюджетной сети). Это, в свою очередь, приводит к снижению уровня потребления проживающим в макрорегионе населением благ и услуг, особенно – на удаленных территориях.

В итоге же получается, что рост ВРП не трансформируется в соответствующий ему уровень социально-демографического развития. Экономический рост, как предполагаемая способность хозяйства обеспечивать все более разнообразные потребности населения, в ДФО имеет следствием прямо противоположный результат – устойчивое сокращение населения (рис. 1).

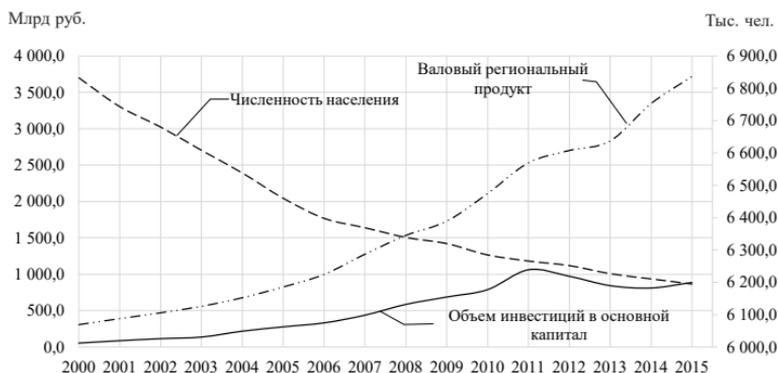

Рис. 1. Динамика численности населения, инвестиций и ВРП в Дальневосточном федеральном округе РФ⁹ в 2000-2015 гг.

Сокращение населения Дальнего Востока происходит главным образом (более 87% убыли) за счет миграционного оттока [Мотрич, 2012. С. 290]. Причем уезжают в основном (более 73% от общего числа) трудоспособные, экономически активные граждане. Очень высокая сила корреляционной связи между среднегодовой численностью занятых в обрабатывающих производствах и численностью населения (коэффициент корреляции

⁹ Составлено автором на основании данных Росстата: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005–2017 гг. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

Пирсона составляет 0,968) позволяет установить, что процессы по сворачиванию деятельности компаний, относящихся к обрабатывающим отраслям, являются одним из основных экономических факторов сокращения населения в макрорегионе.

При сохранении сложившихся тенденций представляется, что заявленной в документах стратегического планирования цели «стабилизации численности населения Дальнего Востока на уровне 6,2 млн чел. к 2020 г. и ее увеличения до 6,5 млн чел. к 2025 году»¹⁰ достичь будет весьма и весьма непросто.

Региональные удорожания и интеллектуальная «квазиренда»

Вышеописанные негативные тенденции во многом обусловлены объективными причинами. Экономика Дальнего Востока подвержена влиянию ряда неблагоприятных природно-климатических, транспортно-географических и социально-экономических факторов, накладывающих определенные ограничения на развитие здесь хозяйственной деятельности.

Так, новое строительство обходится здесь вдвое дороже по сравнению с центральными районами страны. Низкие температуры, промерзание почв, сейсмичность в ряде регионов объективно удорожают стоимость строительно-монтажных работ, что существенно увеличивает стоимость основных производственных фондов и величину условно постоянных затрат в цене продукции. Последние, в свою очередь, определяют порог минимально необходимых объемов выпуска продукции или точку безубыточности, которая для однотипных производств будет выше у дальневосточного производителя. Кроме того, большее в нашем случае плечо операционного рычага пропорционально увеличивает риски, а также возрастание величины финансовых потерь при падении объемов производства ниже точки безубыточности.

В структуре текущих затрат общей для всех отраслей проблемой является объективно более высокая стоимость рабочей силы. Затраты на воспроизводство рабочей силы в 1,5–2 раза превышают показатели европейской части России. Рынок рабочей силы на Дальнем Востоке всегда был в заведомо проигрышном

¹⁰ Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года // Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 20 июня 2017 г. № 1298-р.

положении по сравнению с другими регионами страны. Высокие транспортные расходы, низкая концентрация населения, суровый климат, ограниченность собственного сельскохозяйственного производства – все это приводит к росту цен на товары и услуги и соответственному росту затрат на воспроизводство населения. Недоучет объективно существующих удорожаний демографического, социального воспроизводства и стремление хозяйствующих субъектов нивелировать эти затраты, исключая из заработной платы ранее применявшиеся «северные надбавки», оплату проезда к месту проведения отпуска один раз в два года и т.д., приводит к ухудшению условий жизни, а вслед за этим – к ухудшению демографических показателей – более высокому уровню смертности и меньшей продолжительности жизни, и... миграционному оттоку населения в более благоприятные регионы.

На территории Дальнего Востока средний уровень тарифов самый высокий в России. Здесь дороже топливо, транспорт, дороже электрическая и тепловая энергия. А с учетом продолжительности отопительного сезона и удаленности территории от основных поставщиков и потребителей продукции, соответствующие расходы еще сильнее возрастают.

Приведенные внутренние факторы ценообразования являются неустраняемыми, они неизменно оказывают удорожающее воздействие на себестоимость производимой на Дальнем Востоке продукции и могут только мультиплицироваться в отраслях с повышенной фондоемкостью, энергоемкостью, трудоемкостью, материалоемкостью.

Увеличивающееся со временем влияние удорожающих факторов предполагает, что устойчивое хозяйство региона может основываться на таких ресурсах и производстве таких услуг, *ценность которых также объективно будет возрастать во времени*. В регионе это – лесные древесные и недревесные ресурсы, биологические водные ресурсы, минеральное сырье, транспортно-транзитные услуги. Производства на их основе, являясь ныне базовыми отраслями, останутся таковыми и в обозримой перспективе.

Добывающие отрасли в ДФО характеризуются более высокими показателями эффективности краткосрочной финансовой деятельности, чем перерабатывающие. Рентабельность активов в добывающей отрасли ДФО более чем в шесть раз превосходит

показатель обрабатывающих отраслей, а рентабельность продаж – в 9,4 раза, составив в 2016 г. 56,2%. Для сравнения: в среднем по России этот разрыв составляет 1,6 по рентабельности активов и 2,6 – по рентабельности продаж. Рентабельность обрабатывающих производств составляет: по активам – 6,3% в среднем по РФ и 3,0% в ДФО; по продажам – 10,1% в среднем по РФ и 6,0% в ДФО¹¹. Таким образом, обрабатывающие производства в ДФО объективно обладают меньшей инвестиционной привлекательностью по сравнению с сырьевыми добывающими и аналогичными обрабатывающими, но расположенными в других регионах страны.

Отметим, что уже в 1980-е годы министерства и ведомства стремились всячески ограничить вложения средств в переработку сырья на Дальнем Востоке, вынося ее в западные районы страны, что позволяло получить экономию текущих затрат в данном плановом периоде. Аналогичный подход практиковался и в отношении техперевооружения, модернизации предприятий. На Дальнем Востоке эффективность этих мероприятий в краткосрочном периоде была ниже, чем в европейской части страны. Стремление ведомств получить быстрый финансовый эффект формировало условия для технологического отставания обрабатывающей отрасли макрорегиона.

Однако «объективно обусловленная» экономическая специализация Дальнего Востока на развитии сырьевых отраслей вступает в противоречие с заявленными целями опережающего социально-экономического развития макрорегиона. Эта стратегическая цель не может быть осуществлена на основе только сырьевых отраслей, которые, являясь потребителями специфичной рабочей силы (преимущественно мужской, сезонный, вахтовый труд), не позволяют сформировать сбалансированную структуру занятости проживающего населения и, следовательно – его расширенного воспроизводства. Невозможно организовать на Дальнем Востоке эффективное и устойчивое по социально-экономическим и экологическим параметрам хозяйство с «какими угодно» производительными силами. Обрабатывающие производства, – высокотехнологичные, создающие достаточное количество высококвалифицированных рабочих мест, – являются

¹¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат.сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

необходимым сектором хозяйственной структуры макрорегиона, подлежащим модернизации и технологическому развитию, но никак не сокращению.

Но как в таком случае быть с удорожающими факторами производства? Для элиминирования неблагоприятных естественных условий ведения хозяйства и жизнедеятельности человека *необходимо применение техники и технологий, существенно превышающих по эффективности достигнутый средний уровень.* Только ренты по географическому положению и природным ресурсам для этого недостаточно. Она должна быть дополнена рентой по «интеллекту», по опережающим технологиям. Лишь в таком сочетании возможно последовательно и в возрастающей мере компенсировать повышенные (и имеющие тенденцию к росту) затраты на общественное воспроизводство.

Интеллектуальная «квазирента», как ее определяют Б. Н. Кузык и Ю. В. Яковец, – это сверхприбыль, устойчиво (но на ограниченный период) получаемая при использовании не связанных с эксплуатацией природных ресурсов факторов воспроизводства: технологических, интеллектуальных, организационно-управленческих, образовательных, финансовых. Такая сверхприбыль служит главным стимулом, побудительным мотивом для инновационной деятельности [Кузык, Яковец, 2005. С. 397–398].

Существенность инновационной «квазиренты» может быть оценена на примере Томской области, где проводился специальный мониторинг инновационных предприятий в период кризиса 2008–2009 гг. [Зинченко, 2009. С. 41]. По данным наблюдения, объемы отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ, услуг собственными силами в добывающей отрасли упали примерно на 35%, тогда как в традиционных обрабатывающих производствах – на четверть, а по кругу предприятий, выпускающих инновационную, наукоемкую продукцию, объемы реализации остались практически на докризисном уровне.

Предприятия инновационного и традиционного секторов обрабатывающей промышленности прибегали к примерно одинаковым заимствованиям, но у инновационных предприятий дебиторская задолженность устойчиво превышала кредиторскую, а у традиционных наблюдалось обратное соотношение. Более того, в кризисный период на инновационных предприятиях выросла заработная плата, средняя величина которой была

на 5–6 тыс. руб. больше, чем на предприятиях, где не занимаются технологическими инновациями [Зинченко, 2010. С. 110].

Значительно лучшие финансовые результаты инновационных предприятий могут быть объяснены получаемой ими интеллектуальной «квази рентой». Она же, на наш взгляд, может компенсировать более высокий уровень текущих затрат и в обрабатывающей отрасли Дальневосточного макрорегиона. Дополнительным плюсом является то, что при этом, в отличие от отраслей, взимающих природно-ресурсную ренту, создаются дополнительные рабочие места, ориентированные на высококвалифицированную рабочую силу с достойной заработной платой, привлекательные для молодежи.

Региональная инновационная система как инструмент изъятия интеллектуальной «квази ренты»

Способность получения интеллектуальной «квази ренты» отличает развитые в социально-экономическом отношении страны и регионы от развивающихся. Генерирование и изъятие интеллектуальной «квази ренты» осуществляется в специальных условиях искусственно созданных Национальной и Региональной инновационных систем (далее – НИС, РИС). Функциональной целью РИС является коммерциализации новых знаний, создание постоянно возобновляемого процесса по системному формированию новых инновационных компаний [Cooke, 2001. P.32], которые и будут первыми получателями интеллектуальной «квази ренты» в цене реализованной продукции (работ, услуг), в дальнейшем перераспределяемой между всеми участниками инновационной деятельности. РИС может быть представлена как взаимодействие ряда элементов (подсистем):

- институты, производящие новое знание;
- предприятия, реализующие инновационные проекты;
- финансовые институты (посевные, венчурные фонды и др.);
- инновационная инфраструктура (бизнес-инкубаторы, технопарки, центры трансфера технологий и др.).

РИС функционирует в определенной, специфичной для каждого региона, среде: научной, образовательной, технологической, предпринимательской, социально-демографической, нормативно-правовой и т.д. Это открытая система, являющаяся подсистемой

НИС. Их взаимоотношения, с учетом примата целого над его частями, строятся по многоуровневой схеме. Так, переход национальной экономики на инновационный путь развития невозможен, если инновационную трансформацию не претерпевают фирмы, корпорации, кластеры, территориально-промышленные комплексы и регионы. В то же время инновационная трансформация последних будет весьма затруднительной без создания необходимой институциональной среды во всей системе национальной экономики [Инновационный тип..., 2013. С. 23]. Слаженная работа всех подсистем РИС, при непротиворечивости целям и задачам НИС и ее компонентам, превращает ее в «мощный инструмент» [Сooke, 2006. Р.19] по достижению экономического роста региона, что подтверждают примеры из практики.

Практическое применение концепции РИС

В рамках первой в РФ Инновационной программы «Техноэкополис Комсомольск – Амурск – Солнечный (КАС)», в составе ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы», отработывался модельный организационно-финансовый механизм государственного управления процессами социально-экономического развития отдаленных районов, находящихся в депрессивном состоянии¹².

При его разработке учитывался зарубежный опыт применения в развитии периферийных районов известной концепции «полюсов роста» Ф. Перру, в ее высокотехнологичном исполнении 1980–1990-х гг. технополисов и региональных инновационных систем.

Программа «Техноэкополис КАС» осуществлялась как пилотный проект, а ее принципиальной конструирующей идеей стало создание и поддержание в динамичном состоянии территориальной системы, ориентированной на выпуск высоконаучекоемких и редких видов продукции, относимых к числу мировых или российских «лидеров». В этом случае более высокие затраты производства входят в стоимость и цену продукта в качестве общественно необходимой их части¹³.

¹² Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы / Утверждена Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 1996 г. № 480 (с изм., внесенными Указом Президента РФ от 23.04.1996 № 601).

¹³ Там же.

В рамках программы были созданы недостающие элементы региональной инновационной системы – Технопарк и Фонд развития Техноэкополиса КАС, – что позволило организовать системную работу по поддержке инновационных проектов.

Ориентация на выпуск высоконаучоемкой продукции и запуск механизма ее непрерывного обновления позволили за период реализации программы (1997–2004 гг.) осуществить 27 инновационных проектов. Объем их финансирования составил около 2 млрд руб., в том числе за счет средств федерального бюджета – 42,3 млн руб. Фонд развития Техноэкополиса КАС выдал 11 займов на поддержку и развитие новых производств на общую сумму 4,34 млн руб. Решением Законодательной думы Хабаровского края предприятиям – участникам программы была предоставлена льгота по налогу на прибыль на общую сумму 10,42 млн руб. То есть финансовая поддержка проектов программы осуществлялась за счет различных источников.

За время реализации программы ее участниками было налажено производство 22 новых товаров, внедрены пять новых технологий, в том числе: семейства транспортных средств для бездорожных районов Крайнего Севера, самолетов региональной и малой авиации; твердосплавного инструмента на основе технологий порошковой металлургии (нанотехнологий); дорожных ограждений, оборудования для перегрузки нефтепродуктов, сварочных электродов, стальных труб, цветных телевизоров, изделий из пластмасс, соевого белка и продуктов из него, и др.; внедрены технологии переработки вторичного сырья, выращивания овощей, газификации теплоснабжения и др. Удельный вес наукоемкой продукции в промышленном производстве г. Комсомольска-на-Амуре достиг почти 70%.

Как результат – динамика промышленного производства в г. Комсомольске-на-Амуре существенно опередила средние показатели по региону и макрорегиону, а доля города в обрабатывающей промышленности Хабаровского края возросла с 36 до 48% (рис. 2).

Рост валовых объемов производства обеспечили прежде всего высокотехнологичные предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК), получившие экспортные контракты – благодаря гармонизации деятельности существующей надсистемы – органов управления федерального уровня – с целями и задачами

программы «Техноэкополис КАС». Однако наибольшие темпы роста, на сотни процентов, наблюдались в малом технологическом предпринимательстве. В том числе прорабатывался проект по передаче предприятиями ОПК производства отдельных комплектов малой инновационной компании техноэкополиса. При этом если средняя по городу рентабельность промышленного сектора экономики составляла 14,3%, по отдельным видам инновационной продукции этот показатель превысил 1000%. Впечатляющий финансовый эффект позволил участникам программы увеличить долю собственных вложений в НИР и НИОКР до 23% от их общего объема.

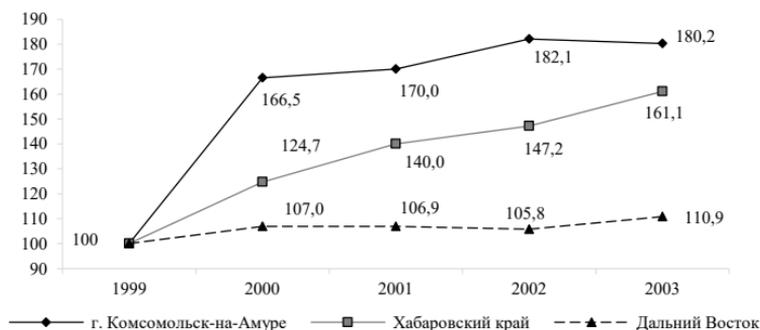

Рис. 2. Темпы роста промышленного производства в г. Комсомольске-на-Амуре, Хабаровском крае, Дальнем Востоке в 1999–2003 гг.

За период 1999–2003 гг. численность занятых в промышленности г. Комсомольска на Амуре выросла с 33,6 тыс. до 42,7 тыс. чел. При этом темп роста выработки на одного работающего в промышленности города был более интенсивным, чем динамика численности занятых. Резко уменьшилось выбытие населения, что подтверждает стабилизирующую роль предприятий высокотехнологичной обрабатывающей промышленности.

В качестве другого успешного примера формирования эффективной РИС можно привести опыт Республики Саха (Якутия), где в 2011 г. были созданы технопарк и венчурная компания, позволяющие достичь системной целостности мероприятий по поддержке всех этапов инновационного цикла – от научной разработки до вывода продукта на рынок.

АО «Венчурная компания Якутия»» в дополнение к собственным активам (200 млн руб.) привлекла частные инвестиции в сумме 169 млн руб. Это позволило ей профинансировать 26 проектов на сумму почти 320 млн руб. за период с 2012 по 2016 гг.

Государственное автономное учреждение (ГАУ) «Технопарк «Якутия»» выполняет функции по поддержке инновационных компаний и организации эффективного взаимодействия всех субъектов инновационной деятельности в регионе, осуществлению трансфера и коммерциализации технологий. По итогам первого года работы резидентами технопарка было создано 54 рабочих места, реализовано продукции на 54 млн руб.¹⁴ К 2016 г. число рабочих мест в технопарке достигло 454, количество зарегистрированных резидентов выросло до 89. Объем реализации продукции по итогам 2015 г. составил 326,4 млн руб., а общий объем реализации накопленным итогом – почти 1 млрд руб., сумма уплаченных налогов превысила 200 млн руб. Из числа выращенных в технопарке компаний 25 покинули его и перешли на стадию промышленного роста, восемь – стали резидентами индустриального парка ТОСЭР «Кангалассы», шесть – участниками Фонда «Сколково».

Таким образом, в республике в короткие сроки создана полноценная РИС со всеми необходимыми элементами и связями, динамично развивающаяся и способная за счет внутренних факторов и ресурсов обеспечивать воспроизводство инновационного продукта не только в столице региона, но и в других «точках роста» республики. Одним из важнейших результатов работы якутской РИС стали наметившиеся изменения в структуре миграционных потоков. В городе Якутске отрицательное сальдо миграции в возрастной группе 20–24 года сократилось со 157 чел. в 2012 г. до 32 чел. в 2015 г.¹⁵

Отметим, что построение РИС и достижение положительных экономических и социальных результатов в вышеприведенных примерах были осуществлены в короткие сроки. Прежде всего – благодаря применению эффективных мер институционального характера по созданию механизмов постоянного возобновления

¹⁴ По сведениям Технопарка «Якутия».

¹⁵ Федеральная служба государственной статистики Республики Саха (Якутия). URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/population/

множественных инновационных циклов. Этот опыт может быть повторен и в других регионах ДФО, с учетом специфических особенностей состояния компонентов инновационного потенциала в каждом из них.

Переход к инновационной модели расширенного воспроизводства

Решение стратегической для страны задачи по опережающему социально-экономическому развитию Дальнего Востока предполагает применение особых методов, основанных на передовых производственных, управленческих, социальных технологиях. В экономике это означает переход к преимущественно инновационному типу хозяйства, позволяющему получать дополнительную интеллектуальную «квазирену», необходимую для обеспечения расширенного воспроизводства в условиях неблагоприятного воздействия удорожающих факторов.

Осуществление такого перехода возможно только при взаимодействии федеральных, региональных, хозяйственных и других структур – НИС и РИС. Механизмы такого взаимодействия в значительной степени уже прописаны в существующих правовых документах и нуждаются в организации их практического применения с учетом региональных особенностей.

Так, в соответствии со «Стратегией инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», в отношении крупных компаний с госучастием введены рекомендации по разработке программ инновационного развития (ПИР)¹⁶. При этом при разработке и реализации ПИР компаниям рекомендуется развивать взаимодействие с регионами присутствия. В случае целенаправленного выделения дальневосточных регионов, как приоритетных в таком взаимодействии, может появиться возможность преодоления технологического отставания макрорегиона и перевода его к модели расширенного воспроизводства.

ТОСЭР могут приобрести преимущественно инновационную направленность и стать местом размещения на льготных условиях технологических, проектных компаний, а также технопарков,

¹⁶ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р.

бизнес-инкубаторов, и других объектов инновационной инфраструктуры, что не противоречит положениям действующего федерального закона¹⁷.

Применение концепции РИС в рамках реализуемой государством инновационной стратегии позволит задействовать технологический и институциональный (по С. Кузнецу) факторы роста и за счет этого усилить инновационно-инвестиционную составляющую структуры экономики ДФО, что является необходимым условием перехода от сырьевой к инновационной модели общественного воспроизводства.

Под инновационным типом расширенного воспроизводства понимается «тип экономического развития хозяйственных систем, предполагающий постоянное создание и эффективное освоение в оптимальных масштабах научно-технических нововведений (инноваций), новых технологий, видов продукции, организационных решений» [Инновационный тип., 2013. С. 547]. Переход к такой модели происходит в развитых странах, начиная со второй половины XX века, когда изменения в хозяйственной деятельности, вызываемые научно-техническими сдвигами, из относительно редкого события превратились в явление, постоянно присутствующее в жизни общества, а деятельность по хозяйственному использованию достижений науки и техники стала внутренним фактором воспроизводства макросистем. В свете построения инновационной экономики, общества, основанного на знаниях, главной целью развития общественного производства становится не рост ВВП, а развитие человека. В свою очередь, стратегически целенаправленный труд является источником инновационного развития экономики [Буланов, 2014. С. 117].

Такой путь разрешения противоречия между достижением экономических и социальных целей, без чего невозможно не только опережающее, но и простое развитие, представляется наиболее приемлемым и, скорее всего, безальтернативным в складывающейся социально-экономической ситуации.

Литература

Буланов В. Развитие человека как стратегическая цель управления экономикой // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 1. С. 114–122.

¹⁷ Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» / 29 декабря 2014 года, № 473-ФЗ.

Зинченко В.И. Влияние экономического кризиса на региональную инновационную систему на примере Томской области // *Инновации*. 2010. № 5. С. 105–111.

Зинченко В.И. Роль инноваций в развитии экономики региона // XII Инновационный международный форум с международным участием. Томск, 24–25 сентября 2009. Тверской ИнноЦентр. Тверь. С. 40–46.

Инновационный тип развития экономики: учебник / Под общ. ред. *А.Н. Фоломьёва*. М., Экономика, 2013. – 562 с.

Кузнец С. Современный экономический рост: результаты исследований и размышлений // *Нобелевские лауреаты по экономике: взгляд из России* / Ред. Ю.В. Яковец. СПб.: Гуманистика, 2003. 966 с.

Кузык Б.Н., Кушлин В.И., Яковец Ю.В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование: учебник. М.: Экономика, 2009. 591с.

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Россия 2050 – стратегия инновационного прорыва. М.: Экономика, 2005. 624с.

Мотрич Е.Л. Демографические перспективы Дальнего Востока России // *Демографическое настоящее и будущее России и её регионов* / Материалы Всероссийской научно-практической конференции 30–31 мая 2012 года. Вып. 2. М., РАН. С. 289–292.

Cooke P., From Technopoles to Regional Innovation Systems: The Evolution of Localised Technology Development Policy // *Canadian Journal of Regional Science*. XXIV:1. 2001. P. 21–40.

Cooke P., in cooperation with *Memedovic O.* Regional Innovation Systems as Public Goods. Vienna, UNIDO. 2006. 36p.

Статья поступила 15.08.2018.

Summary

Efremenko V.F., *Far-Eastern Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Khabarovsk*
Regional Innovation System as an Instrument of Advanced Social-Economic Development of the Russian Far East

Forward growth of gross regional product in the Far East macro-region does not lead to adequate improvement of socio-demographic indicators in terms of sustainable development. The increase of value-added production mainly comes from commodity-producing industries rather than high-tech manufacturing. There is a significant imbalance in the dynamics of the reproductive sector development: from innovative – investment, consumer or infrastructure towards raw materials and energy. Commodity industry is the principal recipient of investment but it fails to create additional jobs. This, in the long run, undermines implementation of government plans for stable and growing population. The current social and economic policies may not produce expected results. The paper argues for necessary development of an innovative sector of the economy in the macro-region. The proposal is transition to a modern version of the State regional policy of polarized development – the concept of regional innovation system as a method to solve the problem. An efficiency assessment is made of its practical application in the Far East region. The proposed

institutional changes will improve the socio-economic situation and start transition to a modern innovative type of reproduction in the macro-region.

Economic growth; reproduction; regional innovation system; the Far East of Russia

References

Bulanov V. (2014). Razvitie cheloveka kak strategicheskaya cel' upravleniya ehkonomikoj. *Problemy teorii i praktiki upravleniya [Theoretical and Practical Aspects of Management]* No 1. Pp. 114–122. (In Russ.).

Zinchenko V.I. (2010). Vliyanie ekonomicheskogo krizisa na regionalnuyu innovatsionnyu sistemuu na primere Tomskoi oblasti (Influence of economic crisis on regional innovation system by the example of the Tomskaya oblast). *Innovations.* No.5. Pp.105–111. (In Russ.).

Zinchenko V.I. (2009). Role of innovations in the region development. In XII Innovation Forum with International Participation, Tomsk, September 24–25. Tver Innocentr, Tver, Pp.40–46. (In Russ.).

Innovation type of economy development: textbook. (2013). Ed. *A. N. Folomyev*, Moscow, Ekonomika Publ., 562 p. (In Russ.).

Kuznets S. (2003). Sovremenny ekonomichesky rost: rezultaty issledovaniy i razmyshleniy (Modern Economic Growth: Findings and Reflections): Noble-Prize Winners. Ed. *Yu. V. Yakovets*, St. Petersburg, Gumanistika Publ. 966 p. (In Russ.).

Kuzyk B. N., Kushlin V. I., Yakovets Yu. V. (2009). Prognozirovanie, strategicheskoe planirovanie i natsionalnoe programmirovaniye (Forecasting, strategic planning and national programming): textbook, Moscow. Ekonomika Publ., 591p. (In Russ.).

Kuzyk B. N., Yakovets Yu. V. (2005). Rossia 2050 – strategiya innovatsionnogo proryva (Russia of 2050 – the strategy of innovation breakthrough), Moscow, Ekonomika Publ., 624p. (In Russ.).

Motrich E. L. (2012). Demographicheskie perspektivy Dalnego Vostoka Rossii (Demographic prospects of the Russian Far East). In Demographic nowadays and future of Russia and its regions, All-Russian Research and Practical Conference, May 30–31. Vol. 2, Moscow, RAS, Pp.289–292. (In Russ.).

Cooke P. (2001). From Technopoles to Regional Innovation Systems: The Evolution of Localised Technology Development Policy. *Canadian Journal of Regional Science.* XXIV:1. Pp. 21–40.

Cooke P., In cooperation with Memedovic O. (2006). Regional Innovation Systems as Public Goods. Vienna, UNIDO. 36 p.

Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей».

Взгляд пятый¹

Д.С. МИХАЙЛОВСКАЯ, НИУ «Новосибирский государственный университет».
E-mail: daria.mikhaylovskaja@yandex.ru

В.В. ШМАТ, кандидат экономических наук,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН;
НИУ «Новосибирский государственный университет», Новосибирск.
E-mail: petroleum-zugzwang@yandex.ru

«И какая от таких повествований польза отечеству? Никакой, хоть на первый, хоть на пятый взгляд. Но вот говорят: дурацкое дело нехитрое. Опыт... эту максиму не подтверждает... При внимательном рассмотрении обнаруживаются и метод, с его условиями и превратностями, и вполне артикулированное мироощущение, чтобы не сказать, философия жизни. Разбираться в том и другом – задача довольно увлекательная».

Марк Амусин [Амусин, 2015]

Статья продолжает цикл публикаций в журнале «ЭКО» с краткими отчетами о результатах исследования по прогнозированию развития российской экономики с применением экспертно-статистического байесовского метода. Особенность метода состоит в том, что на основе экспертных оценок он позволяет строить прогнозы в условиях сильной неопределенности. На пятом этапе исследования сформирована содержательная модельная конструкция, отражающая комплекс социальных проблем. По результатам экспертного опроса и их интерпретации «нарисована» картина наиболее вероятного будущего. Математическое моделирование прогноза выявило его почти равновысокую релевантность со сценариями «Ресурсная держава», «Лицом к Востоку» и «На периферии мира».

Ключевые слова: сценарное прогнозирование; моделирование экономики; экспертно-статистический байесовский метод; мониторинг-прогноз; неопределенность; экономика России; ресурсная держава; социальные проблемы; социальная политика

¹ Авторы выражают глубокую благодарность ведущим ученым Института экономики и организации промышленного производства, Института природных ресурсов, экологии и криологии, Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Новосибирского государственного университета, Новосибирского государственного технического университета и Сибирского федерального университета, которые согласились выступить в роли экспертов и тем самым оказали неоценимую помощь в выполнении исследования.

По мере продвижения нашего прогностического исследования становится все труднее и труднее подыскивать вводные слова для каждой очередной статьи цикла «Будущее российской экономики глазами “отцов” и “детей”». Нынешняя является пятой по счету и, как обычно, представляет собой краткий отчет о результатах, которые были получены на последнем этапе работы, т.е. в 2018 г. Неизменным остается и наше чувство благодарности журналу «ЭКО», при заинтересованной поддержке которого изыскания, начатые пять лет назад как личная инициатива авторов, превратились в планомерный научно-исследовательский проект под названием «Сценарное прогнозирование российской экономики».

Введение как повторение пройденного

Для построения сценарных экономических прогнозов используется экспертно-статистический байесовский метод, изначально разработанный специалистами фонда «ИНДЕМ» для целей прогнозирования политической ситуации в России [Благовещенский и др., 2016]. Особенность метода, опирающегося на неформализованный источник информации в виде экспертных оценок, состоит в том, что он позволяет строить прогнозы по принципу, выраженному в следующих словах: ***«Если мы не можем точно прогнозировать будущее, то мы, по крайней мере, вправе попытаться связать возможные варианты будущего с настоящим»*** [Благовещенский и др., 2012. С. 75].

Конструкция прогнозной модели состоит из трех частей:

1) набора задаваемых базовых сценариев развития экономики в будущем (с примерным горизонтом предвидения до 2030 г.), шансы реализации которых определяются в процессе численного моделирования прогноза;

2) набора проблемных ситуаций (проблем), которые характеризуют современную ситуацию в экономике и должны каким-то образом разрешиться в будущем;

3) способов разрешения проблемных ситуаций (в виде наборов для каждой из проблем), альтернативный выбор которых предопределяет, по какому сценарию будет происходить развитие экономики.

Набор из пяти **базовых сценариев** («На пути в ОЭСР», «Ресурсная держава», «Лицом к Востоку», «Свой путь», «На периферии мира») зафиксирован, начиная со второго этапа исследования, и пока что мы не считаем целесообразным вносить какие-либо

коррективы в эту компоненту прогнозной модели². Спецификации сценариев отражают возможные будущие состояния российской экономики, моделируемое движение в направлении которых происходит в результате комбинации различных исходов при разрешении проблемных ситуаций. При построении прогнозов в привязке к определенным макропроблемам вторая и третья компоненты модели – наборы проблемных ситуаций и способов их разрешения – строятся целевым образом для каждого этапа исследования. Данный процесс проходит с участием экспертов в формате «круглого стола», дающего возможность для совместного обсуждения текущих результатов и основ построения обновляемых модельных конструкций. Две последние встречи такого рода состоялись в марте 2017 г. и в апреле 2018 г.³

На отчетном этапе исследования мы обратились к социальной проблематике (макропроблеме «Социальное развитие»), тем самым завершая оценку сценариев будущего развития экономики России в разрезе отдельно взятых крупных проблем (вслед за макропроблемами антикризисного управления экономикой и регионального развития). Думается, что это логично, ведь изучая тенденции развития любой социально-экономической системы, нельзя оставить в стороне проблемы собственно социального характера. Для страны, ставящей своей целью рост благосостояния граждан, способность решать такие задачи, как, например, преодоление бедности, сокращение безработицы и дифференциации по доходам, усиление социальной защиты населения является важным индикатором успешности проводимой экономической политики.

Социальная проблематика как основа построения сценарного прогноза

При построении сценарного прогноза необходимо прежде всего структурировать макропроблему, выделить ее наиболее значимые составные части и представить в виде некоторой

² Подробное описание сценариев дано в наших предыдущих статьях [Карева, Шмат, 2015; Михайловская и др., 2017].

³ Круглый стол «ЭКО» «Сценарное прогнозирование российской экономики»: обсуждение результатов исследований и планов на будущее, 2017 г. – 17.03.2017. URL: <http://www.kz.ieie.nsc.ru/video/video1703-2017.html> (дата обращения: 02.12.2018); обсуждение результатов исследований и планов на будущее, 2018 г. – 26.04.2018. URL: <http://www.kz.ieie.nsc.ru/video/video2604-2018-eco.html> (дата обращения: 02.12.2018).

совокупности проблемных ситуаций, отражающих динамику демографических процессов, занятости, уровня жизни и дифференциации доходов населения, а также состояние социальной сферы и положение отдельных (социально уязвимых) групп населения.

Вполне очевидно, что *демография* и экономика неразрывно связаны. Поэтому реализацию того или иного варианта (сценария) демографического прогноза можно считать индикатором будущей динамики и качественных параметров экономического развития. В свою очередь, ожидаемые в будущем демографические тенденции во многом производны от современного состояния экономики.

Оценивая демографические перспективы России при построении модели, мы взяли за основу прогноз на период до 2050 г., разработанный в Центре по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Согласно этому документу, при любом возможном варианте динамики основных показателей в прогнозе выявляется проблема повышения демографической нагрузки на трудоспособное население страны. Если в 2016 г. удельный вес трудоспособных граждан в численности населения России составлял около 57%, то к 2030 г. он может снизиться до 52–54% (к 2050 г. – 46–50%), при этом будет наблюдаться постепенное старение населения [Архангельский и др., 2017]. Иначе говоря, вне зависимости от проводимой государством демографической политики, реально существует угроза нарастания степени социальной незащищенности населения, так как уже сегодня пенсионная система сталкивается с недостатком финансирования, и пока что остается не ясным, каким образом будут обеспечиваться выплаты в дальнейшем [Соловьев, 2016].

В данном контексте важно, что в России *система социальной защиты* населения, которая должна быть нацелена на обеспечение достойного уровня жизни и снижение рисков для социально уязвимых слоев, в большей степени представлена мерами монетарного характера. Но при этом в последние годы уровень жизни пенсионеров снижается (по соотношению пенсионных выплат с величиной прожиточного минимума). Планируемые долгосрочные параметры выхода из бюджетного кризиса (до 2035 г.) усиливают риски углубления и расширения бедности для всех категорий пенсионеров, даже несмотря на то,

что в отличие от трудоспособных категорий граждан, пенсионерам не грозит «скатиться» ниже нормативной бедности (в силу законодательно гарантированных доплат до уровня прожиточного минимума) [Соловьев, 2017].

Другой стороной уже происходящего и прогнозируемого в будущем процесса старения населения может стать обострение проблем *бедности* и *дифференциации доходов*. С прогностической точки зрения прежде всего важны негативные тенденции, которые сложились в последние годы и которые принято объяснять ухудшением экономической ситуации. К 2017 г. уровень абсолютной бедности (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума) вырос до 13,2% против 10,7% в 2012 г. Увеличилась доля населения со сравнительно низкими доходами: в 2013 г. размер страты с доходами менее двух прожиточных минимумов составлял 36,4%, а в 2017 г. он достиг почти 42%⁴. Естественно, встает вопрос, насколько устойчивой может быть отмеченная тенденция и каковой должна быть экономическая динамика в стране, чтобы противостоять нарастанию бедности?

Важно отметить, что заниженный уровень минимальной заработной платы приводит к бедности даже среди людей, работающих полный рабочий день. Указанное отличие бедности в России от таковой в развитых странах имеет место по той причине, что уровень минимальной зарплаты превышает российский в 10–15 раз, тогда как уровень реальных доходов в России ниже всего в 2–3 раза [Аганбегян, 2017]. При анализе рисков наступления бедности высвечиваются, например, проблемы молодежи и так называемой российской «глубинки», т.е. малых городов и сельской местности. По материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, проведенного Росстатом [Социальное положение, 2017], можно сделать вывод, что в нашей стране угроза бедности со всеми вытекающими из этого последствиями прежде всего витает над молодым поколением и людьми, живущими в той самой «глубинке».

Что касается *уровня жизни населения*, то в условиях, когда средние показатели довольно высоки (как это имеет место в России, которая по классификации Всемирного банка относится

⁴ Неравенство и бедность // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/ (дата обращения: 04.12.2018).

к числу стран с доходами выше среднего уровня⁵) первостепенное значение приобретает проблема *дифференциации* и *справедливого распределения доходов* в обществе. К сожалению, в настоящее время в России наблюдается крайне высокая дифференциация доходов населения, поскольку в результате проведения радикальных экономических реформ при переходе от «плана к рынку» были нарушены проверенные мировой практикой оптимальные пределы этой дифференциации [Жуковская, Краснова, 2018]. Актуальные статистические показатели России, характеризующие имущественное расслоение в обществе (например, коэффициент Джинни = 0,41 и коэффициент фондов = 15,6), находятся примерно на уровне развивающихся стран, но не стран с развитой экономикой [Калабеков, 2018]. В тенденциях изменений в уровне дифференциации доходов населения, как и в случае с проблемой бедности, в последние годы практически не просматривается улучшений.

Анализируя проблему бедности и ее рисков для разных групп населения, мы логично подходим к вопросу *занятости*, ведь именно безработные и частично занятые граждане прежде всего относятся к категории бедных. Согласно статистике, уровень безработицы на конец 2017 г. составил в России 5,2%, т.е. находился близко к естественному уровню⁶. Но это если не учитывать феномен скрытой безработицы. Так, по оценкам экспертов, в 2014 г. показатель скрытой безработицы достигал 12%, почти в 2,7 раза превышая официально фиксируемый уровень [Руднев, Шпилина, 2015]. При этом по всем параметрам – абсолютным и относительным – растет занятость в неформальном (теневом) секторе экономики. Характерно, что в сельской местности (к вопросу о ситуации в российской «глубинке») уровень неформальной занятости в 1,7 раза выше, чем в городах [Социальное положение..., 2013; Социальное положение..., 2017]. Результатами отмеченной

⁵ В 2017 г. душевой ВВП в России при измерении по паритету покупательной способности составил 25,5 тыс. долл. (55-е место среди проиндексированных 186 стран мира), тогда как в целом по группе стран с доходами выше среднего уровня (upper middle income) величина показателя находилась на отметке 17,7 тыс. долл. Для сравнения: среднемировое значение – 16,9 тыс. долл.; в среднем по странам с высоким уровнем дохода (high income) – 47,3; по странам ОЭСР – 43,4 тыс. долл. – World Bank Open Data // GDP per capita, PPP (current international \$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 05.12.2018).

⁶ Трудовые ресурсы // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (дата обращения: 04.12.2018).

тенденции являются не только усиление дифференциации доходов, снижение социальных гарантий для населения, обострение финансового дефицита пенсионного и других социальных фондов, но также криминализация трудовых отношений и негативные социально-психологические последствия.

Перспективы развития (накопления) человеческого капитала связаны с проблемой *социальной сферы*, важнейшие подсистемы которой – отрасли здравоохранения, образования и культуры. Каждая из этих отраслей, оказывая специфические услуги населению, безусловно, обладает своими особенностями, однако есть общие для всей социальной сферы тенденции и проблемы развития. К их числу относятся, например, неэффективное использование ресурсов и чрезмерная бюрократизация (формализованность) в ущерб качественным характеристикам деятельности, что особенно ярко проявляется в некоммерческих сегментах здравоохранения и образования [Чернышев и др., 2016; Доновна, 2016].

В качестве одной из важнейших социальных проблем мы рассматриваем *проблему российской «глубинки»*, т.е. жизни людей в малых городах и сельской местности. В чем она состоит? Ранее уже были отмечены повышенные риски бедности. Очевидно, к этому можно добавить безработицу, сравнительно плохие жилищные условия, слабую транспортную доступность, ограниченные возможности получения качественных социальных услуг и многие другие трудности, с которыми сталкиваются жители сел и малых городов.

Так, деградация производства, произошедшая в 1990-х годах в сельском хозяйстве, привела к множеству негативных социальных последствий, включая беспрецедентный рост безработицы и тотальное обеднение – более половины сельского населения оказалось за чертой бедности. Сегодняшний же парадокс состоит в том, что при массовом высвобождении рабочих рук с каждым годом обостряется проблема нехватки специалистов и квалифицированных работников. Усиливается социальная дифференциация территорий и населенных пунктов по причине концентрации производства на относительно небольшом количестве предприятий и растущего неравенства производителей по экономическим и технико-технологическим параметрам [Фадеева, 2018]. В целом же, по-видимому, можно говорить о том, что в России отсутствует

интегрированный подход к решению проблем села, а ресурсы государственной поддержки используются нерационально.

Мы никак не можем обойти вниманием *проблему молодежи*, отдельных сторон которой мы уже касались⁷. Молодежь, в руках которой через 10–20–30 лет окажется будущее страны, составляет около трети населения России. Главная задача государства и общества – направить энергию молодого поколения в нужное русло, акцентировать внимание на решении насущных проблем [Меркулов, Орлова, 2015]. Однако те зримые «плоды», которые приносит современная молодежная политика государства, в основном имеют идейно-воспитательный и политический «привкус». Проблемы же лежат в области более «материалистической», связанной с созданием благоприятных условий жизни сегодня и возможностей реализации творческого и трудового потенциала в будущем.

Завершая наш краткий анализ, отметим, что в решении любой проблемы социального характера трудно переоценить значимость влияния государства – прямого и косвенного. Прямое воздействие выражается в проводимой правительством *социальной политике*, ее направленности (целях и задачах), методах и инструментах реализации, в том, насколько ее реальное содержание соответствует, с одной стороны, декларируемым приоритетам, а с другой – объективным и субъективным потребностям населения страны. Активная роль социальной политики состоит в том, что она должна быть не только стабилизирующей (направленной на достижение социально-политической устойчивости общества), но и стимулирующей, способной привнести в общество и в экономику необходимую мотивационную энергию человеческого фактора, что особенно важно в условиях перехода страны на инновационный путь развития [Люблинский, 2008].

Учитывая современное состояние российской экономики и социума, тенденции развития последних лет, можно с уверенностью говорить о необходимости внесения значительных корректив и в экономическую, и в социальную политику. При

⁷ Проблема вызывает у нас особый, специфический интерес, поскольку индикативная экспертная аудитория («дети») в проекте состоит из аспирантов и студентов экономического факультета НГУ, т.е. представителей молодого поколения, которые к тому же готовятся стать профессиональными экономистами (в том числе учеными-исследователями).

этом существует очень широкая вариабельность сценариев будущей социальной политики с различиями качественного и количественного свойства. В научно-прогностическом плане важно то, что эта вариабельность как раз и создает основу для проведения исследований, подобных нашему. А неразрывное единство социальной и экономической политики, социальных и экономических процессов означает, что попытка построения прогноза с акцентом на социальной проблематике может быть вполне индикативной и может способствовать формированию более широких представлений о вероятных путях дальнейшего развития российской экономики.

О подготовке информационной базы для моделирования прогноза

На основе проведенного структурирующего анализа макропроблемы социального развития мы включили в модель сценарного прогнозирования *девять проблем (проблемных ситуаций)*.

1. Социальная политика (общая направленность, подходы к формированию и реализации): цели, задачи, реальное содержание.

2. Демографическая ситуация.

3. Бедность.

4. Безработица.

5. Проблема справедливого распределения доходов и уровня жизни.

6. Социальная защита населения.

7. Социальная сфера.

8. Положение российской «глубинки» – села и малых городов.

9. Проблема молодежи.

Каждой из приведенных выше проблем вменялось по пять вариантов разрешения, т.е. в целом данный блок модели включает *45 разрешающих событий*, шансы наступления которых (в процентном виде с суммой, равной 100 для каждой проблемы) оцениваются экспертами.

Напомним уважаемому читателю, что в нашем исследовательском проекте работа ведется с двумя аудиториями экспертов – «отцами» и «детьми».

Основная экспертная аудитория («отцов») состоит из авторитетных ученых-экономистов и социологов, работающих в научных и научно-образовательных организациях Новосибирска,

Красноярска, Читы и Кызыла. На пятом этапе исследования, по сравнению с предыдущим, состав экспертной аудитории «отцов» при той же численности (17 экспертов; см. табл. 1) претерпел лишь незначительные изменения.

Таблица 1. Характеристики основной экспертной аудитории

Общее число экспертов	17
- из Новосибирска	14
- из других городов Сибири	3
Сферы научных интересов (по числу экспертов)	
- региональная экономика	9
- институциональная экономика	6
- экономика отраслей и предприятий	4
- социология	2
- экономико-математическое моделирование	2
- другие сферы (Экономическая теория, Макроэкономика, Менеджмент, Финансы)	4
Число экспертов, указавших в качестве основной сферы научных интересов только одну	10
Число экспертов, указавших в качестве основных сфер научных интересов более двух	2

Примечание: экспертам было предложено указать главные сферы научных интересов из составленного нами списка, который охватывает основные области экономической науки. При этом не выдвигалось требование указать только одну из сфер.

Индикативная экспертная аудитория «детей» включала 27 респондентов и состояла из студентов старших курсов, магистрантов, аспирантов экономического факультета НГУ.

В результате проведенного опроса мы получаем **два набора экспертных оценок:**

1) **оценки безусловных шансов событий**, т.е. мнения экспертов о реализуемости заданных событий, которые дают численно выраженную картину прогнозируемого развития экономики;

2) **оценки условных шансов событий** при предположении о реализации каждого из базовых сценариев⁸, которые формируют «оцифрованные» представления о сценариях, позволяют соотносить их с численными характеристиками прогноза и выявлять степень релевантности.

На основе индивидуальных экспертных оценок методом ранжирования [Павлов, Соколов, 2015] определяются **обобщенные (агрегированные) оценки**, т.е. вычисляются результирующие

⁸ Принцип оценивания условных шансов событий описан в работе [Благовещенский и др., 2012. С. 79].

значения безусловных и условных шансов событий по проблемам, включенным в модельную конструкцию прогноза, которые образуют *полную информационную базу для численного моделирования* (см. Приложение).

В нашем исследовании для получения корректных результатов большое значение имеет компетентность экспертов в заявленной проблематике. Одной из характерных черт сибирской экономической школы, к которой принадлежат участвующие в проекте эксперты основной группы, является социальная направленность. Это означает приверженность к изучению не просто экономических, а социально-экономических проблем с анализом и оценкой экономических эффектов для общества в их различных аспектах. Иными словами, компетентность экспертов-«отцов» в социальной проблематике у нас не вызывает сомнений.

Общая согласованность экспертных оценок контролируется с помощью дисперсионных коэффициентов конкордации⁹, которые вычисляются (после соответствующей ранжировки индивидуальных оценок, полученных от экспертов) для каждой проблемы в отношении безусловных и условных шансов событий. По результатам опроса значения коэффициентов конкордации (их общее число равно 45) оказались в диапазоне от 0,301 до 0,788, что в целом свидетельствует об удовлетворительной общей согласованности оценок шансов событий, а по ряду проблем согласованность оценок является высокой или приближается к таковой.

Степень отклонения индивидуальных экспертных оценок от обобщенных определяется путем расчета статистических коэффициентов компетентности экспертов (вычисляются для оценок безусловных и условных шансов событий по каждой проблеме с последующим усреднением для каждого эксперта). При 17 экспертах нормативное значение коэффициента компетентности приблизительно равно 0,59; значения коэффициентов для отдельных экспертов по оценкам безусловных шансов событий лежат в диапазоне от -12,0 до +17,6%; по оценкам условных шансов – в интервале от -22,0 до +16,8%. В большинстве случаев отклонения индивидуальных коэффициентов компетентности от нормативного значения не превышают величины стандартных

⁹ Могут принимать значения от 0 (полная рассогласованность оценок) до 1 (полная согласованность) [Павлов, Соколов, 2015].

отклонений, находящихся в интервале 0,004–0,005, или 6,2–9,2% (для шести видов оценок)¹⁰.

Результаты моделирования прогноза

В процессе численного моделирования с использованием аппарата байесовской вероятности рассчитываются *шансы (вероятности) реализации базовых сценариев*. Сходимость рекуррентных вычислений обеспечивается большим числом итераций (10 тыс.).

Результаты моделирования (в виде шансов реализации базовых сценариев), полученные на пятом этапе, несколько отличаются от результатов предыдущего, но в целом вписываются в общую канву оценок, которая сложилась в 2016–2017 гг. при построении прогнозов с привязкой к отдельным макропроблемам (рис. 1).

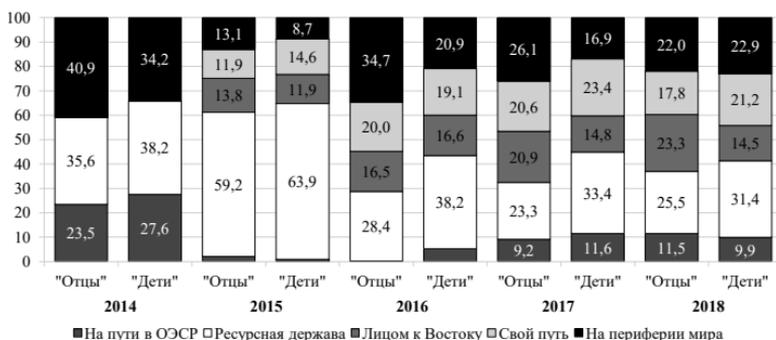

Рис. 1. Шансы реализации сценариев, вычисленные на основе оценок экспертных аудиторий «отцов» и «детей»,%

По оценкам основной экспертной аудитории, наиболее вероятен (хотя и с небольшим преимуществом) ресурсный сценарий (25,5%), а наименее – прозападный (11,5%). В формально-цифровом отношении прогноз 2018 г. выглядит немного более оптимистичным по сравнению с предшествующим, что выражается в уменьшении шансов очевидно негативного периферийного сценария (с 26,1 до 22,0%) и в повышении шансов сценария «На пути в ОЭСР» (с 9,2 до 11,5%). Выявляется близость шансов на реализацию сценариев

¹⁰ В нашем исследовании предельно допустимое отклонение индивидуального коэффициента компетентности от нормативного мы полагаем равным $\pm 0,5$. Если отклонение выходит за указанные пределы, индивидуальные оценки эксперта диаметрально отличаются от обобщенных.

«Ресурсная держава», «Лицом к Востоку» и «На периферии мира» в диапазоне от 22 до 25,5%, что не слишком отличается от результатов четвертого этапа исследования.

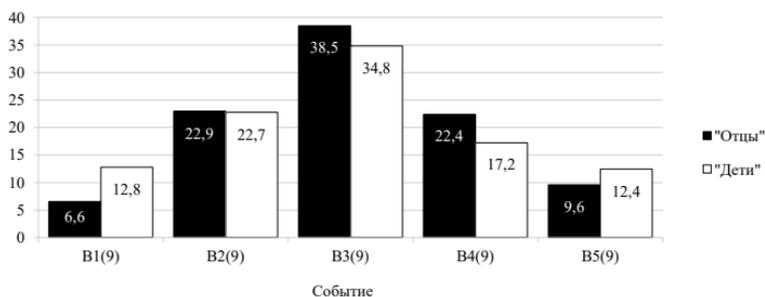
Мы полагаем, что оценки пятого этапа и их отличия от предыдущих обусловлены главным образом особенностями социальной проблематики, ставшей «стержнем» при построении прогноза. Так, «монетизация» социальной политики по образу и подобию развитых стран с рыночной экономикой действительно способствует формированию мнения о сравнительной близости путей развития России и Запада, что объясняет повышение шансов сценария «На пути в ОЭСР». И конечно же, наличие серьезных социальных проблем не является уникальным свойством России. Бедность и безработица, дифференциация доходов или проблема молодежи существуют во всем мире, в том числе и в развитых странах. Поэтому в данном аспекте мы просто выйдем «со братьями по несчастью», и повышение шансов прозападного сценария в сущности свидетельствует не об оптимизме прогноза, а о наличии у России и стран Запада сходных проблем и трудностей.

Не менее логичным выглядит представление о будущем социальном устройстве страны, в котором сохранятся весомые элементы патернализма, что может быть характерно для ресурсного, восточного и периферийного сценариев. При этом заметное уменьшение шансов периферийного сценария, скорее всего, говорит о следующем: эксперты не склонны полагать, что государство допустит серьезное ухудшение социальной обстановки в стране, ибо это самый короткий путь к революции. На этом фоне несколько «затерялся» сценарий «Свой путь», что, на наш взгляд, имеет два объяснения: с одной стороны, он может рассматриваться как некий труднодостижимый идеал с оптимальным сочетанием государственных гарантий и личной ответственности граждан, общественного фондирования и коммерциализации институтов социальной поддержки; а с другой – его черты несколько растворяются в свойствах ресурсного, восточного и периферийного сценариев, что побуждает экспертов отдать сравнительное предпочтение какому-либо из последних.

Прогноз экспертов-«детей» в наибольшей степени отличается от прогноза «отцов» в оценках шансов ресурсного (31,4 против 25,5%) и восточного (14,5 против 23,3%) сценариев. Если

сравнивать оценки последних трех этапов, в этом отношении практически ничего не изменилось: юные эксперты по-прежнему считают «Ресурсную державу» наиболее вероятным прогнозным сценарием для российской экономики и весьма скептически воспринимают возможность развития на основе опыта наших восточных соседей. Новое в результатах пятого этапа состоит в том, что шансы сценария «На пути в ОЭСР», по оценкам «детей» (9,9%), оказались несколько ниже, чем по оценкам «отцов» (11,5%).

Говоря формально, на этот раз «дети» смотрят в будущее чуть с большим пессимизмом, чем «отцы». По-видимому, объяснение следует искать в особенностях социальной проблематики, положенной в основу построения прогноза. Если сравнить оценки шансов событий по проблемам, которые включены в модельную конструкцию, можно обнаружить, что и «отцы», и «дети» в качестве наиболее вероятного исхода во всех случаях выбрали одну и ту же проблему. Однако для оценок «детей» применительно к каждой проблеме свойственно более радикальное расслоение, что хорошо видно на примере проблемы молодежи: «дети» более высоко оценивают шансы как сравнительно наилучшего, так и наихудшего из событий, тогда как «отцы» в большей степени привержены «золотой середине» (рис. 2).

Примечание. События B1(9)...B5(9) упорядочены в порядке ухудшения – от «Усилиями общества и государства для молодого поколения создаются условия почти как в песне: “Молодым везде у нас дорога” ... до “Проблемы социальной адаптации молодежи приобретают критический характер... Происходит усиление, с одной стороны, инфантилизма, а с другой – радикально-протестных настроений...». Полные формулировки событий см. в Приложении.

Рис. 2. Шансы событий по проблеме № 9 (Молодежи) по агрегированным оценкам «отцов» и «детей»,%

Общие результаты моделирования прогноза практически подтверждаются данными *корреляционного анализа агрегированных оценок безусловных и условных шансов событий*, т.е. шести векторов, каждый из которых включает 45 элементов (по 5 оценок для всех девяти проблем). Вектор безусловных оценок дает числовые характеристики прогноза, векторы условных оценок количественно описывают соответствующие базовые сценарии. В оценках «отцов» наиболее сильная корреляция прогнозируемого развития событий выявляется со сценариями «Ресурсная держава» (0,97), «Лицом к Востоку» (0,96) и «Свой путь» (0,91) в противоположность периферийному и, тем более, прозападному сценарию. Высокий коэффициент корреляции безусловных шансов событий с условными по сценарию «На периферии мира» (0,63) тем не менее говорит о большой угрозе его реализации. Оценки «детей» вполне определенно дают преимущество сценарию «Ресурсная держава» и несколько меньшее – сценарию «Свой путь» (табл. 2).

Таблица 2. Результаты попарного корреляционного анализа агрегированных безусловных оценок и условных оценок, соответствующих базовым сценариям

Оценка экспертов	Базовый сценарий				
	На пути в ОЭСР	Ресурсная держава	Лицом к Востоку	Свой путь	На периферии мира
«Отцы»	0,451	0,968	0,956	0,914	0,634
«Дети»	0,215	0,950	0,514	0,793	0,527

Итоги оценивания шансов реализации базовых сценариев хорошо корреспондируют с тем, что в фазовом экономическом пространстве точка прогноза-2018 сместилась в направлении сценария «На пути в ОЭСР» при уменьшении степени администрирования и почти неизменном уровне прагматизма (рис. 3)¹¹.

Текущий результат мониторинг-прогноза, по сути, должен иметь те же объяснения, что и общий результат моделирования,

¹¹ Принципы построения фазового пространства, определения фазовых координат и «рисования» фазового портрета, которые позволяют строить мониторинг-прогноз в рамках многостадийного исследования описаны в нашей предыдущей статье [Михайловская, Шмат, 2018].

во многом вытекающий из специфики макропроблемы «Социальное развитие» (см. выше).

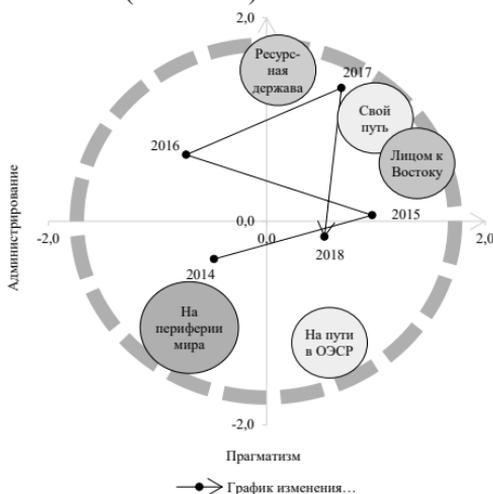

Рис. 3. Шансы реализации сценариев, вычисленные на основе оценок экспертных аудиторий «отцов» и «детей»,%

Картинка наиболее вероятного будущего

В дополнение к представленным выше формальным, численным результатам прогнозирования мы попытаемся нарисовать картину будущего, в котором произойдут события, получившие максимальные оценки от экспертов. Наша задача при этом упрощается, поскольку в рамках каждой проблемы представители обеих экспертных аудиторий дали наивысшие оценки шансов одним и тем же событиям (табл. 3).

Итак, что же нас ждет в будущем?..

Как видно из таблицы 3, в десятку наиболее вероятных вошли события, охватывающие полный круг проблем, включенных в модельную конструкцию (проблема «глубинки» в рейтинге представлена двумя событиями), что в какой-то степени закономерно. Большинство событий (8) в рейтинге имеет номер «3», т.е. они находятся в середине по ранжировкам от лучших к худшим для каждой из проблем, и присутствуют два события с номером «4» (ближе к худшим из числа возможных исходов). Заметим, что ни одно из наиболее вероятных событий не имеет шансов, превышающих 50% (максимум 43,2%), что говорит

о довольно высокой степени предположительности полученного результата.

Таблица 3. Десятка событий, получивших наибольшие шансы по агрегированным оценкам экспертов-«отцов», %

Код	Событие	Проблема		Оценка шансов
	Содержание	№	Название	
V3(4)	Ситуация в сфере занятости населения и безработицы не претерпевает видимых изменений...	4	Безработица и занятость	43,2
V3(7)	Сравнительно медленное развитие социальной сферы преимущественно в государственном формате...	7	Социальная сфера	40,4
V3(6)	Уровень социальной защиты населения возрастает очень медленно...	6	Социальная защита населения	39,5
V3(9)	Молодежь сталкивается с разнообразными и довольно серьезными (но во многом преодолимыми) трудностями в жизненной адаптации...	9	Проблема молодежи	38,5
V3(8)	Проблема почти выпадает из поля зрения федерального центра и ложится на плечи регионов...	8	Положение «глубинки»	37,0
V3(5)	Медленный рост уровня жизни. Государство сосредоточивается преимущественно на перераспределительных функциях...	5	Уровень жизни и распределение доходов	36,6
V3(2)	Реализуется умеренный (средний) демографический прогноз (численность населения постепенно сокращается...)	2	Демографическая ситуация	35,8
V3(3)	Уровень бедности в среднем почти не меняется. В значительной степени преодолевается трудовая бедность...	3	Преодоление бедности	34,5
V4(8)	Сравнительно благополучная ситуация в богатых регионах. В остальных «глубинка» более или менее быстро деградирует...	8	Положение «глубинки»	33,6
V4(1)	Преимущественно популистская социальная политика. Обеспечивает минимум социальных гарантий...	1	Социальная политика	31,9

Примечание. Полные формулировки событий см. в Приложении.

Численность населения страны постепенно сокращается из-за сравнительно низкой рождаемости и высокой смертности; доля молодого населения уменьшается, а населения старше трудоспособного возраста увеличивается; удельный вес населения в трудоспособном возрасте почти не меняется во многом благодаря положительной внешней миграции. Точно также почти не меняется уровень бедности. В значительной степени преодолевается трудовая бедность, но сохраняется острота проблемы для нетрудоспособного населения, которое находится «под опекой» государства. Деятельная часть населения и бизнес

придерживаются принципа ограниченной ответственности, думая о своих интересах и мало заботясь о нуждах людей, относящихся к социально незащищенным категориям. Общий уровень жизни населения растет медленно. Государство сосредоточивается преимущественно на перераспределительных функциях, стараясь решать материальные проблемы малоимущих и социально незащищенных слоев населения. Заработная плата, регулируемая в основном через ставки МРОТ, обеспечивает работающим гражданам достижение средних стандартов благополучия.

Статистика занятости населения и безработицы показывает, что ситуация не претерпевает видимых изменений. При этом растет скрытая безработица, в некоторой мере обостряется проблема гендерной (среди женщин) и возрастной безработицы (среди молодежи и трудоспособных граждан старшего возраста). Имеет место значительная межрегиональная дифференциация в уровне занятости и безработицы – последняя концентрируется в депрессивных регионах, тогда как регионы – экономические лидеры в целом весьма успешно решают проблему.

Социальная защита населения прогрессирует очень медленно и незначительно. Системы социального страхования и пенсионного обеспечения работают с большим напряжением, постоянно находясь под угрозой дефицита финансовых ресурсов, которые формируются почти исключительно за счет обязательного страхования. Столь же медленное развитие социальной сферы происходит преимущественно в огосударственном формате с финансированием за счет страховых фондов и бюджетных источников. Населению практически гарантируется минимум услуг; возможности получения сложных, высокотехнологичных услуг зачастую лимитируются. Частные инвестиции в социальную сферу связаны с высоким риском из-за недостаточного платежеспособного спроса со стороны населения.

Молодежь сталкивается с разнообразными и довольно серьезными, но все-таки преодолимыми трудностями в жизненной адаптации. Острота проблем в большой степени зависит от территориального и сословного факторов – в очевидном худшем положении находятся молодые граждане, живущие в периферийных

регионах, в малых городах и сельской местности, а также происходящие из сравнительно малообеспеченных семей. На фоне несогласованности потребностей экономики и личных интересов выявляются структурные диспропорции в профессиональной подготовке. В настроениях и поведении отдельных групп молодежи наблюдаются признаки инфантилизма, что обусловлено недовольством условиями жизни и неверием в возможность решения проблем.

Социально-экономическое положение «глубинки» почти выпадает из поля зрения федерального центра, и тяжесть решения проблемы практически полностью ложится на плечи регионов. Сравнительно благополучное положение или даже заметный подъем «глубинки» наблюдаются в отдельных субъектах Федерации – наиболее богатых и старающихся целеустремленно решать задачи по развитию малых городов и сельских населенных пунктов. На большей части страны положение «глубинки» в лучшем случае не меняется; ситуацию в целом можно охарактеризовать как вялую деградацию.

Сложная социальная обстановка в стране обусловлена, с одной стороны, не слишком благоприятной экономической динамикой, а с другой – неудачами в государственной социальной политике. Последняя имеет по преимуществу популистский характер, обеспечивает минимум гарантий населению и отличается периодическими «вспышками» активности для поддержания общественной стабильности и лояльности электората (в предвыборные периоды). На общем фоне сравнительно успешной выглядит политика в области демографии – она не вполне эффективна и вызывает определенный скептицизм в общественном мнении, но способствует поддержанию численности работоспособного населения за счет миграционного притока. Впрочем, последнее в немалой степени объясняется трудностями, которые переживает ряд стран Ближнего Зарубежья, где условия жизни были и остаются менее благоприятными, чем в России.

* * *

Насколько оптимистичной (или, наоборот, пессимистичной), а самое главное – правдоподобной, – выглядит нарисованная картина будущего, предоставим судить уважаемому читателю.

Нам же, в завершение повествования о результатах пятого этапа исследования по построению сценарного прогноза российской экономики, хотелось бы отметить следующее. С одной стороны, социальная проблематика, положенная в основу прогнозирования, конечно, представляет для нас определенную трудность, поскольку мы не специализируемся на изучении социальных проблем. С другой стороны, социальные проблемы – это как раз то, что практически каждый из нас чуть ли не ежедневно наблюдает и «ощущает на собственной шкуре». Отличие же исследователя от обывателя состоит в том, что он размышляет над увиденным и ощущаемым, пытается выявить тенденции и сформулировать обобщения (по методу синтеза, делая общие выводы из частного). Причем в проводимом исследовании мы опираемся не на свои личные суждения, а на мнение представительной группы экспертов, которые, мы нисколько в этом не сомневаемся, придерживаются исследовательской модели восприятия действительности и предвидения будущего.

И это дает нам надежду, что проделанная работа не совсем напрасна, а полученные результаты представляют определенный интерес и пользу. По нашему мнению, российские власти должны иметь конкретно очерченный долгосрочный план или программу развития страны и принимать выверенные стратегические решения, глядя в завтрашний день, не во вчерашний. Это, в свою очередь, порождает необходимость формирования адекватных представлений о будущем и ставит перед научным сообществом задачу составления надежных и правдоподобных прогнозов на длительную перспективу, которые могут быть положены в основу государственных планов социально-экономического развития России. В меру наших скромных сил мы пытаемся внести свой вклад в общую «копилку» знаний о будущем и намерены продолжить исследование по сценарному прогнозированию российской экономики с тем, чтобы примерно через год представить новые результаты.

Приложение

Проблема 1. Социальная политика: цели, задачи, реальное содержание¹²

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
1.1. Комплексная, сбалансированная социальная политика, органично встроенная в систему государственных социально-экономических политик. Нацелена на создание максимально широких условий для развития человека и обеспечение роста благосостояния граждан	5,5	23,3	8,9	8,6	15,1	2,6
1.2. Сильная социальная политика, тесно связанная с политикой экономического роста и нацеленная прежде всего на создание благоприятных условий для экономически активного населения. В решении задач такой политики большая нагрузка ложится на корпорации (работодателей). Носит компенсационный характер для социально незащищенных слоев населения	12,2	24,8	14,4	21,0	18,2	8,5
1.3. Социальная политика, лежащая в русле финансовой политики государства, нацеленная главным образом на защиту социально незащищенных слоев населения путем материальной поддержки и обеспечения социальными услугами за счет бюджетных ресурсов	29,1	28,7	31,6	31,1	27,9	23,0
1.4. Преимущественно популистская социальная политика. Обеспечивает минимум социальных гарантий и характеризуется периодическими «вспышками» активности для поддержания общественной стабильности и лояльности населения	31,9	17,1	30,2	25,7	22,8	35,8
1.5. Слабая социальная политика, финансируемая и реализуемая по остаточному принципу. Реализация такой политики позволяет, в лучшем случае, решать наиболее критические задачи текущего момента, расширять наиболее узкие места	21,3	6,1	14,9	13,5	16,0	30,2

Проблема 2. Демографическая ситуация

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
2.1. Реализуется оптимистический демографический прогноз (численность населения умеренно возрастает благодаря сравнительно высокой рождаемости, снижению смертности и увеличению продолжительности жизни, положительной миграции; доля населения моложе трудоспособного возраста снижается медленно, растет доля населения в пожилом возрасте, снижается доля трудоспособного населения). Результат успешных консолидированных усилий общества и государства, направленных на решение демографической проблемы	5,6	18,7	10,5	14,0	15,0	7,1

¹² В таблицах с характеристиками проблемных ситуаций в столбце P приводятся обобщенные значения безусловных шансов событий (%), а в столбцах A1, A2, A3, A4, A5 – обобщенные оценки условных шансов событий по сценариям (%) по аудитории экспертов-«отцов».

Окончание табл. 2

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
2.2. Реализуется сравнительно высокий демографический прогноз (параметры прогноза в целом схожи с оптимистическим вариантом, но при более низком темпе роста населения). Государственные меры по решению демографической проблемы не всегда приносят ожидаемые результаты и не всегда находят подобающий отклик у населения	17,6	22,4	14,6	17,7	20,8	12,4
2.3. Реализуется умеренный (средний) демографический прогноз (численность населения постепенно сокращается из-за сравнительно низкой рождаемости и высокой смертности, снижается доля молодого населения, доля населения в трудоспособном возрасте почти не меняется, доля населения старше трудоспособного возраста медленно возрастает). Государственная демографическая политика не вполне эффективна, в общественном мнении усиливается скептицизм в ее отношении	35,8	32,9	34,4	33,2	27,8	24,9
2.4. Реализуется сравнительно низкий демографический прогноз (ускоряется темп депопуляции при крайне низком повышении рождаемости и почти неизменном уровне смертности, продолжительность жизни почти не увеличивается; как следствие, сравнительно высока доля трудоспособного населения; снижаются темпы миграционного прироста населения). Меры государственного воздействия на демографические процессы малоэффективны вследствие их несистемности и недостаточности, не пользуются доверием со стороны населения	27,4	18,7	27,1	22,6	22,1	28,0
2.5. Реализуется пессимистический демографический прогноз (наиболее высокий темп депопуляции – уровень рождаемости снижается, продолжительность жизни не увеличивается, низкие темпы миграционного прироста населения; усиливаются негативные тенденции в возрастной структуре населения, характерные для низкого варианта прогноза). Неравномерность в заселении территории страны приближается к опасному пределу. Меры государственной политики неэффективны, отсутствует взаимопонимание между государством и обществом по отношению к демографической проблеме	13,6	7,4	13,3	12,4	14,3	27,7

Проблема 3. Проблема преодоления бедности

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
3.1. Уровень бедности (абсолютной и относительной) устойчиво снижается, приближаясь к показателям высокоразвитых стран. Преодоление бедности достигается на основе широкого консенсуса по отношению к данной проблеме. Органично сочетаются элементы личной самозащиты граждан от бедности, социальной ответственности бизнеса и государственной поддержки малоимущих	8,7	24,4	12,8	13,2	16,9	5,1
3.2. Уровень бедности снижается, но преимущественно это касается абсолютной бедности, при сохранении значительной дифференциации в доходах населения. Основная нагрузка в решении проблемы бедности ложится на государство при меньшей активности со стороны населения и бизнеса	25,0	32,0	24,5	23,9	24,5	15,8

Окончание табл. 3

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
3.3. Уровень бедности в среднем почти не меняется. В значительной степени преодолевается трудовая бедность, но сохраняется острота проблемы для нетрудоспособного населения, которое находится «под опекой» государства. Деятельная часть населения и бизнес придерживаются принципа ограниченной ответственности	34,5	26,0	30,6	29,1	26,6	26,1
3.4. Бедность нарастает в strатах населения, традиционно считающихся малоимущими; расширяется немонетарная бедность. В обществе преобладают иждивенческие настроения; бизнес почти отстраняется от решения проблемы бедности; государство «сражается» с бедностью в одиночку, но его усилия и возможности недостаточны	19,2	12,8	19,5	22,5	18,4	28,6
3.5. Бедность (в различных ее формах) нарастает, затрагивая все более широкие strаты населения, несмотря на некоторые видимые усилия по борьбе с ней. Устраняется нет внятной политики, направленной на преодоление бедности; меры, предпринимаемые государством, не только явно недостаточны, но зачастую имеют декларативный, показательный характер	12,7	4,8	12,6	11,3	13,6	24,3

Проблема 4. Проблема занятости населения и сокращения безработицы

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
4.1. Устойчивый рост занятости на основе гибкой политики создания новых рабочих мест благодаря стимулированию экономического роста, поддержке предпринимательства, развитию малого бизнеса, созданию благоприятных условий для самозанятости населения	7,9	22,3	10,6	12,2	16,1	4,3
4.2. Рост занятости населения. На первое место по значимости выходит проблема структурной безработицы. Государство при участии бизнеса пытается решить данную проблему (целевые программы переподготовки кадров, переселения, создания рабочих мест в общественном секторе и т.п.)	19,5	29,4	21,0	20,6	21,2	12,8
4.3. Ситуация в сфере занятости населения и безработицы не претерпевает видимых изменений (в среднестатистических показателях). Растет скрытая безработица, в некоторой мере обостряется проблема гендерной и возрастной безработицы. Имеет место значительная межрегиональная дифференциация в уровне занятости и безработицы	43,2	29,2	35,5	35,0	32,4	28,9
4.4. Безработица на высоком уровне. Проблема занятости остается одной из самых острых. В депрессивных регионах складывается ситуация, близкая к критической. Государство фактически смирилось с этим и борется лишь с последствиями, стараясь несколько улучшить материальное положение безработных путем социальных выплат и пособий	18,8	13,6	19,2	21,5	16,7	30,0

Окончание табл. 4

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
4.5. Проблема занятости населения всерьез обостряется, происходит рост безработицы во всех ее проявлениях. Государство не справляется с функциями социальной поддержки безработных. Результатом этого становится усиление напряженности в обществе и негативного отношения к трудовым мигрантам	10,6	5,4	13,8	10,8	13,6	24,0

Проблема 5. Проблема уровня жизни и справедливого распределения доходов

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
5.1. Формируются устойчивые представления о справедливой оплате труда и поддержке неработающего населения на базе консенсуса между обществом (при активной роли профсоюзов), государством и бизнесом. Это создает надежный фундамент для постоянного роста уровня жизни и приближения к стандартам, характерным для высокоразвитых государств	5,5	22,8	10,4	10,0	14,1	3,7
5.2. Умеренно быстрое в среднем повышение уровня жизни населения – в основном за счет опережающего роста доходов у работающих в наиболее преуспевающих отраслях экономики. Пенсии, страховые выплаты, государственные пособия и неденежная поддержка обеспечивают более-менее достойный уровень жизни социально незащищенным слоям населения	17,0	26,3	18,9	18,9	20,4	11,7
5.3. Медленный рост уровня жизни. Государство сосредоточивается преимущественно на перераспределительных функциях, стараясь решать материальные проблемы малоимущих и социально незащищенных слоев населения. Регулирование заработной платы через ставки МРОТ, которые обеспечивают работающим достижение средних стандартов благополучия	36,6	32,1	35,8	29,9	30,8	21,2
5.4. Уровень жизни практически не растет. Слабая государственная политика в области регулирования доходов и заработной платы приводит к тому, что функции фактического регулятора выполняет бизнес исходя из своих интересов. Значительная доля «серой» заработной платы существенно ограничивает возможность пополнения пенсионных и социальных фондов и, соответственно, размеры выплат нетрудоспособному населению	27,1	13,7	23,8	26,9	19,9	36,1
5.5. Уровень жизни снижается. Медленный рост заработной платы даже в наиболее благополучных отраслях экономики. Несостоятельность государственной регуляторной политики, не обеспечивающей достижение прожиточного минимума для значительной части работающих.	13,7	5,1	11,1	14,4	14,7	27,2

Проблема 6. Проблема социальной защиты населения

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
6.1. Складывается многозвенная комплексная система социальной защиты, в которой органично сочетаются элементы ответственности государства, бизнеса и населения. Страховые вложения становятся одной из наиболее выгодных возможностей для инвестирования доходов населения. В России формируется общество, в котором никто не чувствует себя ущемленным	4,1	23,6	11,1	10,8	15,3	3,7
6.2. Социальная защита в основном остается прерогативой государства и бизнеса (работодателей) при сравнительно слабом участии и незаинтересованности населения. Население главным образом выступает в роли потребителя благ социальной защиты. Тем не менее в целом социальная защита находится на довольно высоком уровне	18,7	28,3	22,3	20,4	23,4	12,4
6.3. Уровень социальной защиты населения возрастает очень медленно. Системы социального страхования и пенсионного обеспечения работают с большим напряжением, постоянно находясь под угрозой дефицита финансовых ресурсов, которые формируются исключительно за счет обязательного страхования	39,5	26,9	33,8	32,9	29,4	24,6
6.4. Система социальной защиты во многом не справляется с возложенными на нее задачами и не оправдывает ожидания населения. Усиливается бюрократизация; при реализации своих прав на социальную защиту населению приходится сталкиваться с многочисленными препятствиями и трудностями	26,3	16,8	22,2	23,4	18,6	31,8
6.5. Уровень социальной защиты населения находится на крайне низком уровне, не компенсирующем даже минимальные риски, которые являются основанием для получения социальной поддержки. В системе институтов социальной защиты процветают бюрократия и коррупция, вызывающие массовое недовольство со стороны населения	11,4	4,4	10,6	12,5	13,2	27,4

Проблема 7. Проблема развития социальной сферы

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
7.1. Масштабы и темпы развития социальной сферы позволяют удовлетворять обоснованные потребности населения. Рациональным образом сочетаются государственная и частная инициатива. Государство обеспечивает надлежащий контроль за качеством услуг во всех сегментах социальной сферы	6,3	22,6	12,5	12,0	15,9	4,6
7.2. Достаточно быстрое развитие социальной сферы преимущественно на основе коммерциализации всех услуг за рамками общедоступного минимума, который обеспечивается государством. Тем не менее минимальные стандарты устойчиво повышаются. Рост коммерческого сегмента социальной сферы опирается на возрастающие доходы населения	16,7	25,0	19,4	17,8	19,8	11,1

Окончание табл. 7

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
7.3. Сравнительно медленное развитие социальной сферы преимущественно в государственном формате с финансированием за счет страховых фондов и бюджетных источников. Практически гарантируется минимум услуг населению; возможности получения сложных, высокотехнологичных услуг во многих случаях лимитируются. Частные инвестиции в социальную сферу связаны с высоким риском из-за ограниченности платежеспособного спроса на услуги	40,4	28,9	37,2	35,5	29,9	27,1
7.4. В социальной сфере нарастают диспропорции и дефициты в пространственном отношении и по различным видам услуг, из-за чего нередко ограничивается доступ для населения даже к минимальным услугам и создаются предпосылки для усиления коррупции. Стандарты минимальных гарантированных (по обязательному страхованию) услуг почти не повышаются	24,8	18,0	21,5	22,8	19,5	32,2
7.5. Застой в социальной сфере с признаками деградации. Усиливаются диспропорции и дефицит общедоступных услуг (особенно – услуг высокого качества, высокотехнологичных услуг). Большинство населения может рассчитывать лишь на минимальные услуги по низким стандартам в рамках обязательного государственного страхования. Высококачественные платные услуги социальной сферы доступны лишь наиболее обеспеченным слоям населения	11,9	5,6	9,5	11,9	14,9	25,0

**Проблема 8. Проблемы российской «глубинки» –
сел и малых городов**

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
8.1. В масштабах практически всей страны реально решается задача по превращению сел и малых городов в привлекательные места для жизни людей. Активную роль в этом играет государство, стимулируя экономический рост в «глубинке» (в том числе поддерживая малый и средний бизнес) и с помощью обоснованных, эффективных финансовых вливаний	4,3	19,5	9,6	10,6	13,6	2,9
8.2. Происходит подъем «глубинки» в большинстве регионов страны, кроме наиболее бедных, депрессивных. Центр взаимодействует с регионами, но основная нагрузка ложится на регионы. Центр помогает (в основном финансово) наиболее слабым и отстающим территориям	14,1	23,9	16,9	16,7	18,8	9,6
8.3. Проблема почти выпадает из поля зрения федерального центра и ложится на плечи регионов. Заметный подъем «глубинки» в отдельных регионах – наиболее богатых и стареющих целенаправленно решать данную проблему. На большей части страны положение «глубинки» в лучшем случае не меняется, нет роста, но и не происходит очевидной деградации	37,0	27,6	31,7	32,7	29,7	26,4
8.4. Сравнительно благополучная ситуация в богатых регионах. В остальных «глубинка» более или менее быстро деградирует. Ситуацию в целом можно охарактеризовать как вялую деградацию, в которой наиболее заметно снижение качества социально-экономического развития «глубинки»	33,6	22,4	28,5	27,2	22,7	35,1

Окончание табл. 8

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
8.5. Всеобщая деградация села и малых городов из-за стагнации хозяйства, отсутствия перспектив развития, оттока экономически активного населения. Следствие общеэкономических тенденций и политики, нацеленной на усиление агломерационных процессов	11,1	6,7	13,2	12,8	15,2	26,1

Проблема 9. Проблема молодежи

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
9.1. Усилиями общества и государства для молодого поколения создаются условия почти как поется в песне: «Молодым везде у нас дорога». Реализуются возможности для социальной, экономической, психологической независимости молодых людей при осознанной ими высокой степени ответственности за собственные жизненные выборы с учетом личных и национальных интересов	6,6	18,6	10,2	12,3	15,2	5,3
9.2. Главный аспект в проблеме молодежи связан с профессиональной ориентацией и подготовкой, началом трудовой деятельности, карьерным ростом и обретением экономической независимости. Ведущая роль в решении принадлежит государству при меньшей активности бизнеса и общественных структур. В очевидно худшем положении находятся молодые люди, проживающие в «глубинке» и периферийных регионах	22,9	28,7	23,3	20,3	21,8	13,4
9.3. Молодежь сталкивается с разнообразными и довольно серьезными (но во многом преодолимыми) трудностями в жизненной адаптации. Структурные диспропорции в профессиональной подготовке на фоне несогласованности общественных (потребностей экономики) и личных интересов. В настроениях и поведении отдельных групп молодежи наблюдаются признаки инфантилизма. Острота молодежных проблем в большой степени зависит от территориального и сословного факторов	38,5	27,9	33,3	32,4	27,7	25,8
9.4. Многие молодежные проблемы становятся трудно решаемыми. Значительная безработица среди молодежи, низок уровень жизни (вследствие прежде всего низкой оплаты труда и малых социальных выплат), ограниченные возможности для получения хорошего образования. Это выливается в растущий инфантилизм, захватывающий все более широкие слои молодежи и сочетающийся с протестными акцентами в отношении к государству, которое не уделяет должного внимания проблемам молодежи	22,4	17,7	20,7	22,4	20,1	29,2
9.5. Проблемы социальной адаптации молодежи приобретают критический характер. Сильная дифференциация в положении молодежи по сословному и территориальному признакам. Растущий отток молодежи (преимущественно образованной) за рубеж на фоне маргинализации значительной части молодых людей, остающихся в стране. Происходит усиление, с одной стороны, инфантилизма, а с другой, – радикально-протестных настроений	9,6	7,1	12,5	12,5	15,3	26,3

Литература

Аганбегян А. Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // ЭКО. 2017. № 9. С. 66–84.

Амусин М. Сергей Носов: закулисье и захолустье // Знамя. 2015. № 2. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=5807> (дата обращения: 27.11.2018).

Архангельский В. Н., Данилова И. А., Дмитриев Р. В., Хасанова Р. Р. Перспективы демографического развития России до середины века // Народонаселение. 2017. № 3. С. 24–36.

Благовещенский Ю. Н., Кречетова М. Ю., Сатаров Г. А. Сценарное прогнозирование политической ситуации в России. Аналитический доклад № 5, весна 2016. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2016. 96 с. URL: <http://www.liberal.ru/articles/7070> (дата обращения: 02.12.2018).

Благовещенский Ю. Н., Кречетова М. Ю., Сатаров Г. А. Экспертно-статистический байесовский подход к сценарному политическому прогнозированию // Полис. 2012. № 4. С. 74–96.

Донова И. В. Вузовские реформы и профессионализм: новые стимулы и угрозы // ЭКО. 2016. № 6. С. 130–142.

Жуковская И. Ф., Краснова М. В. Доходы населения России: динамика, трансформация структуры и дифференциация // Инновационное развитие экономики. 2018. № 4. С. 174–181.

Карева Д. Е., Шмат В. В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд второй // ЭКО. 2015. № 12. С. 45–65.

Калабеков И. Г. Российские реформы в цифрах и фактах. Обновленное электронное издание). М., 2018. 897 с. URL: <http://refru.ru/> (дата обращения: 05.12.2018).

Люблинский В. В. Социальная политика в странах Запада – пример для России? // Власть. 2008. № 11. С. 31–36.

Меркулов П. А., Орлова В. Н. Российская специфика становления и реализации государственной молодежной политики // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 1 (16). С. 69–75.

Михайловская Д. С., Трочинская Д. А., Шмат В. В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд третий // ЭКО. 2017. № 2. С. 36–62.

Михайловская Д. С., Шмат В. В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд четвертый // ЭКО. 2018. № 5. С. 110–138.

Павлов А. Н., Соколов Б. В. Методы обработки экспертной информации. – СПб.: ГУАП, 2015. 42 с.

Руднев В. Д., Штилина Т. М. Социально-экономические проблемы безработицы и нерациональной занятости в России // Социальная политика и социология. 2015. Т. 4. № 5. С. 134–141.

Соловьев А. К. Старение населения как угроза бюджетного кризиса: актуальный анализ // ЭКО. 2016. № 4. С. 141–160.

Соловьев А. К. Пенсионная реформа в условиях бюджетного кризиса: риски роста бедности // ЭКО. 2017. № 8. С. 139–153.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2013: Статистический сб. / М.: Росстат, 2013. 327 с.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017: Статистический сб. / М.: Росстат, 2017. 332 с.

Фадеева О. П. Оскудеет ли сибирская нива? Аграрная политика в зеркале всероссийских сельскохозяйственных переписей // ЭКО. 2018. № 12. С. 143–162.

Чернышев В. М., Воевода М. И., Стрельченко О. В. Рационализация использования ресурсов в российском здравоохранении // ЭКО. 2016. № 11. С. 39–55.

Статья поступила 15.01.2019.

Summary

Mikhailovskaya D.S., Novosibirsk State University, Shmat V.V., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk State University, Novosibirsk

The Future of the Russian Economy in the Eyes of “Fathers” and “Sons”. The Fifth Sight

This articles continue the series of publications with short reports about results of forecasting Russian economy development with expert-statistical Bayesian method. The special feature of this method is that it can be used under the circumstances of strong uncertainty. The fifth step of the research model focussed on social problems. As a result the picture of the most probable future scenario was formulated according to experts' estimations and their interpretation. Numerical modeling shows strong connection between this picture and resources, Eastern and peripheral scenarios of our model.

Scenario forecast; economy modeling; expert-statistical Bayesian method; monitoring-forecast; uncertainty; Russian economy; factor analysis; phase space; phase portrait; resource dependency; social problems; social policy

References

Aganbegyan A. G. (2017). Preodoleniye bednosti i sokrashcheniye neravenstva po dokhodam i potrebleniyu v Rossii. *EKO. [ECO]*. No. 9. Pp. 66–84. (In Russ.).

Amusin M. (2015). Sergey Nosov: zakulis'ye i zakhlost'ye. Znamya.. [Banner] No. 2. (In Russ.). Available at: <http://znamlit.ru/publication.php?id=5807> (accessed: 27.11.2018).

Arkhangelsky V.N., Danilova I.A., Dmitriev R.V., Khasanova R.R. (2017). Prospects of the demographic development of Russia until the mid-century. *Narodonaselenie. [Population]*. No 3. Pp. 24–36. (In Russ.).

Blagoveshchenskiy Yu.N., Krechetova M. Yu., Satarov G.A. (2016). Stsenarnoye prognozirovaniye politicheskoy situatsii v Rossii. *Analiticheskii doklad № 5, vesna 2016*. Moscow: Fond Liberal'naya missiya. 96 p. (In Russ.). Available at: <http://www.liberal.ru/articles/7070> (accessed: 02.12.2018).

Blagoveshchenskiy Yu.N., Krechetova M. Yu., Satarov G.A. (2012). Expertstatistical, bayesian approach to political prognostication scenarios. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*. No. 4. Pp. 74–96. (In Russ.).

Donova I.V. (2016). The Universities Reform and the Professionalism: new Incentives and Threats. *ECO. [ECO]*. No. 6. Pp. 130–142. (In Russ.).

Zhukovskaya I.F., Krasnova M.V. (2018). Dokhody naseleniya Rossii: dinamika, transformatsiya struktury i differentsiatsiya. *Innovatsionnoye razvitiye ekonomiki. [Innovative development of the economy]*. No 4. Pp. 174–181. (In Russ.).

Kareva D.E., Shmat V.V. (2015). Budushcheye rossiyskoy ekonomiki glazami ottsov i detey. Vzglyad vtoroy. *ECO. [ECO]*. No. 12. Pp. 45–65. (In Russ.).

Kalabekov I.G. (2018). Rossiyskiye reformy v tsifrakh i faktakh. (Updated electronic edition). Moscow. 897 p. (In Russ.). Available at: <http://refru.ru/> (accessed: 05.12.2018).

Lyublinskiy V.V. (2008). Sotsial'naya politika v stranakh Zapada – primer dlya Rossii? *Vlast'. [Power]*. No. 11. Pp. 31–36. (In Russ.).

Merkulov P.A., Orlova V.N. (2015). Rossiyskaya spetsifika stanovleniya i realizatsii gosudarstvennoy molodezhnoy politiki. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. [Bulletin of state and municipal government]*. No. 1 (16). Pp. 69–75. (In Russ.).

Mikhaylovskaya D.S., Trochinskaya D.A., Shmat V.V. (2017). Budushcheye rossiyskoy ekonomiki glazami ottsov i detey. Vzglyad tretiy. *ECO. [ECO]*. No. 2. Pp. 36–62. (In Russ.).

Mikhaylovskaya D.S., Shmat V.V. (2017). Budushcheye rossiyskoy ekonomiki glazami ottsov i detey. Vzglyad chaetverty. *ECO. [ECO]*. No. 4. Pp. 110–138. (In Russ.).

Pavlov A.N., Sokolov B.V. (2015). Metody obrabotki ekspertnoy informatsii. – SPb.: GUAP. 42 p. (In Russ.).

Rudnev V.D., Shpilina T.M. (2015). Sotsial'no-ekonomicheskiye problemy bezrabotitsy i neratsional'noy zanyatosti v Rossii. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya. [Social policy and sociology]*. Vol. 4. No. 5. Pp. 134–141. (In Russ.).

Solov'yev A.K. (2016). Stareniye naseleniya kak ugroza byudzhethnogo krizisa: aktuarnyy analiz. *ECO. [ECO]*. No. 4. Pp. 141–160. (In Russ.).

Solov'yev A.K. (2017). Pensionnaya reforma v usloviyakh byudzhethnogo krizisa: riski rosta bednosti. *ECO. [ECO]*. No. 8. Pp. 139–153. (In Russ.).

Sotsial'noye polozheniye i uroven' zhizni naseleniya Rossii. 2013: Statisticheskiy sbornik, Moscow. Rosstat, 2013. 327 p. (In Russ.).

Sotsial'noye polozheniye i uroven' zhizni naseleniya Rossii. 2017: Statisticheskiy sbornik. Moscow. Rosstat, 2017. 332 p. (In Russ.).

Fadeyeva O.P. (2018). Oskudeyet li sibirskaya niva? Agrarnaya politika v zerkale vsrossiyskikh sel'skokhozyaystvennykh perepisey. *ECO. [ECO]*. No. 12. Pp. 143–162. (In Russ.).

Chernyshev V.M., Voyevoda M.I., Strel'chenko O.V. (2016). Ratsionalizatsiya ispol'zovaniya resursov v rossiyskom zdavookhraneni. *ECO. [ECO]*. No. 11. Pp. 39–55. (In Russ.).

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-2-104-122

Экономический рост и инвестиционная деятельность в России: прогнозы и реальность

А.В. НОВИКОВ, доктор экономических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления. E-mail: avnov59@yandex.ru

И.Я. НОВИКОВА, кандидат экономических наук, Новосибирск.
E-mail: nov-iy@yandex.ru

В статье анализируется возможность экономического роста России на основе использования потенциала инвесторов. Показано, что по-прежнему ключевым индикатором, отражающим экономический рост, является валовой внутренний продукт (ВВП), однако формируются условия для перехода на использование в этих целях Индекса инклюзивного развития. Выявленные особенности инвестиционной деятельности организаций отражают оценку их склонности к риску, динамику и структуру инвестиций в основной капитал. Анализ целей инвестирования и источников финансирования инвестиций в основной капитал позволил определить динамику значимости этих показателей и рекомендации по использованию финансовых вложений организаций. Для этого выявлены соотношения между инвестициями в основной капитал и финансовыми вложениями компаний. Исследованы место и роль отдельных финансовых инструментов (долевых и долговых) для финансирования инвестиций в основной капитал. Проанализированы предпочтения населения при выборе финансовых инструментов, что позволило уточнить финансовый потенциал этого типа инвесторов.

Ключевые слова: рост ВВП; инклюзивный рост; валовое накопление; валовое сбережение; инвестиции в основной капитал; финансовые вложения; потенциал инвесторов

«Чтобы обеспечить темпы роста, нужны инвестиции, нужны новые вложения. Россия как раз отстает по этим показателям от тех стран, которые имеют высокие темпы роста. Уровень инвестиций у нас чуть больше 21% ВВП. А для того, чтобы расти около 3%, нам нужно увеличить этот показатель как минимум до 25%. Это деньги тех инвесторов, которые должны создать новое качество роста».

*Из выступления министра финансов РФ А. Силуанова
на Петербургском экономическом форуме в 2018 г.*

Экономика России длительное время находится в стагнации, однако в 2018 г. наметился слабый рост. Это говорит о том, что следует разработать и реализовать сценарии экономического роста, позволяющие как мобилизовать собственные средства компаний, так и создать условия для использования внешних

источников финансирования, в том числе средств индивидуальных и институциональных инвесторов через инструменты финансового рынка. Все это позволит сформировать механизм выполнения Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Какой показатель экономического роста нужен России?

Проблема экономического роста России является ключевой, поскольку именно этот показатель определяет потенциал той или иной страны в мировой экономике.

Под экономическим ростом, как правило, понимают динамику ВВП¹ в абсолютном измерении или на душу населения.

Однако использование этого показателя для измерения экономического благосостояния страны в последнее время подвергается критике, прежде всего, из-за его неспособности учитывать неравенство [Койл, 2017]. И все чаще для оценки экономического развития международные и наднациональные организации, такие как ООН, МВФ, ОЭСР, Всемирный банк, Всемирный экономический форум, стали использовать показатель инклюзивного (или социально-ориентированного) экономического роста [Андриевская, 2015].

Всемирный экономический форум (ВЭФ) утверждает, что использование ВВП отражает лишь текущее производство товаров и услуг, но не степень, в которой экономика способствует более широкому социально-экономическому прогрессу, и предлагает для более взвешенной оценки уровня экономического развития стран использовать Индекс инклюзивного развития (Inclusive Development Index – IDI), который базируется на 12 индикаторах, включая средние доходы домохозяйств, возможности трудоустройства, оценку экономической безопасности и качества жизни и др. Комплексный индекс оценивает уровень экономического

¹ Валовой внутренний продукт – ВВП – макроэкономический показатель, отражающий рыночную стоимость всех конечных товаров и услуг (то есть предназначенных для непосредственного употребления), произведенных за год во всех отраслях экономики на территории государства для потребления, экспорта и накопления, вне зависимости от национальной принадлежности использованных факторов производства. Впервые это понятие было предложено в 1934 г. Саймоном Кузнецом.

развития точнее, чем индикатор роста ВВП в одиночку, говорится в докладе ВЭФ [The Inclusive., 2017].

По мнению ВЭФ, главной целью экономического развития должен быть признан не рост ВВП как таковой, а устойчивый, всеобъемлющий прогресс, сопровождающийся ростом доходов, экономических возможностей, уровня защищенности и качества жизни населения.

В своей статье [Новиков, Новикова, 2018] авторы уже рассматривали инклюзивный рост как показатель эффективности экономик стран БРИКС. Однако поскольку в России основным критерием экономического роста до сих пор является динамика ВВП, в настоящей статье будем анализировать этот показатель. В то же время, по нашему мнению, ключевые приоритеты развития на период до 2024 г., определенные в майском Указе Президента РФ (2018 г.), и предполагающие сокращение бедности вдвое и ускорение роста ВВП до темпов, выше среднемировых, потребуют в будущем перейти на расчет Индекса инклюзивного развития РФ.

Прогноз социально-экономического развития на период до 2024 года, подготовленный Министерством экономического развития РФ, предусматривает два сценария – базовый и консервативный. Прогноз показателей темпов роста ВВП для обеспечения достижения национальных целей и ключевых приоритетов развития РФ по базовому сценарию приведен в таблице 1.

Таблица 1. Прогноз темпов роста ВВП и компонентов его использования в Российской Федерации в 2017–2024 гг., % к предыдущему году

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
ВВП	1,5	1,8	1,3	2,0	3,1	3,2	3,3	3,3
Расходы на конечное потребление	2,6	1,7	1,4	1,9	2,5	2,6	2,7	2,9
Валовое накопление	7,4	0,5	-1,0	3,0	5,4	4,6	4,1	3,5
Валовое накопление основного капитала	4,3	2,9	3,1	7,5	6,9	6,6	6,4	6,1
Экспорт	5,1	5,5	4,0	3,5	3,5	4,4	4,6	4,7
Импорт	17,4	4,7	3,1	4,7	4,4	4,3	4,2	3,8

Источник табл. 1, 4: Министерство экономического развития РФ.

Как следует из данных таблицы, разработчики программы развития экономики РФ не видят возможности резкого ускорения

динамики ВВП, фактически соглашаясь на медленный выход из стагнации. Невысокий темп роста ВВП определяет и вялую динамику расходов на конечное потребление, что ставит под сомнение возможность поднятия уровня жизни и реализации задачи борьбы с бедностью. При этом предполагается, что в 2019 г. будут созданы условия для резкого увеличения темпов роста валового накопления основного капитала (в 2,5 раза в 2020 г. относительно 2018 г.).

В докладе Всемирного банка «Экономика России: как обеспечить сохранение стабильности, удвоение темпов роста и сокращение бедности вдвое?», опубликованном в декабре 2018 г., отмечается, что России вполне по силам ускорить экономический рост до среднемировых темпов (табл. 2).

Таблица 2. Прогноз темпов роста ВВП экономик и стран в 2017-2020 гг., % к предыдущему году

Экономика, страна	2017	2018	2019	2020
Мировая экономика	3,1	3,1	3,0	2,9
Развитые экономики	2,3	2,2	2,0	1,7
США	2,3	2,7	2,5	2,0
Еврозона	2,4	2,1	1,7	1,5
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся экономики	4,3	4,5	4,7	4,7
Китай	6,9	6,5	6,2	6,2
Россия	1,5	1,6	1,5	1,8

Источник табл. 2, 3: Доклад «Экономика России: как обеспечить сохранение стабильности, удвоение темпов роста и сокращение бедности вдвое?». Всемирный банк, декабрь 2018 г.

Однако при этом ВБ полагает, что ВВП России будет расти почти в два раза медленнее, чем общемировой. Её темпы роста будут в три раза ниже стран с формирующимся рынком и развивающейся экономикой и в 4,5 раза ниже Китая. Это ставит под сомнение возможность вхождения РФ в число пяти крупнейших экономик мира к 2024 г.

В то же время прогноз темпов роста основных макроэкономических показателей России, сделанный Всемирным банком (табл. 3), предполагает более быстрый рост валового накопления капитала при снижении темпов роста расходов на конечное потребление и незначительном снижении уровня бедности. То есть, по мнению ВБ, для России наиболее реалистичным до 2020 г.

Как следует из данных таблицы 4, МЭР прогнозирует до 2024 г. рост доли валового накопления в структуре ВВП при относительном снижении расходов на конечное потребление и чистого экспорта. К 2022 г. доля валового накопления должна превысить четверть ВВП, что позволит говорить о начале реализации инвестиционного сценария развития экономики РФ.

Хотим отметить, что в принятой в 2008 г. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. предполагалось, что «доля валового накопления основного капитала к 2015 году может возрасти до 33% структуры использования ВВП и к 2020 году до 36% (в 2007–21,2%), а доля потребления домашних хозяйств может достигнуть 51% в 2011–2013 годах и стабилизируется на этом уровне в последующий период». Как мы видим, показатели, заложенные в Концепции, в установленные сроки достигнуты не были.

Проанализируем стартовые условия инвестиционной деятельности в России.

Особенности инвестиционной деятельности в России

Одним из основных факторов экономического роста является повышение инвестиционной активности организаций, увеличение объема инвестиций (накоплений), основой которых являются сбережения.

В таблице 5 приведены рассчитанные Росстатом показатели, характеризующие склонность к инвестированию в России.

Таблица 5. Показатели, характеризующие склонность к инвестированию в Российской Федерации в 2015–2017 гг., %

Показатель	2015	2016	2017
Валовое накопление основного капитала к ВВП	19,6	20,8	21,2
Валовое сбережение к ВВП	26,9	26,0	26,6
Валовое накопление основного капитала к валовым сбережениям	75,6	82,2	81,7

Источник: Росстат. Инвестиционная деятельность в России: условия, факторы, тенденции – 2018 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_112/Main.htm (дата обращения: 16.11.2018).

Как видим, норма валового накопления основного капитала в 2015–2017 гг. демонстрирует тенденцию к росту. Для сравнения отметим, что в 2017 г. норма валового накопления основного

капитала в бурно развивающемся Китае составляла 42%, в Индии – 28%, в Южной Африке – 19%².

Невысокая норма этого показателя в России, по мнению экономистов, недостаточна для финансирования активной инвестиционной деятельности, особенно с учетом сильной физической изношенности основных фондов.

Валовое накопление финансируется из валового сбережения, состоящего из той части валового располагаемого дохода, которая не используется для конечного потребления. Как следует из данных таблицы, норма валового сбережения в 2015–2017 гг. была нестабильной и превышала норму валового накопления (впрочем, в отдельные годы этот показатель был еще выше и в 2000 г. достигал 33,6%).

По мнению некоторых экономистов, сбережения, не использованные на валовое накопление, уходят за рубеж. Поэтому сокращение экспорта капитала из России потенциально могло бы привести к увеличению инвестиций внутри страны, т.е. к росту нормы накопления [Булатов, 2011].

Отношение валового накопления основного капитала к валовым сбережениям отражает уровень производительного эффекта формирующихся в экономике сбережений. В развитых странах нормы сбережения и накопления примерно соответствуют друг другу. Финансовые ресурсы, не используемые для накопления, становятся чистым кредитованием других стран, и Россия является чистым кредитором. Как следует из данных таблицы, за 2015–2017 гг. этот показатель вырос, что говорит о сокращении экспорта капитала и повышении инвестиционной активности внутри России.

Однако инвестиционная деятельность в России связана с определенными рисками и ограничениями (табл. 6).

Как следует из данных таблицы, более половины организаций в качестве факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность, указали на недостаток собственных и высокую стоимость заемных средств, инвестиционные риски, высокий уровень инфляции и неопределенность экономической ситуации в стране. При этом, по данным Росстата, показатель дефицита

² По данным национальных счетов Всемирного банка и ОЭСР. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.ZS?end=2017&start=2014> (дата обращения: 15.11.2018).

собственных инвестиционных ресурсов по отношению к общему числу обследуемых организаций сильно варьирует по регионам: Российская Федерация – 57%, Москва – 51%, Ханты Мансийский автономный округ – Югра – 29%, Сибирский федеральный округ – 63%, Новосибирская область – 73%.

Таблица 6. Распределение организаций по оценке факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность в Российской Федерации в 2015–2017 гг., % к общему числу организаций

Показатель	2015	2016	2017
Недостаточный спрос на продукцию	28	27	23
Недостаток собственных финансовых средств	61	61	57
Несовершенная нормативно-правовая база, регулирующая инвестиционные процессы	27	27	29
Сложный механизм получения кредитов для реализации инвестиционных проектов	42	46	44
Высокий процент коммерческого кредита	56	56	53
Инвестиционные риски	60	50	51
Существующий режим налогообложения инвестиционной деятельности	36	33	32
Высокий уровень инфляции в стране	65	60	53
Параметры курсовой политики в стране	54	48	43
Неопределенность экономической ситуации в стране	66	61	57
Экономическая ситуация на мировом рынке	50	41	37
Колесания цен на мировом рынке энергоносителей	44	39	34

Источник: по материалам выборочных обследований организаций Росстата³. Инвестиционная активность организаций. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/# (дата обращения: 16.11.2018).

В целом более половины организаций в Российской Федерации имеют потребность в финансировании за счет внешних источников. В Сибирском федеральном округе потребность еще выше, а доля таких хозяйствующих субъектов в Новосибирской области на 10% превышает показатели СФО и на 16% – РФ. На этом фоне Ханты-Мансийский округ выглядит почти благополучно.

³ Выборочные обследования инвестиционной активности организаций проводятся Федеральной службой государственной статистики ежегодно по состоянию на 10 октября. В 2017 г. в обследовании приняло участие 23,7 тыс. организаций в 85 субъектах РФ. В рамках обследования проводилось взвешивание ответов респондентов и распространение итогов на всю совокупность единиц статистического наблюдения.

Структура инвестиций в Российской Федерации представлена в таблице 7.

Таблица 7. Основные показатели инвестиционной деятельности в Российской Федерации в 2015–2018 гг.

Показатель	2015		2016		2017		2018 (январь-сентябрь)	
	млрд руб.	% к итогу	млрд руб.	% к итогу	млрд руб.	% к итогу	млрд руб.	% к итогу
Инвестиции в нефинансовые активы*	10 743,4	100,0	11 427,5	100,0	12 428,0	100,0	8 045,7	100,0
В том числе в основной капитал	10 496,3	97,7	11 282,5	98,7	12 256,3	98,6	7 954,3	98,1
в произведенные нефинансовые активы	247,1	2,3	145,0	1,3	171,7	1,4	91,4	1,1
в основной капитал к ВВП, %		12,6		13,1		13,3		10,7
Финансовые вложения организаций**	127 113,6	100,0	136 718,9	100,0	165 669,2	100,0	146 309,7	100,0
В том числе:								
долгосрочные	13 804,1	10,9	15 517,2	11,3	18 586,5	11,2	17 563,2	12,0
краткосрочные	113 309,5	89,1	121 201,7	88,7	147 082,7	88,8	128 746,5	88,0
Финансовые вложения организаций к ВВП, %		152,4		158,7		180,0		197,5
долгосрочные		16,6		18,0		20,2		23,7
краткосрочные		135,9		140,7		159,8		173,8
ВВП, млрд руб.	83 387,2		86 148,6		92 037,2		74 093,0	

Примечание.

*Без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами.

**Без субъектов малого предпринимательства, государственных и муниципальных учреждений, банков и небанковских кредитных организаций, имеющих лицензии на осуществление банковских операций, страховых организаций и негосударственных пенсионных фондов.

Как видим, инвестиции в основной капитал в 2015–2017 гг. росли и по итогам 2017 г. превысили 12 трлн руб., т.е. 13,3% от ВВП. Однако для выхода на темпы роста экономики выше среднемировых этого недостаточно. Многие авторы оценивают необходимый объем инвестиций в основной капитал в 20–25%, и даже 30% ВВП, то есть не менее 22–24 трлн руб. ежегодно [Данилов и др., 2017].

Как следует из данных таблицы, в 2018 г. произошел резкий рост финансовых вложений организаций, объем которых в 18,2 раза превысил объем инвестиций в нефинансовые активы (еще в 2016 г. это превышение составляло 12 раз, а в 2017 г. – 13,3 раза). То есть у организаций появились финансовые ресурсы, которые они не спешат вкладывать в основной капитал. Если в 2016 г. финансовые инвестиции превышали вложения в основной капитал в 1,4 раза, в 2017 г. – в 1,5 раза, то в 2018 г. – в 2,2 раза.

Отметим, что после кризиса 2008–2010 гг. также наблюдалась высокая активность финансовых вложений компаний [Новиков, Новикова, 2013].

При этом доля долгосрочных финансовых вложений незначительна и составляет на протяжении всего периода около 11%. В основном осуществляются краткосрочные (до одного года) финансовые вложения. Примечательно, что за три неполных года (2016– три квартала 2018 гг.) финансовые вложения относительно ВВП выросли более чем на 45%, главным образом – за счет роста краткосрочных. Тем не менее, поскольку доля долгосрочных финансовых вложений в ВВП все же растет, мы можем говорить о формировании ресурсной базы для инвестиционной активности организаций.

Рассмотрим особенности инвестиций в основной капитал в Российской Федерации.

Инвестиции в основной капитал

Цели инвестирования в основной капитал представлены в таблице 8; структура инвестиций по источникам финансирования – в таблице 9.

Рассматривая структуру источников финансирования инвестиций, отметим, что в компаниях продолжается реализация установки «опора на собственные средства из прибыли и амортизации». Это подтверждается и результатами рейтинга инвестиционной активности российских компаний, впервые проведенном в 2018 г. журналом «Эксперт». Согласно этому исследованию до 90% инвестиций крупнейшие компании осуществляли из прибыли. Причем огромные суммы, направленные в топливно-энергетический комплекс, имели целью поддержание текущего уровня добычи и сбыта энергоресурсов.

То есть огромные деньги тратятся на строительство все более сложных объектов или новых транспортных коридоров, но при этом не создаются ни новые рынки сбыта, ни новые продукты [Огородников, Ремизов, 2018].

Таблица 8. Распределение организаций по оценке целей инвестирования в основной капитал в Российской Федерации в 2015–2017 гг., % к общему числу организаций

Показатель	2015	2016	2017
Замена изношенной техники и оборудования	72	64	65
Автоматизация или механизация существующего производственного процесса	55	45	45
Снижение себестоимости продукции	48	37	39
Экономия энергоресурсов	49	36	38
Внедрение новых производственных технологий	43	32	34
Охрана окружающей среды	45	29	33
Увеличение производственной мощности с неизменной номенклатурой продукции	28	29	32
Увеличение производственной мощности с расширением номенклатуры продукции	36	29	29
Создание новых рабочих мест	25	19	21

Источник: Росстат: Инвестиционная активность организаций. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/# (дата обращения: 16.11.2018).

Другой вывод, сделанный составителями рейтинга, заключается в том, что основные инвестиции в России по-прежнему идут в добычу энергоресурсов – десять нефтегазовых компаний обеспечивают более половины всех капитальных вложений крупного бизнеса, в то время как в перерабатывающих отраслях наблюдается дефицит инвестиций.

Концентрацию финансовых ресурсов в добывающих отраслях выявил и рейтинг 500 крупнейших компаний Сибири, составленный аналитическим центром «Эксперт-Сибирь» в 2018 г. Он показал, что нефтегазодобывающие, угольные и металлургические компании являются «как опорой сибирской экономики и отдельных региональных экономик, так и главными инвестиционными источниками в модернизацию и реконструкцию своих действующих добывающих мощностей. И только затем – в создание новых комплексов того же сырьевого профиля с пока еще недостаточно сильными, но все же создаваемыми цепочками увеличения добавленной стоимости». Авторы журнала делают вывод, что потоки инвестиций нового класса,

то есть в инвестиционные несырьевые проекты, а также связанные с потоковой переработкой сырья, пока неохотно идут в Сибирь⁴.

Таблица 9. Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации по источникам финансирования в 2015–2018 гг.*

Инвестиции	2015		2016		2017		2018 (январь-сентябрь)	
	млрд руб.	%	млрд руб.	%	млрд руб.	%	млрд руб.	%
Инвестиции в основной капитал	10496,3	100,0	11282,5	100,0	12256,3	100,0	7954,3	100,0
В том числе по источникам финансирования:								
собственные средства	5271,1	50,2	5750,7	51,0	6283,9	51,3	4467,9	56,2
привлеченные средства	5225,2	49,8	5531,8	49,0	5972,4	48,7	3486,4	43,8
из них кредиты банков:	849,9	8,1	1174,5	10,4	1369,6	11,2	922,2	11,6
отечественных	666,4	6,4	845,1	7,5	704,5	5,8	484,9	6,1
иностраннх	183,5	1,7	329,4	2,9	665,1	5,4	437,3	5,5
заемные средства других организаций	701,0	6,7	674,4	6,0	662,5	5,4	312,3	3,9
инвестиции из-за рубежа	120,4	1,1	86,7	0,8	95,9	0,8	54,3	0,7
бюджетные средства	1922,7	18,3	1856,7	16,4	2005,5	16,3	1053,0	13,2
в том числе: из федерального	1185,7	11,3	1048,6	9,3	1046,3	8,5	497,6	6,3
субъектов РФ	600,3	5,7	681,3	6,0	825,6	6,7	487,3	6,1
из местных бюджетов	136,7	1,3	126,8	1,1	133,6	1,1	68,1	0,8
средства государственных внебюджетных фондов	27,3	0,3	27,8	0,2	24,5	0,2	15,6	0,2
средства организаций и населения на долевое строительство	334,3	3,2	340,7	3,0	399,7	3,3	239,8	3,0
в том числе средства населения	252,3	2,4	264,6	2,3	303,5	2,5	183,3	2,3
прочие, включая средства вышестоящих организаций, средства от выпуска корпоративных облигаций, средства от эмиссии акций	1269,6	12,1	1371,0	12,2	1414,7	11,5	889,2	11,2

Источник: Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#

* Без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами.

⁴ Сибирь для «своих». Специальный проект // URL: <http://expert.ru/siberia/2018/46/sibir-dlya-svoih/> (дата обращения: 30.10.2018).

Как следует из данных таблицы 10, доля банковских кредитов в структуре инвестиций в основной капитал возросла с 8,1% в 2015 г. до 11,6% в 2018 г. Однако это произошло главным образом за счет кредитов иностранных банков. Отечественные банки в 2018 г. немного увеличили кредитный портфель, но в целом весьма осторожно участвуют в инвестиционной деятельности.

Доля бюджетных средств в структуре инвестиций в основной капитал в течение всего периода остается выше доли банковских кредитов.

Начиная с 2015 г. Росстат не расширяет позицию «прочие» в структуре инвестиций в основной капитал. Однако в 2014 г. вложения за счет эмиссии акций составили 1,1%, а от выпуска корпоративных облигаций – 0,1%. То есть рынок ценных бумаг нельзя считать серьезным инструментом привлечения инвестиций.

В докладе ЦСР «Реформа финансовых рынков и небанковского финансового сектора» отмечено, что Россия кардинально отстает от развитых и многих развивающихся стран по использованию инструментов фондового рынка для наращивания инвестиций в основной капитал [Данилов и др., 2017]. Авторы доклада отмечают, что в настоящее время собственные средства российских предприятий, направляемые на финансирование инвестиций в основной капитал, находятся на рекордно высоком уровне (более 50% в 2015–2017 гг. – см. табл. 9), банковские кредиты как источник инвестиционных ресурсов уже практически исчерпан, а государственные средства тратятся не всегда эффективно. В то же время в рыночной экономике главные источники финансирования – это привлеченные средства, при широком использовании финансовых инструментов внешнего рынка капитала. Чем шире используются эти инструменты, тем более рыночной считается экономика страны.

Таким образом, в нашей стране следует акцентировать внимание на разработке подходов, основанных на механизмах и инструментах финансирования инвестиций с фондового рынка.

Структура финансовых вложений

Компании осуществляют финансовые вложения в ценные бумаги (акции, облигации, векселя), вклады в уставные (складочные) капиталы, предоставленные другим компаниям займы, депозитные вклады в кредитных организациях и т.п. (табл. 10).

Таблица 10. Структура финансовых вложений в Российской Федерации в 2015–2018 гг.

Показатель	2015		2016		2017		2018 (январь–сентябрь)	
	всего	в т.ч. долгосрочные	всего	в т.ч. долгосрочные	всего	в т.ч. долгосрочные	всего	в т.ч. долгосрочные
Поступило финансовых вложений	100,0	10,9	100,0	11,3	100,0	11,2	100,0	12,0
В том числе: в паи и акции и другие формы участия в капитале	11,7	3,4	15,3	4,5	14,9	3,1	7,3	3,7
в долговые ценные бумаги и депозитные сертификаты	14,8	2,2	20,9	1,8	25,1	3,5	19,2	3,2
предоставленные займы	15,3	3,9	14,6	3,8	16,1	3,4	19,2	3,8
банковские вклады	50,5	1,1	40,9	1,0	37,1	1,0	45,6	1,0
прочие финансовые вложения	7,7	0,3	8,3	0,2	6,8	0,2	8,7	0,3

Источник табл. 10–11: Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/investing/

Из данных таблицы следует, что наибольшая доля финансовых вложений приходится на банковские вклады, а долгосрочных – на предоставление займов. Только в 2017 г. долгосрочные вложения в долговые ценные бумаги и депозитные сертификаты незначительно превысили вложения на предоставление займов. Из краткосрочных вложений по всем годам наблюдений лидируют банковские вклады.

Такая структура финансовых вложений говорит о наличии у компаний временно свободных денежных средств, высвобождаемых при финансировании операционных расходов, и их стремлении получить дополнительный доход по банковским вкладам.

Структура накопленных (с учетом изъятия и выбытия) финансовых вложений по институциональным секторам экономики на сентябрь 2018 г. представлена в таблице 11.

Таблица 11. Финансовые вложения по институциональным секторам экономики (на конец сентября 2018 г.), % к финансовым вложениям

Финансовые вложения	Накоплено		Нефинансовые корпорации	Финансовые корпорации	Государственное управление	Некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства
	млрд руб.	% к итогу				
Всего	83478,6	100,0	77,5	22,4	0,0	0,1
В том числе:						
в паи и акции и другие формы участия в капитале	44052,3	52,8	83,3	16,7	0,0	0,0
в долговые ценные бумаги и депозитные сертификаты	6024,2	7,2	57,7	42,3	-	0,0
предоставленные займы	19175,8	23,0	84,6	15,4	-	0,0
банковские вклады	6889,2	8,3	96,0	3,5	0,0	0,5
прочие финансовые вложения	7337,1	8,7	23,1	76,9	-	0,0

Как следует из данных таблицы, львиная доля (77,5%) вложений осуществляется нефинансовыми корпорациями. Они же доминируют в структуре вложений в долевые финансовые инструменты (83,3%), тогда как на рынке долговых обязательств проявляют заметно меньше активности (около трех пятых всех вложений). Такая структура вложений свидетельствует об использовании инструментов финансового рынка для приобретения и перераспределения собственности в корпоративном секторе⁵.

Финансовый потенциал населения России для обеспечения экономического роста

К основным источникам инвестиционных ресурсов относят: сбережения населения, остатки на счетах и депозиты предприятий реального сектора, государственные ресурсы и иностранные инвестиции.

Самым большим потенциальным ресурсом являются средства населения, которые на 1 января 2018 г. оценивались Банком

⁵ Инвестиции до полного выкупа // Коммерсант. 2018. 2 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3758346> (дата обращения: 03.10.2018).

России в 55,5 трлн руб. Меры по привлечению сбережений населения в экономику, перевод сбережений в инвестиции разрабатываются Правительством РФ, центрами экономических исследований на протяжении всего периода рыночного этапа экономики России.

Аналитический центр НАФИ в конце 2017 г. провел исследование сберегательных предпочтений населения⁶. Основными критериями при выборе способа сбережений россияне называют надежность и выгодность вложений. При этом наиболее надежным способом вложения денег в их представлении является покупка недвижимости (этот вариант выбрали 65% респондентов в 2015 г. и 49% – в 2017 г.). В тройку самых надежных инвестиций входят также вклады/счета в государственных банках 18% в 2017 г. и покупка золота или драгоценностей (15%).

За последние два года, по мнению опрошенных, в четыре раза выросла надежность накопления денег в рублях и хранение их в наличном виде (с 5% до 21%). Интерес к валютным сбережениям немного снизился (12% в 2015 г. и 9% – в 2017 г.).

Вклады в паевые инвестиционные и в негосударственные пенсионные фонды остаются наименее надежными и выгодными вариантами вложений для наших сограждан (не более 1–3%).

Результаты исследования НАФИ, выявившие рост доверия населения к рублевым накоплениям на банковском депозите или в форме наличных, подкрепляются и данными Росстата (табл. 12).

Таблица 12. Изменение объема денежных накоплений населения России в 2010–2018 гг.*

Денежные накопления	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018 (оценка на 01.09)
Объем, трлн руб.	11,3	13,7	16,1	19,2	20,6	22,4	25,9	29,5	32,4
Рост, %		21,2	17,5	19,3	7,3	8,7	15,6	13,9	9,8

Источник: по данным Росстата на 1 декабря.

*Без учета вкладов на валютных счетах и денежной наличности в иностранной валюте у населения.

⁶ Россияне готовы хранить сбережения в рублях. Репрезентативный всероссийский опрос НАФИ (ноябрь 2017 г.). URL: <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-gotovy-khranit-sberezheniya-v-rublyakh/>

На начало ноября 2018 г., по данным статистического ведомства, объем денежных накоплений населения России достиг 32442,3 млрд руб., что составило 43,8% от ВВП на эту дату (74093 млрд руб.). Таким образом, инвестиционный потенциал населения можно считать весьма значительным.

Сберегательные предпочтения населения повлияли на структуру денежных накоплений (табл. 13).

Таблица 13. Объем и состав денежных накоплений населения России в 2016–2018 г.*

Денежные накопления	2016	2017	2018	На 01.10.2018
Всего, млрд руб.	24 125,8	27 355,2	30 863,3	32 393,3
В том числе:				
остатки вкладов, млрд руб.	16 347,1	18 472,0	20 640,8	21 257,5
% к общему объему накоплений	67,7	67,5	66,9	65,6
остатки наличных денег, млрд руб.	4 265,2	4 622,0	5 424,3	6 122,9
% к общему объему накоплений	17,7	16,9	17,6	18,9
ценные бумаги, млрд руб.	3 513,5	4 261,2	4 798,2	5 012,9
% к общему объему накоплений	14,6	15,6	15,5	15,5

Источник: по данным Росстата на 01 января.

*Без учета вкладов на валютных счетах и денежной наличности в иностранной валюте у населения.

Как следует из данных таблицы, в 2018 г. большую часть денег население хранило на банковских вкладах, меньшую – в ценных бумагах и наличных. При этом доля накоплений на депозитах составляет две трети от общего объема накоплений, что говорит о пассивной инвестиционной стратегии граждан. Последние выбирают самые доступные надежные финансовые инструменты с фиксированной доходностью.

Для привлечения сбережений населения в инвестирование национальных проектов необходимо разработать и вывести на рынок специальные финансовые инструменты в соответствии с инвестиционными предпочтениями, например, среднесрочные с гарантированной доходностью. К сожалению, даже имеющиеся инструменты такого плана пока недостаточно востребованы населением. Поэтому для перевода накоплений с вкладов в финансовые инструменты с рыночной доходностью нужны специальные усилия по формированию финансовой грамотности как у собственников и менеджеров бизнеса, так и у населения.

На основании проведенного анализа мы можем утверждать, что в стране имеются объективные предпосылки для мобилизации средств инвесторов. А также, что следует как можно быстрее организовать обучение руководителей и рядовых граждан основам финансовой грамотности, поскольку только при условии широкого распространения финансовой грамотности можно будет надеяться на использование финансовых инструментов для инвестиционных вложений в основной капитал.

Литература

Андреевская В. Б. Эффективность государственного управления как необходимая предпосылка инклюзивного роста экономики // *Идеи и идеалы*. 2015. № 1(23). Т. 2. С. 90–101.

Булатов А. С. Воздействие экспорта и импорта капитала на валовое накопление в Российской Федерации // *Деньги и кредит*. 2011. № 9. С. 3–8.

Данилов Ю., Буклемишев О., Абрамов А. Реформа финансовых рынков и небанковского финансового сектора. Доклад Центра стратегических разработок. Москва, 2017 г. URL: <https://www.csr.ru/news/perspektivy-razvitiya-finansovogo-sektora-rossii/>

Койл Д. Переосмысление ВВП // *Финансы и развитие*. 2017. Март. С. 16–19. URL: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2017/03/pdf/coyle.pdf>

Новиков А. В., Новикова И. Я. Страны БРИКС: финансовое развитие и экономический рост // *Вестник НГУЭУ*. 2018. № 2. С. 163–185.

Новиков А. В., Новикова И. Я. Финансовый рынок России: динамика развития после кризиса. ЭКО. 2013. № 7. С. 5–25.

Огородников Е., Ремизов М. Инвестиционный рейтинг. Специальный доклад // *Эксперт*. 2018. 15 октября. № 42 (1093). URL: <http://expert.ru/expert/2018/42/za-kraem-neftegazovogo-gorizonta/>

The Inclusive Growth and Development Report 2017. World Economic Forum. 2017. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-growth-and-development-report-2017>.

Статья поступила 17.12.2018.

Summary

Novikov A. V., Novosibirsk State University of Economics and Management, Novikova I. Ya., Novosibirsk

Economic Growth and Investment Activity in Russia: Forecasts and Reality

The article analyzes the possibility of economic growth in Russia on the basis of potential of its investors. It is shown that gross domestic product (GDP) is still the main indicator reflecting economic growth. However, the conditions for transition to the Inclusive Development Index (IDI) as an indicator of economic growth are being formed. The revealed features of investment activity of organizations reflect the assessment of risk appetite, dynamics and structure of investments in fixed assets. Analysis of investment objectives and sources of financing of investments

in fixed assets allowed determining the dynamics of importance of these indicators and recommendations for the use of financial investments of organizations. For this purpose, the relations between investments in fixed capital and financial investments of companies are determined. The place and role of separate financial instruments (equity and debt) for financing investments in fixed capital are investigated. On the example of individual investors (population) a detailed analysis of the population as an investor from the standpoint of investment preferences for financial instruments, which allowed to clarify the financial potential of this type of investors.

GDP growth; inclusive growth; gross accumulation; gross saving; investments in fixed capital; financial investments; potential of investors

References

Andrievskaya V.B. (2015). Effektivnost' gosudarstvennogo upravlenija kak neobhodimaja predposylka inkluzivnogo rosta `ekonomiki. *Ideji i idealno*. (The Effectiveness of public administration as a prerequisite of inclusive growth of economy. *Ideas and Ideals*). No. 1 (23), vol.2. Pp. 90–101. (In Russ.).

Bulatov A.S. (2011). Vozdejstvie `eksporta i importa kapitala na valovoe nakoplenie v Rossijskoj Federatsii. *Den'gi i kredit*. (The Impact of exports and imports of capital on gross accumulation in the Russian Federation. *Money and Credit*). No. 9. Pp. 3–8. (In Russ.).

Danilov Yu., Buklemishev O., Abramov A. (2017). Reforma finansovyh rynkov i nebankovskogo finansovogo sektora. Doklad Tsentra strategicheskikh razrabotok (The need for reform of financial markets and non-Bank financial sector. *Economic Issue*). No. 9. Pp. 28–50. (In Russ.).

Coyle D. (2017). Pereosmyslenie VVP. Finansy i razvitie Rethinking GDP. *Finance and Development*. March. Pp. 16–19. Available at: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2017/03/pdf/coyle.pdf> (In Russ.).

Novikov A.V., Novikova I.Ya. (2018). Strany BRIKS: finansovoe razvitie i `ekonomicheskij rost. Vestnik NGU`EU (The BRICS Countries: financial development and economic growth. *Vestnik of NSUEM*). No. 2. Pp. 163–185. (In Russ.).

Novikov A.V., Novikova I.Ya. (2013). Finansovyj rynek Rossii: dinamika razvitiya posle krizisa. (Financial market of Russia: dynamics of development of the crisis. *ECO*. [ECO]). No. 7. Pp. 5–25. (In Russ.).

Ogorodnikov E., Remizov M. (2018). Investitsionnyj rejting. Spetsial'nyj doklad. (Expert. Investment rating. Special report. *Expert*.) October 15. No. 42 (1093). Available at: <http://expert.ru/expert/2018/42/za-kraem-neftegazovogo-gorizonta/> (In Russ.).

The Inclusive Growth and Development Report 2017. World Economic Forum. 2017. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-growth-and-development-report-2017>

Стратегические намерения государства в развитии сельхозмашиностроения

О. В. АСКАНОВА, доктор экономических наук, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова» Рубцовский индустриальный институт (филиал), Рубцовск. E-mail: askanova@yandex.ru

В статье даётся промежуточная оценка степени достижения целевых индикаторов Стратегии развития сельскохозяйственного машиностроения России на период до 2020 года, позволившая автору сделать вывод о несоответствии достигнутых отраслью результатов ожиданиям. Изменения в системе стратегического планирования, связанные с вступлением в силу федерального закона № 172-ФЗ, обусловили принятие новых стратегических документов по развитию отечественного сельхозмашиностроения. Поэтому автор рассматривает смыслообразующие намерения государства в отношении отрасли в новых реалиях на предмет их обоснованности, согласованности и непротиворечивости. Результатом стал вывод о сохранении проблем качества разрабатываемых стратегических документов, не ставших пока реальными инструментами управления. *Ключевые слова:* сельхозмашиностроение; стратегия развития; экспорт; стратегический индикатор; ожидаемые результаты

После хаотичных реформ 1990-х годов пришедшее, наконец, к представителям власти понимание, что отсутствие ясных намерений в отношении развития страны и образа её будущего повышает неопределённость и расплывает ресурсы, вылилось в России в другую крайность – разработку многочисленных стратегий, концепций и программ. Они принимаются на общегосударственном, региональном и отраслевом уровнях, на разные сроки, при различных внешних условиях и бюджетных ограничениях. Как правило, «чрезмерный оптимизм» властей приводит к выдвиганию в стратегических документах довольно амбициозных целей и ориентиров, достижение которых «требует экстраординарных усилий, выходящих далеко за пределы нынешней вялой и внутренне противоречивой политики»¹. Зачастую плохо согласованные, а порой и противоречащие друг другу многочисленные государственные стратегии и программы пока

¹ Глазьев С. Ю. О стратегии и концепции социально-экономического развития России до 2020 года // Официальный сайт С. Ю. Глазьева. ГЛАЗЬЕВ.РУ. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.glazev.ru/articles/6-jekonomika/54323-o-strategii-i-kontseptsii-sotsial-no-jekonomicheskogo-razvitija-rossii-do-2020-goda> (дата обращения: 22.11.2018).

так и не стали реальным инструментом управления, оставаясь, по сути, красивыми «декларациями о намерениях».

Декларативность, недостаточная проработка целевых индикаторов стратегических документов обесценивают их содержание, делают недостижимыми в установленные сроки, а во многих случаях заведомо мертворождёнными. Несоответствие российской действительности заложенным в стратегиях и программах всех уровней ожиданиям, «скромность» итогов и постоянство провалов стратегических документов, компрометирующие, прежде всего, их инициаторов и авторов, нельзя объяснить какими бы то ни было трудностями объективного характера.

Очевидно, что стратегии развития с многолетними горизонтами планирования представляют собой важные ориентиры при осознанном формировании будущего любой страны, региона или сферы деятельности, фиксируя систему смыслообразующих намерений государства. Однако, как показывает реальность, сам факт наличия стратегических документов еще не гарантирует успеха, если не обеспечено качество их проработки, отсутствуют эффективные механизмы актуализации, контроля и оценки хода реализации. Более того, даже самые добротные подготовленные программы рискуют превратиться в дорогостоящие симулякры, если не будут отражать реальных общественных запросов.

В этой связи представляется интересным исследование эволюции стратегических намерений государства и их реализуемости применительно к отрасли отечественного сельхозмашиностроения, переживающей серьёзные системные проблемы. Ориентиры отраслевого развития в РФ, механизмы государственного стимулирования и поддержки процессов технологической модернизации, создания новых высокотехнологичных производств и конкурентоспособной продукции задаются в разрабатываемых на федеральном уровне отраслевых стратегиях. Так, принятие Стратегии развития сельскохозяйственного машиностроения России на период до 2020 года² во многом связывают с завершением в 2011 г. переговоров по вступлению России в ВТО, что, по оценкам многих экспертов, делало положение отечественного сельхозмашиностроения чрезвычайно уязвимым

² Стратегия развития сельскохозяйственного машиностроения России до 2020 года, утверждённая Приказом Минпромторга России от 22.12.2011 г., № 1810.

из-за ожидаемого полномасштабного открытия российского рынка³. В качестве основных задач Стратегией⁴ предусматривалось:

- обеспечить финансовую и организационную поддержку спроса на все виды сельхозтехники;
- создать благоприятные финансовые и организационные условия для развития ее экспорта;
- обеспечить создание отечественных конкурентоспособных образцов сельхозтехники, отвечающих современным требованиям эксплуатации, используемых агротехнологий, безопасности труда путем стимулирования инновационного развития отрасли и инвестиций в НИОКР;
- повысить уровень локализации производства сельхозтехники и комплектующих всех производителей до 50%;
- обеспечить организацию в России производства сельхозтехники, соответствующего международным стандартам, путем модернизации существующих мощностей и/или создания новых;
- способствовать совершенствованию системы подготовки инженерных кадров и рабочих специальностей для АПК и сельхозмашиностроения.

Для мониторинга реализации Стратегии было выбрано 18 индикаторов, имеющих количественную оценку ожидаемых результатов с 2009 г. по 2020 г. включительно. Мониторинг должен был осуществляться ежегодно Минпромторгом РФ с привлечением на конкурсной основе научных и экспертных организаций. К сожалению, какой-либо информации, содержащей официальные выводы и предложения по результатам этого мониторинга, открытые источники не содержат. Поэтому автор оценил степень достижения стратегических индикаторов, обобщив данные о фактически сложившихся значениях [Асканова, 2018]. Вывод неутешителен: достигнутые отраслью промежуточные результаты не соответствуют ожиданиям. Так, например, фактическое производство тракторов в России в 2016 г. на 44% отставало от заложенного в стратегии целевого ориентира на этот год; для комбайнов – на 23%. Не удалось

³ Машиностроение: тенденции и прогнозы. Итоги 2011 года // Аналитический бюллетень. 2012. № 5. [Эл. ресурс]. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/b_mach5.pdf (дата обращения: 16.10.2017).

⁴ Глазьев С. Ю. О стратегии и концепции социально-экономического развития России до 2020 года // Официальный сайт С. Ю. Глазьева. ГЛАЗЬЕВ.РУ. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.glazev.ru/articles/6-jekonomika/54323-o-strategii-i-kontseptsii-sotsial-no-jekonomicheskogo-razvitija-rossii-do-2020-goda> (дата обращения: 22.11.2018).

выйти и на целевой уровень объёма продаж сельскохозяйственной техники. В 2015 г. на отечественном рынке объём реализации составил 93 млрд руб. [Бутов, 2016] при предусмотренном Стратегией для данного года уровне в 124 млрд руб. Экспорт сельскохозяйственной техники по плану должен был к 2016 г. возрасти до 59 млрд руб., а соотношение объёма экспортных поставок и внутреннего рынка достичь 39,5%. Однако именно по этим двум индикаторам имело место наиболее существенное отставание от ожидаемых результатов. Объём экспорта удалось довести лишь до 7,7 млрд руб., соотношение «экспорт/внутренний рынок» лишь незначительно превысило 10%⁵. Невыполнение стратегических индикаторов по производству и продажам сельхозтехники в России не позволило достичь желаемых темпов обновления её парка и, как следствие, добиться намеченных результатов по технологической обеспеченности аграрного комплекса.

Представленные данные не дают оснований надеяться на решение намеченных Стратегией задач к 2020 г. Тем более что предусмотренные документы государственной поддержки отрасли, направленные в первую очередь на стимулирование спроса, как отмечает Бутов [Бутов, 2016], практически все ... сводились к формулировке «подготовка предложений». Аналогично и с вопросом финансирования, определение размеров которого было перенесено на следующий период. Таким образом, Стратегия в большой мере носит декларативный характер, подразумевая как минимум до 2012 г. лишь методологическую работу по выработке мер поддержки, да и на период до 2020 г. она представляет собой скорее «политический», нежели прикладной «экономический» документ, призванный продемонстрировать «радушные» перспективы развития отрасли, плохо согласованные с её реальными возможностями.

В июне 2017 г. (до истечения срока реализации действующей Стратегии) принимается новая Стратегия развития сельскохозяйственного машиностроения РФ на период до 2030 г.⁶ Необходимость ее разработки обусловлена произошедшими изменениями в системе стратегического планирования государства.

⁵ Стратегия развития экспорта в отрасли сельскохозяйственного машиностроения на период до 2025 года, утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 31.08.2017 г., № 1876-р.

⁶ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 07.06.2017 г., № 1455-р.

Почти два десятилетия отечественное правовое пространство в области стратегического планирования было очерчено единственным актом: федеральным законом «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» № 115-ФЗ от 20.07.1995 г. Как полагают специалисты, этот документ представлял собой результат своеобразного компромисса придерживавшихся противоположных взглядов элитных группировок на роль и задачи стратегического планирования в государственном управлении⁷, что делало его малоэффективным и плохо связанным с существующими реалиями. Результатом стала череда разномасштабных документов стратегического планирования, которые создавались на разной методической основе, трудно классифицировались и поддавались оценке с точки зрения соответствия целеполаганию социально-экономического развития РФ и развития той или иной отрасли.

Несмотря на множество попыток отрегулировать порядок стратегического планирования в РФ, ситуация в данной сфере оставалась крайне сложной, и становилось все очевиднее, что без решения назревшей проблемы любые попытки программировать развитие отдельных территорий, отраслей и государства в целом не могут быть реализованы. Поэтому многие ведущие российские учёные-экономисты неоднократно указывали на необходимость введения в отечественное нормативно-правовое поле нового закона [Ускова, Чекавинский, 2014], обеспечивающего воссоздание и эффективное функционирование единой системы стратегического планирования.

Результатом этих процессов стало принятие в 2014 г. федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (№ 172-ФЗ от 28.06.2014 г.), который упорядочил все существующие документы стратегического планирования по уровням разработки (федеральный, региональный, местное самоуправление) и функциональной нагрузке. Так, отраслевые документы стратегического планирования получили статус документов федерального уровня. Закон № 172-ФЗ впервые определил их виды, содержание, ответственных за разработку и корректировку.

⁷ Анализ ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ непосредственно связанных с ним федеральных законов и нормативных актов // DOCPLAYER. [Эл. ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/56118902-Strategicheskoe-planirovanie-do-prinyatiya-fz-o-strategicheskom-planirovanii-v-rossiyskoy-federacii-sovetskiy-period.html> (дата обращения: 27.09.2018).

Несмотря на наличие нерешённых вопросов, коллизий и неточностей, которые, по мнению специалистов, содержит № 172-ФЗ [Ускова, Чекавинский, 2014], его принятие заложило основы новой системы государственного стратегического планирования. Среди его наиболее важных потенциально эффективных решений в отношении отраслевого развития можно отметить:

- обязательность общественного обсуждения документов стратегического планирования;
- провозглашение в качестве основных принципов стратегического планирования измеряемости целей, соответствия целей и показателей;
- интеграция стратегий с государственными программами;
- установление общих требований к содержанию документов стратегического планирования;
- создание федеральной информационной системы стратегического планирования.

Однако главным достоинством нового Закона называют координацию стратегического управления и мер бюджетной политики [Харченко, 2015].

Необходимость приведения в соответствие с новым ФЗ ранее принятых стратегий и программ стала причиной разработки и принятия новой отраслевой стратегии развития сельскохозяйственного машиностроения. Разумеется, о ее результативности пока рано говорить, однако оценить смыслообразующие намерения государства в отношении отрасли, их обоснованность и непротиворечивость новым реалиям представляется необходимым.

Целью новой Стратегии развития сельхозмашиностроения РФ является «достижение российскими производителями сельскохозяйственной техники доли на внутреннем рынке не ниже 80% и доли экспортных поставок не ниже 50% величины отгрузок на внутренний рынок»⁸. При этом достижение первого показателя планируется уже к 2021 г., второго – к 2025 г. с закреплением до окончания срока действия Стратегии –2030 этих результатов. Учитывая, что доля российской продукции сельскохозяйственного машиностроения на отечественном рынке в 2017 г. оценивалась на уровне 56%, а соотношение «экспорт/внутренние поставки»

⁸ Стратегия развития сельскохозяйственного машиностроения РФ на период до 2030 г., утверждённая распоряжением Правительства РФ от 07.06.2017 г., № 1455-р.

на уровне 12%, можно говорить о весьма серьезной заявке на повышение роли отрасли на обоих рынках сельхозтехники.

Помимо отмеченных ориентиров развития, Стратегия содержит ещё четыре целевых индикатора, имеющих количественную оценку по годам прогноза:

- индекс производства продукции сельскохозяйственного машиностроения (в первые три года реализации Стратегии планируется на уровне 2017 г. (115%) с дальнейшим снижением до 112%, а затем 106%);

- доля объема расходов на проведение НИОКР в общем объеме выручки (планируемый уровень к 2030 г. 3,2%, уровень 2017 г. – 0,7%);

- число конструкторов, занятых на предприятиях сельскохозяйственного машиностроения (планируемый уровень к 2030 г. – 2100 человек, уровень 2017 г. – 750 человек);

- доля иностранных компонентов и материалов в общей себестоимости продукции (планируемый уровень к 2030 г. – 10%, уровень 2017 г. – 35%).

Таким образом, можно говорить о весьма существенном сокращении набора целевых ориентиров за счёт их агрегирования во вновь принятом стратегическом документе развития отрасли в сравнении с ранее действовавшей Стратегией. Так, в целевых индикаторах нового документа не нашли отражения прежние производственные показатели в разрезе отдельных видов сельскохозяйственной техники, показатель среднемесячной заработной платы (при этом увеличение уровня средней заработной платы в отрасли к 2030 г. до 55 тыс. руб. указывается в качестве ожидаемых результатов новой Стратегии).

Сопоставляя целевые индикаторы и ожидаемые результаты двух стратегических документов, можно отметить большую реалистичность показателей новой Стратегии, лучше учитывающих реальные возможности отрасли. Так, ранее действовавшая Стратегия предусматривала уже к 2020 г. довести объем экспорта сельскохозяйственной техники почти до 115 млрд руб., а объем продаж в России – до 327,5 млрд руб. Разработчики же новой Стратегии более осторожны в ожиданиях, предполагая только к 2030 г. увеличение экспорта российской техники примерно до 100 млрд руб., а производства – до 300 млрд руб.

Реализация Стратегии развития отрасли сельскохозяйственного машиностроения до 2030 г. предполагается в три этапа:

2018–2021 гг. – реализация механизмов государственной (в том числе финансовой) поддержки ускоренного обновления парка сельскохозяйственной техники, стимулирования технического и технологического обновления производства сельхозмашин; осуществление маркетинговых мероприятий;

2022–2025 гг. – финансовое и государственное стимулирование экспортных поставок сельхозтехники, поддержания внутреннего спроса на стабильном уровне; поддержка НИОКР и выполнения программ технического перевооружения предприятий;

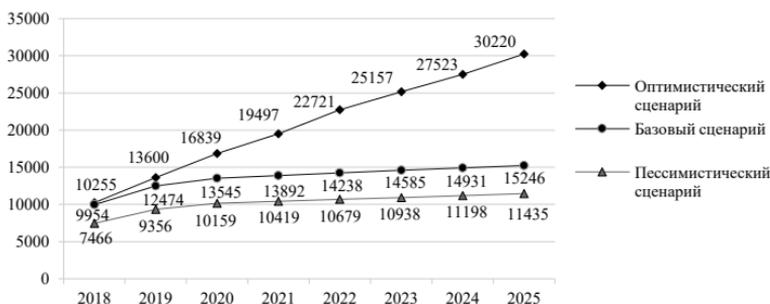
2026–2030 гг. – административное и нефинансовое регулирование.

Приложение к Стратегии содержит план мероприятий по её реализации в разрезе указанных этапов, включающий преимущественно внесение изменений в действующие программы и постановления, разработку и актуализацию ведомственных проектов и стратегических документов, конкретизирующих цели рассматриваемого документа.

Поскольку одной из приоритетных задач Стратегии является «создание благоприятных условий для развития экспорта сельскохозяйственных машин, обеспечивающих стабильный рост экспортных поставок», в рамках мероприятий первого этапа разработана Стратегия развития экспорта в отрасли сельскохозяйственного машиностроения на период до 2025 г.⁹ В этой связи интересно оценить согласованность и непротиворечивость индикаторов двух стратегических документов, принятых с лагом всего в два месяца.

Стратегия развития экспорта в отрасли сельскохозяйственного машиностроения содержит четыре целевых индикатора: объем экспорта сельскохозяйственной техники в отечественной валюте и долларах США; количество стран-импортеров и предприятий-экспортеров продукции российского сельхозмашиностроения. Примечательно, что все целевые индикаторы отражаются по трём возможным сценариям: оптимистическому, базовому и пессимистическому (рисунок).

⁹ Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2017 г. № 1876-р.

Прогноз объема экспорта сельскохозяйственной техники согласно Стратегии развития экспорта в отрасли сельхозмашиностроения на период до 2025 г., млн руб.

Оптимистический сценарий предполагает за восемь лет довести экспорт отечественной сельхозтехники до 30 млрд руб., что почти в три раза выше прогнозного уровня 2018 г. и почти в четыре – фактически достигнутого показателя 2016 г. (7,7 млрд руб.). На первый взгляд может сложиться впечатление о заложенном в Стратегии серьезном прорыве в отношении экспортной деятельности. Однако в Стратегии развития отрасли заложены совсем другие цифры к 2030 г.: объем экспорта российской техники должен составить примерно 100 млрд руб. (т.е. в 3,3 раза за оставшиеся пять лет), что представляется весьма маловероятным даже при оптимистическом варианте развития экспорта до 2025 г. Кроме того, отраслевая Стратегия предусматривает увеличение производства сельскохозяйственной техники к 2030 г. примерно до 300 млрд руб., поэтому, учитывая целевое значение ежегодного темпа прироста производства в 6% после 2025 г., нетрудно подсчитать, что в 2025 г. отрасль должна выйти на объемы производства около 225 млрд руб. А это, в свою очередь, означает, что для достижения заложенного в Стратегию соотношения «экспорт/внутренний рынок» на уровне 50% к 2025 г. объем экспорта уже в этом году должен составлять около 75 млрд руб., что весьма далеко даже от индикаторов оптимистического сценария.

Что касается базового сценария, по заявлению самих разработчиков, он отражает прогнозные показатели при сохранении поддержки экспорта в рамках приоритетного проекта «Международная кооперация и экспорт в промышленности» и предусматривает увеличение экспорта до 15,2 млрд руб. (в 1,5

раза к 2025 г.), что явно не соответствует целевым индикаторам отраслевой Стратегии –2030.

Но сильнее всего диссонируют с ожиданиями отраслевой Стратегии прогнозные показатели пессимистического сценария, не предусматривающего мер поддержки экспортёров. Так, объём экспорта в 2018 г. согласно данному сценарию прогнозируется на уровне ниже фактически достигнутого показателя 2016 г.

Всё отмеченное выше свидетельствует о катастрофически слабой увязке целевых индикаторов двух рассматриваемых стратегических документов.

Принципиальным отличием Стратегии развития экспорта в отрасли сельскохозяйственного машиностроения на период до 2025 г. в сравнении с принятыми ранее стратегическими документами является наличие в ней оценки объемов необходимого бюджетного финансирования. Примечателен уже сам факт отражения необходимости государственной поддержки в конкретной программе развития отрасли. В нашем же случае меры поддержки экспортёров, требующие бюджетного финансирования, предусматриваются в рамках оптимистического и базового сценариев (таблица).

Объемы бюджетного финансирования мероприятий на период реализации Стратегии развития экспорта в отрасли сельхозмашиностроения, млн руб.

Меры поддержки экспортёров	Сценарий	
	оптимистический	базовый
Предоставление субсидий из федерального бюджета организациям сельскохозяйственного машиностроения в целях компенсации части затрат на омолодацию и подтверждение соответствия продукции на внешних рынках	1907	1360
Предоставление субсидий из федерального бюджета организациям сельскохозяйственного машиностроения в целях компенсации части затрат на транспортировку продукции	9559	7038
Финансирование части затрат экспортёров, связанных с продвижением высокотехнологичной, инновационной и иной продукции и услуг на внешние рынки	2487	1700
Государственное гарантирование и (или) страхование остаточной стоимости поставленных машин и оборудования	1165	891
Предоставление грантов предприятиям-экспортёрам и отраслевым ассоциациям	761	-
Предоставление субсидий из федерального бюджета организациям сельскохозяйственного машиностроения на поставку пилотных партий продукции	889	-
Субсидирование затрат на увеличение гарантийного срока проданной продукции	1810	1572
Итого	18578	12561

Однако, на наш взгляд, объёмы предусмотренных бюджетных вливаний даже по оптимистическому сценарию (18,6 млрд руб. на весь период) вряд ли можно считать достаточными. Для выхода на показатели развития по этому сценарию в сравнении с базовым финансирование должно быть увеличено в 1,5 раза.

Всё сказанное позволяет отметить, что, несмотря на позитивные сдвиги в сфере отраслевого стратегического планирования, порожденные законом № 172-ФЗ, проблемы качества разрабатываемых стратегий с позиции их реальности, сбалансированности и взаимоувязки по-прежнему остаются актуальными. Говорить о координации отдельных субъектов стратегического планирования и интеграции различных направлений внутри отраслевого развития, на наш взгляд, сегодня преждевременно. Кроме того, как малооправданное следует оценить надежды на кардинальные изменения в системе стратегического планирования, позволяющие сместить акцент с разработки стратегий на их продуктивную реализацию, поскольку законодательством чётко не определены меры ответственности за ненадлежащее выполнение конкретными органами своих функций.

Литература

Асканова О. В. Стратегические индикаторы развития сельскохозяйственного машиностроения и степень их достижения // Современная техника и технологии: проблемы, состояние и перспективы: материалы восьмой всероссийской научно-практической конференции. Рубцовск, 2018.

Бутов А. М. Рынок сельскохозяйственных машин. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики [Эл. ресурс]. URL: [https:// https://dcenter.hse.ru/data/2016/12/29/1114670197/](https://dcenter.hse.ru/data/2016/12/29/1114670197/).pdf (дата обращения: 20.03.2017).

Ускова Т. В., Чекавинский А. Н. Закон о стратегическом планировании в Российской Федерации: достоинства и нерешённые вопросы (экспертная оценка) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 4(34). С. 63–67.

Харченко К. В. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»: проблемные вопросы и направления совершенствования // Практика муниципального управления. 2015. № 10. С. 11–19.

Статья поступила 29.11.2018

Summary

Askanova O. V., Rubtsovsk Industrial Institute (branch) of Polzunov Altai State Technical University, Rubtsovsk

Strategic Intentions of the State in Development of Agricultural Machinery

The article provides an interim assessment of achieved target indicators of the Strategy for Development of Agricultural Engineering in Russia for the period of up to 2020, which allowed the author to conclude that the results achieved by the industry do not match the expectations. Changes in the strategic planning system associated with coming into force of federal law No. 172-FZ have led to adoption of new strategic documents for development of domestic agricultural engineering. Therefore, the author examines the key intentions of the state regarding the industry in the new realities in terms of their validity and consistency. The result was the conclusion about poor quality of developed strategic documents that have not yet become real management tools.

Agricultural engineering; development strategy; export; strategic indicator; expected results

References

Askanova O. V. (2018). Strategicheskie indikatory razvitiya sel'skohozyajstvennogo mashinostroeniya i stepen' ih dostizheniya. *Sovremennaya tekhnika i tekhnologii: problemy, sostoyanie i perspektivy: materialy vos'moj vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. (Strategic indicators of the development of agricultural engineering and the degree of their achievement. Modern technology: problems, status and prospects: materials of the eighth All-Russian scientific-practical conference)*. Rubcovsk.

Butov A. M. Rynok sel'skohozyajstvennyh mashin. Nacional'nyj issledovatel'skij universitet Vysshaya shkola ehkonomiki. (Agricultural machinery market). Available at: <https://dcenter.hse.ru/data/2016/12/29/1114670197.pdf> (accessed: 20.03.2017).

Uskova T. V., Chekavinskiy A. N. (2014). Zakon o strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii: dostoinstva i nereshyonnye voprosy (ehkspertnaya ocenka). *Ehkonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz.* (The law on strategic planning in the Russian Federation: advantages and unresolved issues (expert assessment). *Economic and social changes: facts, trends, forecast*). No. 4(34). Pp. 63–67.

Harchenko K. V. (2015). Federal'nyj zakon «O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii»: problemnye voprosy i napravleniya sovershenstvovaniya. *Praktika municipal'nogo upravleniya.* (Federal Law “On Strategic Planning in the Russian Federation”: problematic issues and areas for improvement. *Municipal Government Practice*) No. 10. Pp.11–19.

Типовые бизнес-стратегии участников финансового рынка в условиях финансово- технологической революции

И.Д. КОТЛЯРОВ, кандидат экономических наук,
Департамент финансов Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург. E-mail: ivan.kotliarov@mail.ru

В статье рассмотрены типовые стратегии участников финансового рынка в ситуации необходимости адаптации к финансово-технологической революции. Наборы стратегий представлены в виде двух портфельных стратегических матриц, критериями для построения которых послужили степень инновационности деятельности компании, инновационности предлагаемого продукта, а также отраслевая принадлежность компании. Введение последнего показателя связано с тем, что в настоящий момент на рынок финансовых услуг активно выходят нефинансовые организации. Для каждой из выявленных стратегий дано подробное описание. При этом следует помнить, что выявленные стратегии являются «чистыми», тогда как на практике участники финансового рынка комбинируют их в разных пропорциях. Даны примеры таких комбинаций.

Ключевые слова: финансовые технологии; финтех; краудфинансирование; финансовый рынок

JEL: G20, G29

Бурное развитие финансовых технологий и рост числа институтов, использующих их в своей деятельности (в том числе за счет выхода на рынок финансовых услуг нефинансовых компаний), стали причиной того, что в современной финансовой отрасли сосуществуют организации с разным сочетанием инновационной и традиционной составляющей в их деятельности. Более того, многоплановость и многоаспектность этой деятельности приводит к тому, что пропорции инновационной и традиционной составляющих в каждом из этих аспектов часто оказываются неодинаковыми. В результате один и тот же финансовый институт в одном из направлений своей деятельности может выступать как инновационный, а в другом – как традиционный.

В этих условиях, на наш взгляд, большой актуальностью обладает задача идентификации типовых стратегий финансовых институтов по критерию сочетания в их деятельности традиционных и инновационных элементов. Понимание этих стратегий позволило бы определить, какие цели могут быть достигнуты

при помощи каждой из них, и сформулировать рекомендации по их применению. В данной статье будет предпринята попытка решить эту задачу.

Насколько нам известно, применительно к финансовой отрасли задача выявления типовых бизнес-стратегий компаний в условиях цифровизации и распространения новых подходов к организации деятельности пока решена не была. Существующие работы по финтеху посвящены в основном либо анализу тенденций развития отрасли [Кудрявцева, 2017; Sigova, Khon, 2017], либо описанию и анализу конкретных финансово-технологических продуктов [Нурмухаметов и др., 2017; Обухова, 2018; Панова, 2018; Пестунов, 2018], либо, наконец, влиянию финтеха на экономику и общество в целом [Корниевская, 2017].

Исследователи, занимавшиеся проблематикой моделей функционирования предприятий в цифровой экономике, ставили перед собой либо более общие задачи (например, анализ направлений эволюции финансовых институтов), либо, напротив, более частные (такие, как формирование перечня инструментов адаптации традиционных финансовых организаций к условиям цифровой экономики).

В работе С. Zhang [Zhang et al., 2018] предложена общая классификация адаптационных стратегий предприятий к происходящей трансформации условий внешней среды, однако в ней не учтены особенности финансовой отрасли. В статье В. Марковой [Маркова, 2018] рассмотрены модели функционирования компаний на основе платформ, что представляет большой интерес и с точки зрения исследования финансово-технологической отрасли, поскольку многие финансовые инновации носят отчетливый платформенный характер (прежде всего, речь идет о различных моделях крауд-финансирования [Долженко, 2016; Фияксель и др., 2017]). Однако финтех не сводится к платформам, и поэтому работа В. Марковой не дает полного охвата бизнес-моделей, используемых в условиях текущей трансформации финансовой отрасли. Большой интерес представляет работа [Борисова, 2018], в которой дан перечень, во-первых, моделей внедрения цифровых услуг в банке, и, во-вторых, потенциальных путей взаимодействия традиционных и инновационных финансовых институтов. Однако подробного описания этих моделей не приводится. Наконец, в статье Зверьковой [Зверькова, 2018]

дается обзор способов реализации потенциала финтех в региональных банках, однако перечень анализируемых инструментов не выходит за пределы банковской отрасли и не охватывает финансовую сферу в целом.

Таким образом, проблематика бизнес-стратегий финансовых институтов в ходе трансформации отрасли практически не рассматривалась. Мы полагаем, наша работа сможет восполнить важный пробел в понимании современных стратегий функционирования компаний на рынке финансовых услуг.

Методология

Построить подробную градацию финансовых институтов по степени инновационности вряд ли возможно и, к тому же, вряд ли оправданно с практической точки зрения – избыточно детализированная классификация привела бы к составлению чрезмерно широкого перечня бизнес-стратегий, пользоваться которым для анализа и принятия решений было бы неудобно. По этой причине мы ограничимся бинарной оценкой организаций, описывая их либо как инновационные, либо как традиционные. Таким упрощенным подходом удобно пользоваться для стратегического анализа, когда важно понять общие закономерности функционирования объектов исследования. Кроме того, в реальной жизни практически всегда можно установить, является ли финансовый институт преимущественно традиционным или инновационным.

Для выявления бизнес-стратегий финансовых институтов мы решили прибегнуть к портфельному анализу, т.е. построению стратегических матриц (Гареев, Бельский, 2015). Были использованы наиболее распространенные матрицы вида 2×2 , т.е. в соответствии с названным подходом мы выбрали две характеристики финансового института, каждая из которых получила бинарную оценку (да/нет). Это позволило разбить всю совокупность финансовых организаций на четыре подмножества и определить для каждого из них характерную бизнес-стратегию (или набор бизнес-стратегий).

Нами предложены две матрицы:

– «характер деятельности компании (инновационный или традиционный) – специализация компании (финансовая или нефинансовая)». Эту матрицу мы назвали **отраслевой**, потому что в ней в качестве существенного критерия выступает отраслевая принадлежность компании;

– «характер деятельности компании (инновационный или традиционный) – сущность предлагаемого продукта (инновационный или традиционный)». Эта матрица получила название **продуктовой**.

Выбор названных критериев был обусловлен следующими причинами:

– магистральным направлением происходящей в настоящее время революции в финансовой отрасли является активное внедрение разного рода инноваций (технологических, организационных, продуктовых и т.д.), в связи с чем важной характеристикой корпоративных бизнес-стратегий служит инновационность применяемых в ходе их реализации инструментов. (Отметим, что, как правило, основное внимание при изучении бизнес-стратегий, используемых в финансовом секторе, уделяется внедрению цифровых инноваций (в этом смысле финансово-технологическая революция предстает как «отраслевое отражение» общей тенденции к цифровизации экономики [Савина, 2018; Устюжанина и др., 2017]), при этом за пределами рассмотрения незаслуженно остаются организационно-экономические инновации, несмотря на то, что они тесно связаны с технологическими и во многом обуславливают их эффективность [Филин, Якушев, 2018]);

– деятельность финансовых институтов включает в себя множество составляющих, уровень инновационности каждой из которых может быть различным. Поэтому мы полагаем целесообразным по отдельности проанализировать уровень инновационности самой компании (т.е. степень ее технологического и организационного развития) и инновационность предлагаемых ею продуктов (т.е. масштаб продуктовых инноваций);

– одним из важных направлений трансформации финансовой отрасли является выход нефинансовых компаний на рынок финансовых услуг. Этот аспект мы также считаем необходимым учесть при анализе бизнес-стратегий игроков финансового рынка.

Разумеется, две стратегические матрицы не могут охватить всего многообразия моделей функционирования финансовых организаций. Тем не менее мы надеемся с их помощью получить достаточно развернутое представление об используемых бизнес-стратегиях, которое станет основой для дальнейшего анализа деятельности участников рынка финансовых услуг в современных условиях.

Необходимо сразу отметить, что мы рассматривали только систематическую, регулярную деятельность компаний на финансовом рынке. Компании могут разово выходить на этот рынок для решения своих текущих или стратегических задач (например, реализуя проект ICO), однако это не делает их финансовыми операторами, и поэтому мы исключаем их из рассмотрения.

Информационной базой исследования послужили публикации в интернет-СМИ по вопросам функционирования финтеха, официальные сайты компаний – участников финансового рынка, а также сведения о деятельности финансовых компаний, приведенные в статьях, указанных в библиографическом списке.

Отраслевая матрица

К сегменту I (табл. 1) относятся те компании, с которыми в первую очередь ассоциируется финансово-технологическая революция. Именно по этой причине мы их называем *подлинными финтех-операторами*. Эти организации целенаправленно учреждаются для предоставления финансовых услуг и ведут свою деятельность с широким применением инновационных технологий (посредством сети Интернет, с дистанционным обслуживанием клиентов на основе биометрической аутентификации, роботизации и автоматизации и т.д.). Примерами таких компаний являются банк Tinkoff и краудфандинговая платформа Planeta [Долженко, 2016].

Таблица 1. Стратегическая отраслевая матрица

		Специализация компании	
		финансовая	нефинансовая
Характер деятельности компании	Инновационный	I. Подлинный финтех	II. Экосистемный финтех
	Традиционный	III. Традиционные финансовые институты	IV. Сопутствующий финтех

Отличительный признак бизнес-стратегии, реализуемой подлинными финтех-операторами, – максимальное использование инновационных технологий с отказом от традиционной финансовой инфраструктуры (в виде банковских отделений, центров обслуживания, собственной банкоматной сети и т.д.) и минимизацией численности персонала (за счет дистанционного обслуживания, самообслуживания и автоматизации). Как покажем далее, способность предложить инновационный продукт

занимает в этой бизнес-стратегии подчиненное положение: ряд финтех-компаний предлагает на рынке вполне традиционные сервисы (например, платежные).

Не всегда компании имеют возможность полностью оставаться в виртуальном формате из-за специфики предоставляемых услуг. Например, платежная система Qiwi (еще один пример подлинного финтех-оператора) использует собственные платежные терминалы для приема наличных платежей от населения. Но все же это именно терминалы самообслуживания, а не сервисные центры с «живыми» операционистами.

Для повышения качества обслуживания своих клиентов подлинный финтех-оператор, изначально функционирующий в виртуальном формате, может создавать реальную (офлайн) инфраструктуру. Пример – банк Tinkoff, который изначально функционировал в полностью удаленном режиме и использовал для проведения операций с наличными деньгами партнерские сервисные точки и банкоматы, однако позднее стал внедрять собственные банкоматы для обеспечения возможности внесения денег на счет.

Формирование собственной офлайновой сервисной инфраструктуры подлинными финтех-операторами во многом сходно с решением проблемы «последней мили» операторами электронной коммерции. Доставка приобретенного в интернет-магазине товара требует логистической инфраструктуры. Эта инфраструктура может быть внешней по отношению к оператору (в этом случае привлекаются внешние логистические компании), но оператор может и сам ее сформировать – по крайней мере, частично, как это сделали американский гигант электронной коммерции Amazon и российская компания Ozon. Столкнувшись с тем, что чисто виртуальная модель не позволяет обеспечивать полноценное обслуживание клиентов, эти компании стали инвестировать в сеть складов, точек выдачи заказов и т.д.

Аналогичная проблема «последней мили» – проблема выдачи и приема наличных денег – существует и в финансовом секторе. Для ее решения необходима офлайновая инфраструктура, которая может быть сформирована как путем привлечения партнеров (как это ранее делал Tinkoff,), так и посредством формирования собственной сети терминалов (как это сделала Qiwi и теперь делает

Tinkoff). До тех пор, пока существует необходимость перевода денежных средств из наличного в безналичный формат и наоборот, полностью перевести финансовые операции в виртуальную реальность не удастся, и даже подлинным финтех-операторам для обеспечения высокого качества обслуживания потребителей придется поддерживать офлайновую инфраструктуру.

Подлинные финтех-операторы, как правило, создаются «с нуля». Формирование их на основе традиционных финансовых институтов затруднительно из-за того, что те, с одной стороны, чрезмерно обременены созданной ранее инфраструктурой (отделения, доп.офисы, кассы и т.д.), ликвидация которой требует высоких затрат, причем не только денежных, но и имиджевых, и социальных, и может стать причиной отторжения целевой аудитории, с другой стороны, не имеют необходимых для финтех-деятельности компетенций.

Исключением могут быть финансовые институты, которые имеют «легкую», быстро сворачиваемую инфраструктуру, и предлагают узкий спектр продуктов, без затруднений переводимый в онлайн. Примером могут быть микрофинансовые организации, активно развивающие интернет-каналы продаж и мигрирующие в сторону подлинных финтех-операторов [Долженков, 2016].

Традиционные финансовые институты (сегмент III) – это финансовые организации, обладающие традиционной инфраструктурой и предлагающие традиционный набор финансовых услуг (в случае банков, например, это будут кредиты, депозиты и т.д.). Задача таких компаний – сохранить свою долю рынка, несмотря на давление финтех-провайдеров, и получить выгоду от развития финтеха. В условиях финансово-технологической революции эти институты могут выбирать из следующего набора стратегий (или их сочетаний).

1. Консервативная стратегия – финансовый институт отказывается от масштабного внедрения финансово-технологического инструментария и использует только те технологии, которые де-факто стали обязательными на рынке (например, интернет-банкинг). Это может быть связано как с нехваткой ресурсов, так и с малыми масштабами рынка и/или консерватизмом целевой аудитории. Примером может быть Российский национальный коммерческий банк (РНКБ), системообразующий банк для

Республики Крым и города Севастополя. Еще одной целью реализации такой консервативной стратегии может быть обеспечение лучшей защиты данных пользователей. В рамках этой стратегии традиционный финансовый институт продолжает оставаться таковым.

2. Эмуляционная стратегия – организация внедряет те инновационные технологии, которые помогут повысить эффективность ее функционирования и качество обслуживания клиентов. Традиционный финансовый институт в этом случае не выходит на рынок финтех-услуг, однако использует финансовые технологии для поддержки и продвижения классического набора услуг. Примером реализации такой стратегии в нашей стране служит Сбербанк. При определенных условиях (как в приведенном выше примере с микрофинансовыми организациями) традиционная финансовая компания может заметно мигрировать в сторону подлинного финтех-оператора или даже трансформироваться в него.

3. Экосистемная стратегия – финансовый институт выстраивает вокруг себя облако (экосистему) финансово-технологических (а в ряде случаев – и иных) сервисов. Такой подход позволяет организации сохранять традиционную модель ведения бизнеса (и связанные с ней преимущества), получать выгоду от выхода на рынок финтех-услуг, добиваться синергетического эффекта от использования традиционной и инновационной моделей и при этом минимизировать риски, связанные со смешением двух этих моделей в рамках одного института. Такая стратегия в настоящее время реализуется Альфа-банком (проект «Альфа-поток»)¹, а также Сбербанком, который активно выстраивает вокруг себя полноценную экосистему [Маврина, Обухова, 2018].

Выше было сказано, что Сбербанк использует эмуляционную стратегию. Между двумя этими утверждениями нет противоречия. Сбербанк в рамках самого себя как традиционного финансового института применяет эмуляционную стратегию в целях повышения эффективности своей деятельности, но при этом он также выстраивает вокруг себя облако финтех-сервисов, реализуя экосистемную стратегию. Таким образом, различные стратегии могут комбинироваться.

¹ Зотин А. Клуб знакомств для инвесторов // Коммерсантъ Деньги. 19.09. 2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3076255> (дата обращения: 18.09.2018).

4. Инфраструктурной мы назвали стратегию, при которой традиционный финансовый институт предоставляет свою инфраструктуру для стороннего финтех-оператора². Потенциал такой стратегии кроется в спросе на финансовую инфраструктуру со стороны нефинансовых компаний, выходящих на рынок финтех-услуг. Примером может быть банковская группа ВТБ, обеспечивающая проведение платежей в сервисе облачного почтового оператора Mail.ru и в социальных сетях Vkontakte и «Одноклассники»³. Речь идет о взаимовыгодном разделении труда: финтех-оператор предоставляет клиентам удобный интерфейс для получения высокотехнологичных финансовых услуг, тогда как традиционная финансовая компания обеспечивает инфраструктурную поддержку этих услуг. Сам финансовый институт на рынок финтеха не выходит, но получает выгоду от него за счет сотрудничества с финтех-оператором. Каждый из участников такого партнерства участвует в нем теми компетенциями, которые у него развиты сильнее всего. Интересно отметить, что в электронной коммерции есть аналогичная по содержанию модель функционирования бизнеса, называемая фулфилмент. В этом случае интернет-магазин берет на себя только взаимодействие с клиентом онлайн, тогда как провайдер услуги фулфилмента берет на себя все логистические операции, связанные с деятельностью магазина [Калужский, 2017].

Таким образом, подлинные финтех-операторы могут быть созданы в качестве дочерних компаний или технологических надстроек над традиционными финансовыми организациями.

² Масштаб деятельности финтех-оператора, пользующегося внешней финансовой инфраструктурой, может быть разным – от платежного сервиса до полноценного виртуального банка.

³ *Андреева М., Шишулин Д.* Mail.Ru переведет по почте // Comnews, 28.02.2018. URL: <https://www.comnews.ru/content/112031/2018-02-28/mailru-perevedet-po-pochte> (дата обращения: 18.09.2018); Mail.ru запустила денежные переводы на любой адрес электронной почты // Ведомости, 27.02.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2018/02/27/752138-mailru-zapustila-denezhnie-perevodi-na-lyuboi-adres-elektronnoi-pochti> (дата обращения: 18.09.2018); *Шмырова В.* Mail.Ru научилась пересылать деньги по электронной почте // CNews, 27.02.2018. URL: http://www.cnews.ru/news/top/2018-02-27_mailru_nauchilsya_peresyilat_dengi_po_elektronnoj (дата обращения: 18.09.2018); *Короткова Т.* ВТБ24 и «Мультикарта» обеспечат эквайринг денежных переводов «ВКонтакте» // CNews, 20.09.2016. URL: http://www.cnews.ru/news/line/2016-09-20_vtb24_i_multikarta_obespechat_ekvajring_denezhnyh (дата обращения: 22.09.2018); *Аушрова Э.* «Одноклассники» запустили международные денежные переводы // RG.RU Digital, 19.07.2016. URL: <https://rg.ru/2016/07/19/polzovately-ok-smogut-otpravliat-dengi-v-16-stran.html> (дата обращения: 22.09.2018).

И если трансформировать традиционный банк в подлинного финтех-оператора затруднительно, «нарастить» вокруг него более или менее плотное облако финтех-операторов вполне возможно, как это происходит в настоящее время, например, с проектом «Альфа Поток» от Альфа-банка.

Квадрант II включает в себя *инновационные компании нефинансового профиля*, которые решили выйти на рынок финтех-услуг. К инновационным мы относим те компании, сущность деятельности которых тесно связана с цифровой экономикой (интернет-ритейлеры, социальные сети, производители мобильных устройств, интернет-провайдеры и телеком-операторы и т.д.). Выходя на рынок финтех-услуг, они стремятся тем самым монетизировать имеющийся у них ресурс (клиентскую аудиторию, информационные технологии, инфраструктуры связи и т.д.), предлагая своим клиентам удовлетворить максимальное число потребностей внутри единой экосистемы. Примером может быть широко известная африканская платежная система MPESA, реализованная оператором мобильной связи [Матвеева, 2014].

Главный вопрос, на который такие «экосистемные операторы» должны найти ответ, заключается в том, надо ли выстраивать необходимую финансовую инфраструктуру самостоятельно, или же стоит обратиться к партнерской организации. На российском рынке есть примеры обоих подходов: оператор мобильной связи «Мегафон» реализует платежные сервисы на основе собственного банка [Маврина, 2018], тогда как облачный оператор электронной почты Mail.ru для аналогичной цели пользуется услугами группы ВТБ.

Сопутствующий финтех (квадрант IV) реализуют компании традиционных отраслей, которые решили (самостоятельно или с помощью дочерних организаций) дополнить свой ассортимент финансовыми услугами, как правило, тоже традиционными (рассрочка оплаты за товар, прием платежей для сторонних получателей). Такой сервис, основанный на картах лояльности, предлагает, например, розничная сеть «Обувь России»⁴.

⁴ Арифметика // Официальный сайт «Обувь России». URL: <http://obuvrus.ru/about/projects/arithmetic/> (дата обращения: 18.09.2018); Финансовые сервисы // Официальный сайт «Обувь России». URL: http://obuvrus.ru/about/main_business_line/14311/ (дата обращения: 18.09.2018).

Эти финансовые услуги могут быть нацелены на поддержку основной деятельности компании (рассрочка платежей) и/или на дополнительную монетизацию ее ресурсов (клиентской аудитории или сервисной инфраструктуры, как это происходит в случае «Почта-банка» [Долженков, 2018]).

Помимо своего неинновационного характера, компании этой группы отличаются от организаций, включенных нами в квадрант II, тем, что особенности их деятельности (офлайнный характер, невозможность круглосуточного обслуживания, узость ассортимента, сложившийся рыночный имидж и т.д.) усложняют формирование полноценной системы поддержки и охвата пользователя и, как следствие, полноценной экосистемы. Контакт с потребителем носит эпизодический, дискретный характер, сетевой эффект практически отсутствует. Вместо экосистемы возникает компания с сопутствующими услугами⁵, и одной из таких услуг является финтех (а зачастую, хотя и не всегда, – традиционные, низкотехнологичные финансовые услуги). Именно поэтому мы назвали эту стратегию сопутствующей.

Набор предлагаемых финансовых продуктов может утрачивать непосредственную связь с задачей поддержки продаж основного продукта или услуги («Обувь России» предлагает услугу микрозайма⁶, которая является чисто финансовой и не связана с продажами обуви). Тем не менее эти услуги все же остаются сопутствующими и не ведут к формированию экосистемы.

Отметим, что технологии, применяемые компаниями сопутствующего финтеха, могут принадлежать к числу самых передовых и инновационных. Та же «Обувь России» анонсировала внедрение блокчейна для защиты данных своих клиентов⁷. Однако уровень инновационности применяемых технологий мало влияет на бизнес-модель компаний этой группы.

⁵ Разница между экосистемой и компанией с сопутствующими услугами заключается в том, что пользователь проводит в экосистеме время, и сервисы направлены на то, чтобы это время максимизировать, тогда как в случае компании с сопутствующими услугами пользователь обращается к ней только по мере необходимости, и эти услуги призваны повысить выручку от каждого пользователя.

⁶ Финансовые сервисы // Официальный сайт «Обувь России». URL: http://obuvrus.ru/about/main_business_line/14311/ (дата обращения: 18.09.2018).

⁷ «Обувь России» внедрила технологию блокчейн для постоянных клиентов // Ведомости, 28.05.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2018/05/28/770909-obuv-rossii> (дата обращения: 18.09.2018).

Продуктовая матрица

Инновационный финтех (квадрант I, табл. 2) основан на сочетании инновационной модели организации бизнеса с инновационным продуктом. Пример – интернет-платформы Planeta или Penenza: они ведут свою деятельность по инновационной модели (являются интернет-платформами) и предлагают инновационный продукт (крауд-финансирование) [Панова, 2018; Филимонова и др., 2017; Фияксель и др., 2017]. За счет использования потенциала инновационных технологий, которые позволяют минимизировать издержки и охватывать более широкие группы потребителей, и благодаря новизне предлагаемого продукта (часто он занимает нишу, не охваченную традиционными продуктами), такие компании могут более эффективно удовлетворять потребности клиентов по сравнению с традиционными институтами.

Таблица 2. Стратегическая продуктовая матрица

		Характер продукта	
		Инновационный	Традиционный
Характер деятельности компании	Инновационная	I. Инновационный финтех	II. Квазиинновационный финтех
	Традиционная	III. Квазитрадиционная финансовая деятельность	IV. Традиционная финансовая деятельность

В компаниях этой группы инновационный характер продукта и инновационный характер деятельности являются взаимообусловленными: сама природа инновационного продукта требует нестандартной модели организации бизнеса, а эффект от инновационных бизнес-подходов ярче всего проявляется при производстве инновационного продукта, нацеленного на незанятую традиционными операторами нишу.

Большой интерес представляет квадрант II – относящиеся к нему финансовые институты мы описываем как *квазиинновационный финтех*. Эти организации, используя инновационные технологии ведения деятельности (работа в Интернете, автоматизация, дистанционное обслуживание и т.д.), предлагают клиентам традиционные финансовые продукты. Ярким примером квазиинновационного финтеха служит банк Tinkoff, предоставляющий клиентам традиционные банковские продукты (использование кредитной карты от Tinkoff в принципе ничем не отличается от использования аналогичной карты Сбербанка).

Иначе говоря, для потребления услуг Tinkoff инновационная модель деятельности не является существенной (в отличие от квадранта I) – она повышает эффективность самого банка, но не меняет набор сервисов, доступных для клиента. Если говорить языком рекламных слоганов, то Tinkoff – такой же банк, как и любой другой, только виртуальный⁸. Как уже упоминалось, традиционному финансовому институту крайне затруднительно перейти к полностью инновационной модели деятельности – его держит имеющаяся инфраструктура. Tinkoff эту проблему решил, создав «с нуля» виртуальную инкарнацию традиционного банка.

Такой подход имеет свои преимущества:

- понятность и массовость конечного продукта (в случае с Tinkoff – кредитных карт и онлайн-банкинга), и, как следствие, готовность целевой аудитории к его потреблению. Компании нет необходимости ломать барьер в сознании клиента;

- использование инновационных технологий позволяет резко снизить издержки деятельности и при этом обеспечить широкий охват целевой аудитории (эти два пункта говорят об эффективном сочетании в данной модели преимуществ традиционного продукта и инновационной модели ведения бизнеса);

- важным плюсом в современных условиях, когда управление бизнесом ориентируется на создание стоимости, является тот факт, что компания воспринимается инвесторами и рынком в целом как инновационная, цифровая (а не как обычный финансовый институт, ведущий свою деятельность в виртуальном пространстве), что дает существенную премию к стоимости бизнеса. В частности, TCS Group, включающая Тинькофф Банк и «Тинькофф страхование», в октябре 2017 г. оценивалась на Лондонской бирже в пять своих капиталов, тогда как Сбербанк – лишь чуть дороже своего капитала⁹.

⁸ Интересно отметить, что сам Олег Тиньков, основатель банка Tinkoff, с явным неодобрением вспоминал, что критики во время первичного размещения акций банка на Лондонской бирже говорили, что Тиньков всех обманул и продал банк под видом IT-компании. См. *Еремينا А., Терченко Э., Филимонова Е.* TCS Group Олега Тинькова стоит 3,2 млрд или пять капиталов // *Ведомости*, 26.10.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2017/10/26/739428-tcs-tinkova> (дата обращения: 19.09.2018).

⁹ *Еремينا А., Терченко Э., Филимонова Е.* TCS Group Олега Тинькова стоит 3,2 млрд или пять капиталов...

В квадранте III представлены *традиционные финансовые институты, предлагающие на рынке инновационные продукты*. Хорошим примером является Совкомбанк, выпустивший на рынок вместо привычных кредитных карт карту рассрочки «Халва» [Иванов, 2018]. Примечательно, что инновационность этого продукта носит не технологический, а организационный, или даже экономический характер, поскольку он основан на трансформации экономических отношений между банком, покупателем (пользователем карты) и магазином, в котором по данной карте приобретается товар. Однако такой тип инновационности тоже типичен для современной революции в финансовой отрасли. Целый ряд современных финтех-продуктов имеет ярко выраженную организационную составляющую – например, крауд-финансирование, основанное на прямом, без использования посредника, взаимодействии получателя и собственника финансовых ресурсов [Панова, 2018; Фияксель и др., 2017].

Компании, относящиеся к квадранту III, выходя на рынок инновационных финансовых продуктов, будут, как мы полагаем, опираться преимущественно (но, разумеется, не исключительно) на организационные или экономические, а не технологические инновации, поскольку сами они инновационными не являются, и у них могут отсутствовать ресурсы и компетенции, необходимые для внедрения именно технологических инноваций.

Выведение нового продукта на рынок может осуществляться либо самим финансовым институтом, либо его специально созданной дочерней структурой (именно так поступает Альфа-банк в рамках проекта «Альфа-Поток»).

Отметим, что нам не удалось найти примеров традиционных финансовых институтов, предлагающих на рынке исключительно инновационные финансовые продукты. Любые продуктовые инновации лишь дополняют уже существующую линейку традиционных сервисов. Таким образом, стратегию, описанную в квадранте III, целесообразно рассматривать как сопутствующую по отношению к стратегии квадранта IV.

Квадрант IV включает в себя *традиционные финансовые институты, предлагающие традиционные продукты*. В качестве примера можно привести уже упоминавшийся выше РНКБ.

Подводя итог, мы можем утверждать следующее:

– компании, избравшие для себя инновационную модель деятельности, не обязательно предлагают на рынке инновационный продукт, и наоборот. Иными словами, важно различать *инновационность деятельности* компании и *инновационность* предлагаемого ею на рынке *продукта*;

– традиционные финансовые институты имеют широкий спектр стратегий для выхода на рынок финансово-технологических услуг. С точки зрения организации деятельности они могут внедрять финансовые технологии для повышения эффективности предоставления своих традиционных продуктов (эмуляционная стратегия), а также формировать экосистему и предоставлять услуги финансовой инфраструктуры для финтех-компаний. Кроме того, они могут выводить на рынок инновационные продукты (преимущественно, но не исключительно, основанные на организационно-экономических инновациях);

– выход на рынок финансовых услуг нефинансовых компаний привел к появлению интересной модели партнерства между этими компаниями и традиционными финансовыми организациями, в рамках которой нефинансовая компания предоставляет в распоряжение пользователей удобный интерфейс для получения услуги, а традиционный финансовый институт предоставляет необходимую для этого инфраструктуру (реализуя своего рода финансово-логистический фулфилмент);

– описанные выше стратегии функционирования финансовых организаций не следует рассматривать как жестко противопоставленные друг другу – в ряде случаев они могут использоваться совместно и дополнять друг друга. Фактически можно утверждать, что мы выявили определенный набор «чистых» бизнес-стратегий, которые на практике нередко дополняют друг друга в рамках одной финансовой организации.

Литература

Борисова О. В. Рынок финансовых технологий и тенденции его развития // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 8. С. 1844–1858.

Гареев Т. Р., Бельский В. В. Матрицы стратегических группировок: от «старой» критики к новым измерениям // Инновации. 2015. № 2. С. 50–57.

Долженко Р.А. Некоторые вопросы оценки эффективности краудфандинга на отечественной краудфандинговой платформе «Планета» // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 75–84.

Долженков А. Финтех под высокий процент // Эксперт. 2016. № 24. С. 57–59.

Долженков А. Банковский лоукостер взялся за регионы // Эксперт. 2018. № 37. С. 40–42.

Зверькова Т.Н. Региональные банки и FinTech: противостояние или партнерство // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 12. С. 2771–2782.

Иванов С. Рассрочка завоевывает рынок // Эксперт. 2018. № 17–19. С. 49.

Калужский М.Л. Трансформация виртуального рынка: от традиционного посредничества к сетевому провайдингу // Информационное общество. 2017. № 3. С. 4–10.

Корниевская В.О. Биткоин и блокчейн сквозь призму глубинных условий финансового и социально-экономического развития // Экономическая теория. 2017. № 4. С. 60–75.

Кудрявцева Ю.В. Рынок банковских услуг: от настоящего к будущему // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2017. Т. 10. № 4. С. 435–448.

Маврина Л. Смартфон главнее банка // Эксперт. 2018. № 15. С. 54–56.

Маврина Л., Обухова Е. Эффект вендиго овладел Сбербанком // Эксперт. 2018. № 23. С. 18–24.

Маркова В.Д. Бизнес-модели компаний на базе платформ // Вопросы экономики. 2018. № 10.

Матвеева Н.Ф. Сотовая связь в Африке: кенийский вариант // Азия и Африка сегодня. 2014. № 1. С. 45–48.

Нурмухаметов Р.К., Степанов П.Д., Новикова Т.Р. Технология блокчейн: сущность, виды, использование в российской практике // Деньги и кредит. 2017. № 12. С. 101–103.

Обухова Е.А. ICO как современный способ финансирования высокотехнологичных проектов // ЭКО. 2018. № 3. С. 181–192.

Панова Е.А. Краудфандинг как альтернативный инструмент финансирования малого и среднего бизнеса // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 1. С. 238–250.

Пестунов А.И. Криптовалюты и блокчейн: потенциальные применения в государстве и бизнесе // ЭКО. 2018. № 8. С. 78–92.

Савина Т.Н. Цифровая экономика как новая парадигма развития: вызовы, возможности и перспективы // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 3. С. 579–590.

Устюжанина Е.В., Сигарев А.В., Шейн Р.А. Цифровая экономика как новая парадигма экономического развития // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16. № 12. С. 2238–2253.

Филин С.А., Якушев А.Ж. Организационно-управленческие инновации как основа цифровой экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. № 7. С. 1319–1332.

Фияксель Э.А., Солохин А.А., Соколов И.Н. Краудинвестинг. Обзор исследований и промежуточные результаты развития // Инновации. 2017. № 7. С. 42–54.

Banking Beyond Banks and Money. A Guide to Banking Services in the Twenty-First Century. Tascap, P., Aste, T., Pelizzon, L., Perony, N. (Eds.). N. Y.: Springer, 2016.

Sigova M. V., Khon O. D. Digital banking in Russia: the mainstream of FinTech // Ученые записки Международного банковского института. 2017. № 2. С. 44–55.

Zhang Chen, Kettinger W.J., Kolte P., Yoo Sungjin. Established Companies' Strategic Responses to Sharing Economy Threats // MIS Quarterly Executive. 2018. V. 17. No 1. P. 23–40.

Статья поступила 28.11.2018.

Summary

Kotliarov I. D., National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg

Typical Business Strategies of Players of the Financial Market Under Fintech Revolution

The paper describes typical strategies that the players of the financial market implement in order to adapt themselves to the FinTech revolution. Sets of strategies are presented as two portfolio matrices based on the following criteria: degree of innovativeness of company's activities, degree of innovativeness of product, specialization. The latter criterion was introduced due to the fact that many non-financial companies enter financial market.

A detailed description is given for each strategy. It is necessary to keep in mind that all strategies that were identified in the present paper are ideal ones. In reality financial market players can combine them. Examples of such combinations are given.

Financial technologies; FinTech; cryptocurrencies; crowd-finance; financial market

References

Borisova O. V. (2018). Rynok finansovykh tekhnologiy i tendentsii ego razvitiya, *Finansy i kredit [Finance and credit]*, V. 24. No. 8. Pp. 1844–1858. (In Russ.).

Gareev T. R., Bel'skiy V. V. (2015). Matritsy strategicheskikh gruppirovok: ot "staroy" kritiki k novym izmereniyam, *Innovatsii [Innovations]*, No. 2. Pp. 50–57. (In Russ.).

Dolzhenko R. A. (2016). Nekotorye voprosy otsenki effektivnosti kraudfandinga na otechestvennoy kraudfandingovoy platforme "Planeta", *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika [Journal of Omsk University. Series: Economics]*, No. 4. Pp. 75–84. (In Russ.).

Dolzhenkov A. (2016). Fintech pod vysokiy protsent, *Ekspert [Expert]*, No. 24. Pp. 57–59. (In Russ.).

Dolzhenkov A. (2018). Bankovskiy loukoster vzyalsya za regiony, *Ekspert [Expert]*, No. 37. Pp. 40–42. (In Russ.).

Zver'kova T. N. (2018). Regional'nye banki i FinTech: protivostoyanie ili partnerstvo, *Finansy i kredit [Finance and credit]*, V. 24. No. 12. Pp. 2771–2782. (In Russ.).

Ivanov S. (2018). Rassrochka zavoevyyaet rynek, *Ekspert [Expert]*, No. 17–19. Pp. 49. (In Russ.).

Kaluzhskiy M. L. (2017). Transformatsiya virtual'nogo rynka: ot traditsionnogo posrednichestva k setevomu provaydingu, *Informatsionnoe obshchestvo [Information society]*, No. 3. Pp. 4–10. (In Russ.).

Kornivskaya V.O. (2017). Bitkoin i blokcheyn skvoz' prizmu glubinnyykh usloviy finansovogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya, *Ekonomicheskaya teoriya [Economic theory]*. No. 4. Pp. 60–75. (In Russ.)

Kudryavtseva Yu.V. (2017). Rynok bankovskikh uslug: ot nastoyashchego k budushchemu, *Finansovaya analitika: problemy i resheniya [Financial analytics: problems and solutions]*. V. 10. No. 4. Pp. 435–448. (In Russ.)

Kuznetsov V.A. (2017). Kraudfanding: actual'nye voprosy regulirovaniya, *Den'gi i kredit [Money and credit]*. No. 1. Pp. 65–73. (In Russ.)

Mavrina L. (2018). Smartfon glavnee banka, *Ekspert [Expert]*. No. 15. Pp. 54–56. (In Russ.)

Mavrina L., Obukhova E. (2018). Effekt vendigo ovladel Sberbankom, *Ekspert [Expert]*. No. 23. Pp. 18–24. (In Russ.)

Markova V.D. (2018). Biznes-modeli kompaniy na baze platform, *Voprosy ekonomiki [Problems of economics]*. No. 10. Pp. 127–135. (In Russ.)

Matveeva N.F. (2014). Sotovaya svyaz v Afrike: keniyskiy variant, *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]*. No. 1. Pp. 45–48. (In Russ.)

Nurmukhmetov R.K., Stepanov P.D., Novikova T.R. (2017). Tekhnologiya blokcheyn: sushchnost', vidy, ispol'zovanie v rossiyskoy praktike, *Den'gi i kredit [Money and credit]*. No. 12. Pp. 101–103. (In Russ.)

Obukhova E.A. (2018). ICO kak sovremennyy sposob finansirovaniya vysokotekhnologichnykh proyektov, *EKO [ECO]*. No. 3. Pp. 181–192. (In Russ.)

Panova E.A. (2018). Kraudfanding kak al'ternativnyy instrument finansirovaniya malogo i srednego biznesa, *Finansy i kredit [Finance and credit]*. V. 24. No. 1. Pp. 238–250. (In Russ.)

Pestunov A.I. (2018). Kriptovalyuty i blokcheyn: potentsial'nye primeneniya v gosudarstve biznese, *EKO [ECO]*. No. 8. Pp. 78–92. (In Russ.)

Savina T.N. (2018). Tsifrovaya ekonomika kak novaya paradigma razvitiya: vyzovy, vozmozhnosti i perspektivy, *Finansy i kredit [Finance and credit]*. V. 24. No. 3. Pp. 579–590. (In Russ.)

Ustyuzhanina E.V., Sigarev A.V., Shein R.A. (2017). Tsifrovaya ekonomika kak novaya paradigma ekonomicheskogo razvitiya, *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika [Economic analysis: theory and practice]*. V. 16. No. 12. Pp. 2238–2253. (In Russ.)

Filin S.A., Yakushev A. Zh. (2018). Organizatsionno-upravlencheskie innovatsii kak osnova tsifrovoy ekonomiki, *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost [National interests: priorities and security]*. V. 14. No. 7. Pp. 1319–1332. (In Russ.)

Fiyaksel E.A., Solokhin A.A., Sokolov I.N. Kraudinventing. (2017). Obzor issledovaniy i promezhutochnye rezul'taty razvitiya, *Innovatsii [Innovations]*. No. 7. Pp. 42–54. (In Russ.)

Banking Beyond Banks and Money. A Guide to Banking Services in the Twenty-First Century. **Tasca, P., Aste, T., Pelizzon, L., Perony, N.** (Eds.). N.Y.: Springer, 2016.

Sigova M.V., Khon O.D. (2017). Digital banking in Russia: the mainstream of FinTech, *Uchenye zapiski Mezhdunarodnogo bankovskogo institute [Scientific journal of the International banking institute]*. No. 2. Pp. 44–45.

Zhang Chen, Kettinger W.J., Kolte P., Yoo Sungjin. (2018). Established Companies' Strategic Responses to Sharing Economy Threats. *MIS Quarterly Executive*. V. 17. No. 1. P. 23–40.

Рынок кредитных карт в России: мифы и реальность

Ю. С. ЭЗРОХ, доктор экономических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск. E-mail: ezroh@rambler.ru

В статье опровергаются распространённые в настоящее время мифы о функционировании отечественного рынка кредитных карт в области: а) малозначительности данного сегмента банковской деятельности; б) «обычной» стоимости привлечения заёмных ресурсов; в) простоты и выгоды использования льготных беспроцентных периодов (грейс-периодов); г) низкого влияния на рост закредитованности заёмщиков; д) возможности использования неактивированных карт в качестве стратегического финансового резерва; е) экономической привлекательности недавно появившихся и активно распространяемых карт рассрочки; ж) зарубежного опыта функционирования рынка кредитных карт в развитых странах (на примере Великобритании). На основе проведённого анализа сформулированы ключевые проблемы, препятствующие эффективному развитию рынка кредитных карт в России на современном этапе, и предложены дискуссионные пути их решения.

Ключевые слова: грейс-период; закредитованность; льготный период; потребительский кредит; розничный банковский кредит

В современной России, как и во всех развитых странах, всё ярче проявляются признаки общества потребления, ярко описанного ещё в 1970 г. французским философом Жаном Бодрийяром. Он отмечал, что «самой поражающей характерной чертой современного города является нагромождение, изобилие предметов», которое приводит к «опьянению покупкой». Во многом из-за этого «повседневность состоит не в общении с себе подобными, а в получении <...> благ» [Бодрийяр, 1970. С. 8]¹.

Трудно не согласиться с тем, что описанные *радикальные* проявления опасны. Однако *естественным* видится то, что *потребности людей безграничны, а возможности по их удовлетворению всегда ограничены*. Такова жизнь! В условиях капитализма основным способом приобретения благ гражданами, не обладающими достаточным количеством денежных средств, является привлечение ими банковских ссуд. Для удовлетворения небольших потребностей,

¹ В современной философии существуют и иные направления теории общественного потребления [Сергодеева, Мищенко, 2014. С. 149], при этом не все из них носят столь выраженный, как у Ж. Бодрийяра, пессимистический характер.

выходящих за рамки семейных бюджетов, зачастую используются кредитные карты. Особенности функционирования этого сегмента рынка банковских услуг *фрагментарно* отражены в ряде научных трудов [Голдовский, 2014. С. 70; Гришина, 2016. С. 18; Третьякова, 2013. С. 57], однако эти и другие исследования проведены «с позиции» кредитных организаций, а не их заёмщиков.

Использование банковских кредитных карт в современной России до сих пор окружено большим числом *мифов*, которые мешают клиентам принимать взвешенные решения и сдерживают развитие национальной банковской системы и экономики в целом. Их *развеивание* позволило автору сформировать ряд основных проблем и обосновать пути их преодоления.

Миф 1. *Кредитные карты – малозначительный по размеру сегмент розничного рынка банковских ссуд в России.*

Реальность. *Несмотря на то, что кредитные карты получили распространение в России с существенным запозданием (в сравнении с развитыми странами), в настоящее время «карточные» ссуды занимают существенную долю в розничном кредитном портфеле банков, а их объём имеет тенденцию к быстрому росту.*

Первые кредитные карты появились в США в середине XX в. (Diners Club), однако в России процесс становления этого банковского сегмента начался гораздо позже – лишь в начале XXI в., когда банк «Русский стандарт» начал осуществлять массовые рассылки своих карт (концепция была разработана при участии американской консалтинговой компании McKinsey²). «Веерное» распространение приводило к *многочисленным конфликтным историям* – готовые к активации кредитные карты попросту раскладывали по почтовым ящикам, из-за чего нередко их использовали посторонние лица. Несмотря на постепенный уход от такой порочной практики, совокупное количество эмитированных кредитных карт в России постоянно увеличивалось – в 2008 г.

² Впервые «кредитно-карточные бомбардировки» были осуществлены в США Bank of America в сентябре 1958 г. в небольшом калифорнийском городе Фрезно. В почтовых ящиках 60 тыс. его жителей без предварительного уведомления оказались банковские карты с открытыми кредитными лимитами. В 1959 г. по всей Калифорнии банк разослал уже 2 млн кредитных карт. Это осуществлялось практически без проверки сведений о клиентах – они были выданы в том числе на имя младенцев, умерших, отбывающих тюремное заключение и даже собак.

оно составило 8 млн ед.³, а на 1 октября 2018 г. – уже 34 млн ед. Экстенсивный рост сопровождался увеличением объёма «карточных» ссуд (рис. 1).

Примечание: отражены сведения только о непросроченных частях ссудной задолженности (это связано с особенностями используемого плана счетов бухгалтерского учета для кредитных организаций; согласно ему, вся просроченная задолженность по основному долгу граждан-резидентов учитывается на одном счёте второго порядка – сч. 45815).

Источник: расчёты автора по консолидированной отчётности всех банков по ф. 101 (сч. 45502, 45508, 45509, 45707, 45708)⁴ и данных статистики ЦБ РФ⁵.

Рис. 1. Отдельные сведения о развитии рынка банковских кредитных карт в России в 2014–2018 гг. (на 1 января каждого периода)

После спада кредитной активности в 2015–2016 гг. (из-за кризиса) в России наметился устойчивый рост объёма «карточной» ссудной задолженности: за 2017–2018 гг. он увеличился более чем на треть – до 1,3 трлн руб. В то же время незначительное снижение рыночной доли сегмента кредитных карт (с 10,5 до 9,5%) определено резким увеличением спроса на ипотечные ссуды.

Миф 2. *Стоимость привлечения заёмных ресурсов с помощью банковских карт примерно равна ставкам по «обычным» потребительским ссудам (все нецелевые кредиты «одинаковы»).*

Реальность. *Процентные ставки по кредитным картам значительно выше, чем по нецелевым потребительским ссудам*

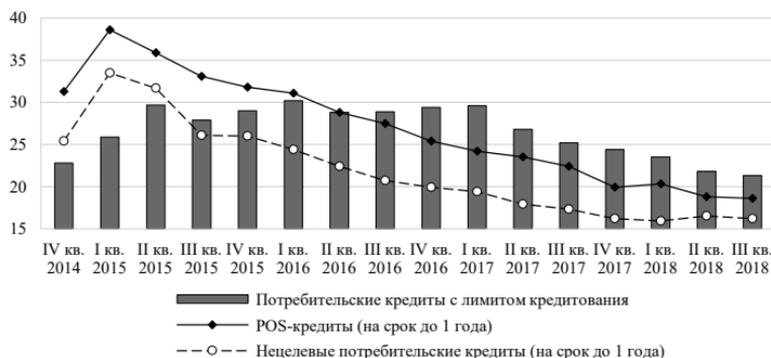
³ Сведения на более ранние периоды отсутствуют. Материалы ЦБ РФ. URL: http://www.cbr.ru/statistics/p_sys/print.aspx?file=sheet013.htm&pid=psrf&sid=ITM_55789 (дата обращения: 25.12.2018).

⁴ Материалы ЦБ РФ. URL: <http://www.cbr.ru/credit/forms/> (дата обращения: 27.12.2018).

⁵ Материалы ЦБ РФ. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrfId=sors> (дата обращения: 27.12.2018).

и даже по POS-кредитам, а иные существенные условия договоров зачастую хуже.

В настоящее время предложения многих банков нередко содержат очень привлекательные (скорее – завлекательные) условия по кредитным картам. Например, банк «Тинькофф» предлагает клиентам ставку «от 12% годовых», притом что реальные значения могут достигать до 49,9%⁶. В действительности же кредитные карты являются *самым* дорогостоящим видом банковского кредитования граждан в России (рис. 2).

Источник: составлено автором по материалам ЦБ РФ⁷.

Примечание: POS⁸-кредит – целевой потребительский кредит, предоставляемый путём перечисления заёмных средств предприятию в счёт оплаты товаров (услуг) при наличии у него соответствующего договора с банком.

Рис. 2. Сведения о полной стоимости отдельных видов потребительских кредитов в России, предоставленных в размере от 30 до 100 тыс. руб. в 2014–2018 гг., % годовых

В период открытой фазы экономического кризиса (конец 2014 г.–2015 г.) процентные ставки по кредитным картам *кратковременно* оказались ниже, чем по «классическим» ссудам и POS-кредитам. Это произошло из-за возможности повышения банками ставок по *вновь* выдаваемым кредитам и трудности их изменения по выданным *ранее* кредитным картам. На протяжении последних двух лет ситуация «пришла в норму»: ставки по кредитным картам

⁶ Материалы Тинькофф-банка. URL: <https://www.tinkoff.ru/cards/credit-cards/tinkoff-platinum/tariffs/> (дата обращения: 28.12.2018).

⁷ Материалы ЦБ РФ. URL: http://www.cbr.ru/analytics/consumer_lending/inf/ (дата обращения: 03.01.2019).

⁸ Point of sale, в пер. с англ. – точка продаж.

стабильно выше, чем по нецелевым кредитам – на 5–10 п.п. (при прочих равных условиях переплата по кредитным картам окажется больше, чем по «обычному» потребительскому кредиту на 30–50%). Даже изначально «дорогие»⁹ POS-кредиты (на бытовую технику, мебель и др.) оказываются «дешевле», чем кредитные карты.

Кроме того, в отличие от обычных видов потребительских кредитов, где в настоящее время обычно применяется «голая» процентная ставка, использование кредитных карт предусматривает взимание банками разнообразных комиссий и достаточно крупных неустоек за несвоевременное погашение обязательств (табл. 1).

Таблица 1. Некоторые сведения об условиях предоставления кредитных карт отдельными российскими банками

Параметр	Альфа-банк	Банк «Восточный»	ВТБ	Сбербанк	Тинькофф	
Название продукта	Классик*	Стандарт	Мультикарта	Классика*	Платинум	
Макс. сумма, тыс. руб.	500	300	1 000	300	300	
Подтверждение дохода	нет	нет	нет	нет	нет	
Возраст заёмщика, лет	от 18	21–76	21–70	21–65	18–70	
<i>Основные виды комиссионного вознаграждения</i>						
Комиссия (в год), р.	обслуживание	1 490	1 000	2 988***	0 (Visa)	590
	SMS-информ.	708	1 068	0	0	708
Процентная ставка, % годовых	15–40	28,9–78,9	26,0	27,9	12–49	
Минимальная комиссия за снятие наличных	0** / 5,9%	4,9 + 399 р.	5,5% (мин. 300 р.)	3% (мин. 390 р.)	2,9% + 290 р.	
<i>Особенности обслуживания</i>						
Страхование, % годовых	12,096	н.д.	11,4	8,40	10,68	
Мин. платёж в погашение основного долга (в месяц)	5% (≥300 р.)	1% (мин. 500 р.)	3%	5%	до 8% (≥600 р.)	
Неустойка	36,5%	590–2 000	36,5%	36%	590 р. + 19%	

Источник: материалы официальных сайтов указанных банков и портала Banki.ru¹⁰.

Примечание 1: указанные в таблице банки занимают большую часть рынка кредитных карт в России (79% на 1 июля 2018 г.¹¹).

Примечание 2: * – условия для «новых» клиентов (у которых нет предварительно одобренного решения); ** – на сумму до 50 тыс. руб. в месяц; *** – при сумме ежемесячных безналичных покупок от 5 тыс. руб. плата за обслуживание не взимается.

⁹ Из-за высокого кредитного риска и небольших сумм.

¹⁰ Материалы портала Banki.ru. URL: <https://www.banki.ru/products/creditcards/> (дата обращения: 04.01.2019).

¹¹ Материалы Ассоциации российских банков. URL: <https://arb.ru/banks/analitics/-10221765/> (дата обращения: 04.01.2019).

Во-первых, практически все банки (исключая Сбербанк) взимают 1,5–2 тыс. руб. ежегодно за «общее» обслуживание и SMS-информирование. Учитывая, что в настоящее время средний размер открытого кредитного лимита составляет всего 50 тыс. руб.,¹² это увеличивает и без того немалую процентную ставку на 3–4% годовых.

Во-вторых, во всех банках не оставляют попыток вместе с кредитной картой продать клиентам и весьма недешёвые страховки¹³ – они добавляют ещё 8–12 п.п. к ставке, увеличивая её практически в полтора раза. При этом в роли страховщиков обычно выступают дочерние банкам компании – «Альфа-страхование» «ВТБ Страхование», «Сбербанк страхование», «Тинькофф страхование», и др. К сожалению, отечественный рынок «банкострахования» в настоящее время в существенной мере ориентирован на сбор комиссий и жёсткую минимизацию страховых выплат [Эзрох, 2018. С. 92]. Поэтому кредитные страховки оказываются практически бесполезными для заёмщиков, попавших в трудную жизненную ситуацию.

В-третьих, практически все банки устанавливают большие комиссии за снятие наличных по карте – около 5%. Одновременно с этим многие («Восточный», «Тинькофф» и др.) значительно повышают уровень процентной ставки для таких клиентов (на 10 и более пунктов). Учитывая, что по «обычным» потребительским кредитам банки уже более пяти лет не взимают комиссии (за выдачу кредита, обслуживание ссудного счёта и т.д.), такие условия «карточного» финансирования являются достаточно жёсткими¹⁴.

¹² Материалы Национального бюро кредитных историй. URL: <https://www.nbki.ru/press/pressrelease/?id=21868> (дата обращения: 04.01.2019).

¹³ На своих официальных сайтах все банки подчёркивают, что заключение договора страхования при выдаче кредитных карт – добровольное решение клиента, а отказ от страхования не оказывает влияния на решение о выдаче кредита. Однако зачастую банковские специалисты, которые обычно имеют план по продаже страховых продуктов, очень настойчиво (и небезосновательно!) убеждают клиентов в обратном.

¹⁴ Очевидно, что кредитные риски банков при обналичивании денежных средств выше, чем в случае, когда заёмщики тратят их в безналичной форме. Это обусловлено тем, что потребность держателей кредитных карт именно в наличных деньгах, вероятно, связана с возникновением у них каких-либо финансовых трудностей. К их числу относятся просроченные долги перед другими банками по более «опасным» обеспеченным кредитам (на заложенные по ним автомобили, квартиры может быть обращено взыскание).

В-четвёртых, величина неустойки за просрочку погашения основного долга и процентов большинством банков установлена на максимально разрешённом уровне – 0,1% в день¹⁵ (п. 21 ст. 5 ФЗ «О потребительском кредите (займе)»). Кроме того, ряд банков взимает с недисциплинированных клиентов не только пени, но и единовременные штрафы в «твёрдой сумме», что гораздо выгоднее кредиторам¹⁶. Например, если клиент просрочил 20 тыс. руб. на 10 дней, то начисленная пеня составит 200 руб.¹⁷; размер штрафов банков «Восточный» и «Тинькофф»¹⁸ в несколько раз больше (от 590 руб. и выше, см. табл. 1).

Миф 3. *Грейс-период (льготный период, за который не взимается плата за пользование ссудой) – простое и ясное условие кредитования.*

Реальность. *Грейс-период – дело очень тонкое; для его получения необходимо досконально изучить и соблюдать все банковские условия.*

Грейс-период – «заманчиво, удобно и ... опасно» [Голядов, 2013. С. 225]. Заманчивость очевидна – при соблюдении зараннее известных условий банки предоставляют действительно беспроцентные ссуды своим клиентам, причём на достаточно длительный срок (рис. 3).

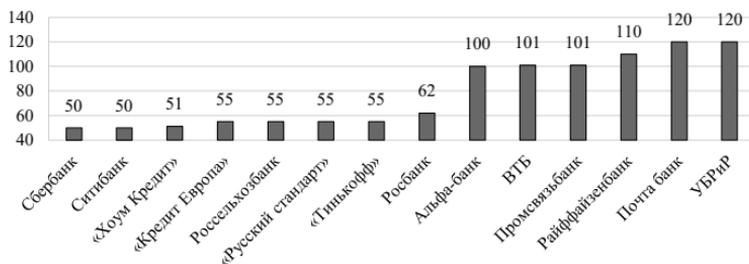
В настоящее время максимальная длительность льготного периода у большинства российских банков составляет 50–55 дней. Однако существуют несколько тонкостей. *Во-первых*, фактический срок бесплатного использования ссуды практически всегда меньше декларируемого. Это обусловлено тем, что все банки выделяют два периода: расчётный (30 дней) и следующий за ним платёжный (20–25 дней). Если клиент совершил покупку в последний день расчётного периода, то ему нужно будет погасить свою задолженность до конца платёжного периода, т.е. всего через 20–25 дней.

¹⁵ $365 \text{ дней} \times 0,1 = 36,5\% \text{ годовых}$.

¹⁶ «Креативный» Почта-банк взимает с таких клиентов от 300 до 500 руб. за оказание им специальной услуги «Кредитное информирование» (Материалы Почта-банка. URL: https://www.pochtabank.ru/upload/images/documents/120/Element120_rates_20180927.pdf (дата обращения: 05.01.2019). $365 \text{ дней} \times 0,1 = 36,5\% \text{ годовых}$.

¹⁷ $20\,000 \times 10 \times 0,001 = 200 \text{ руб.}$

¹⁸ Получение неустоек от клиентов является для некоторых розничных банков весьма значимым источником дохода (см.: ЭКО. 2015. № 7).

Источник: материалы официальных сайтов указанных банков и портала Banki.ru

Рис. 3. Сведения о максимальной длительности льготных периодов по кредитным картам, которые предлагают отдельные российские банки (в календарных днях)

Во-вторых, у большинства банков условия грейс-периода не распространяются на снятие наличных денежных средств по кредитной карте (исключение – Альфа-банк на сумму до 50 тыс. руб. в месяц). *В-третьих*, клиенты – держатели кредитных карт с длительным грейс-периодом обязаны ежемесячно вносить минимальные платежи в счёт погашения основного долга (в Альфа-банке – 5%, в ВТБ – 3%); в ином случае льготный период перестаёт действовать. *В-четвёртых*, некоторые банки предлагают сверхзаманчивые условия в области грейс-периода, которые имеют существенные оговорки. Так, банк «Авангард» готов предоставить льготный период в размере 200 дней, однако лишь один раз для своих новых клиентов¹⁹. Банк «Восточный» рекламирует беспроцентную кредитную карту «Просто» с пятилетним (!) «своеобразным» грейс-периодом²⁰. Её особенностью является то, что вне зависимости от величины основного долга клиент должен вносить ежедневную плату в размере от 30 до 50 руб. (при этом максимальный размер кредитного лимита невелик и составляет 120 тыс. руб.).

Миф 4. *Грейс-период финансово выгоден для клиентов, так как позволяет экономить на процентах. И чем он длиннее, тем выгоднее.*

Реальность. *Бесплатный сыр – только в мышеловке: грейс-период в большей степени приводит к незаметному росту*

¹⁹ Материалы банка «Авангард». URL: <https://www.avangard.ru/rus/private/cards/creditscard/> (дата обращения: 08.01.2019).

²⁰ Материалы банка «Восточный». URL: <https://www.vostbank.ru/client/credit-card/kreditnaya-karta-prosto/> (дата обращения: 08.01.2019).

закредитованности держателей кредитных карт (и чем длиннее его срок, тем быстрее происходит данный процесс).

Предоставляемый лимит по кредитным картам обычно находится в зависимости от дохода заёмщика – вначале он обычно не превышает величину ежемесячной зарплаты клиента²¹. В дальнейшем при использовании кредитных карт банки поэтапно увеличивают максимальный размер ссуды в 3–6 раз. В такой ситуации многие «неосторожные» клиенты постепенно «подсаживаются на кредитную иглу» по «классической» схеме (рис. 4).

Вначале (*на I этапе*) клиент начинает использовать кредитную карту для совершения небольших внеплановых покупок (посещение ресторана, приобретение нового телефона и т.д.). При изначально небольшом кредитном лимите клиенту постоянно (т.е. из месяца в месяц) хватает денежных средств для того, чтобы погасить всю сумму задолженности после получения очередной зарплаты. При этом если поначалу клиент прибегал к использованию кредитной карты (условно) за неделю до получения, то теперь это происходит гораздо раньше.

Далее (*на II этапе*) банк-эмитент периодически анализирует кредитную активность и добросовестность каждого из своих клиентов. Учитывая сформированную положительную кредитную историю, банк в одностороннем порядке (по своей инициативе) увеличивает кредитный лимит в 2–3 раза. Фактически теперь клиент может потратить не одну, а уже две-три свои *будущие* заработные платы. Он постепенно (с осторожностью) увеличивает свои траты, однако всё равно успевает погасить кредит в отведённый срок. В таком случае банк ещё несколько увеличивает кредитный лимит. И...

И наступает заключительный *III этап*, на котором клиент, переоценив свои финансовые возможности, не успевает погасить всю задолженность в льготном периоде. В таком случае банк начисляет проценты за несколько месяцев пользования ссудой. Такие «незапланированные» траты, учитывая высокий уровень кредитных ставок (табл. 1), приводят к существенно уменьшению располагаемого заёмщиком дохода. В связи

²¹ В России за 9 мес. 2018 г. среднемесячная «чистая» зарплата (после уплаты НДФЛ) составила 36,8 тыс. руб. (рассчитано автором по материалам Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/# (дата обращения: 08.01.2019).

с этим, привыкнув жить «шире», чем он может себе позволить, клиент длительное время остаётся *постоянным* пользователем кредитной карты.

Источник: составлено автором.

Примечание: полужирным выделено начало очередного этапа; *неоднократное* повторение «шагов» по боковым стрелкам приводит к переходу клиента на очередной этап.

Рис. 4. Общая схема малозаметного (трёхэтапного) роста закре­дитованности клиентов при использовании кредитных карт с грейс-периодом

Доля клиентов, которые успевают погасить кредит в течение грейс-периода²², не превышает 20%²³. Большинство владельцев кредитных карт не может корректно осуществлять своё

²² Так называемые клиенты-«транзакторы».

²³ К сожалению, открыто опубликованных данных в этой области очень мало (URL: <https://docplayer.ru/37468492-praktika-upravleniya-kartochnym-kreditnym-portfelem.html>; <http://vfocus.ru/cards/dorogoy-plastik/> (дата обращения: 10.01.2019).

финансовое планирование даже на краткосрочную перспективу (на 2–3 месяца вперёд).

Миф 5. *Кредитная карта – стратегический финансовый резерв, поэтому её получение «впрок» (на непредвиденный случай) целесообразно.*

Реальность. *Клиенты в большинстве случаев: а) активируют имеющиеся у них кредитные карты; и б) используют практически весь доступный кредитный лимит. Кроме того, банки вправе в одностороннем порядке снизить или обнулить ранее установленный кредитный лимит.*

При предоставлении крупных кредитов (на приобретение жилья, автомобиля²⁴ и др.) многие банки предлагают заёмщикам получить кредитную карту. Кроме того, специалисты группы продаж регулярно обзванивают клиентов и сообщают им о наличии персональных (предодобренных) предложений. Именно по инициативе банка происходит предоставление более половины (53%) кредитных карт; при этом 67% клиентов «решали оставить её на всякий случай»²⁵. Такой же логики придерживаются и многие самостоятельно обратившиеся. Учитывая, что до момента первого использования кредитной карты клиент не обязан платить комиссии, такой довод *формально* является убедительным.

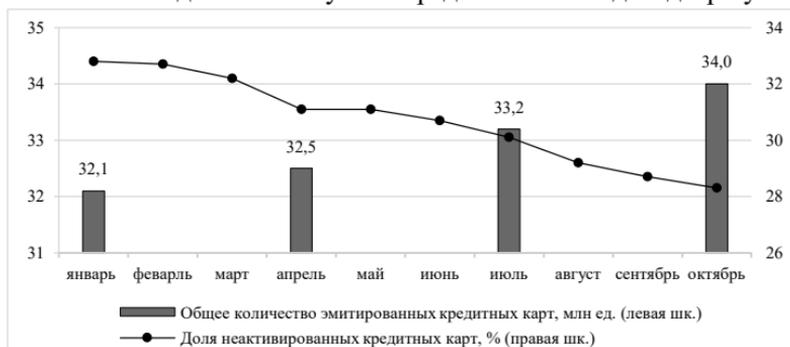
Однако несмотря на «железную» логику, большинство держателей кредитных карт быстро забывают о стратегической важности финансового резерва и начинают активно использовать имеющиеся у них кредитные карты. Этот тезис иллюстрируется непрерывным снижением доли неактивированных кредитных карт на фоне стабильно увеличивающегося общего числа эмитированных электронных средств платежа (рис. 5).

Кредитные карты, которые всегда под рукой, способствуют осуществлению импульсивных (спонтанных) покупок и снижению уровня финансовой осмотрительности и т.д. Это обусловлено тем, что «острое» желание купить понравившуюся вещь со временем обычно «притупляется», и человек начинает

²⁴ Их средняя величина составляет около 2 и 0,8 млн руб. соответственно (Материалы Национального бюро кредитных историй. URL: <https://www.nbki.ru/company/news/?id=21821>; Материалы ЦБ РФ. URL: http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TbIID=4-1&pid=ipoteka&sid=ITM_2357 (дата обращения: 10.01.2019).

²⁵ Аналитический отчёт Национального агентства финансовых исследований от 22 января 2018 г. URL: https://nafi.ru/upload/spss/Survey_results_credit_cards.pdf (дата обращения: 11.01.2019).

подходить к вопросу её приобретения более обдуманно. Возможность же немедленной покупки нередко затмевает доводы разума.

Источник: составлено автором по данным Национального бюро кредитных историй²⁶ и ЦБ РФ.

Рис. 5. Сведения об общем количестве эмитированных и доле фактически активированных кредитных карт в 2018 г.

Учитывая, что в России средний размер кредитного лимита на 1 октября 2018 г. составлял 50 тыс. руб., можно оценить максимальную величину предоставляемых ссуд – 1,7 трлн руб.²⁷ Таким образом, в среднем россияне используют 76,5% доступного кредитного лимита ($1,3^{28} / 1,7 \times 100$). Это свидетельствует о том, для большинства обладателей кредитных карт они являются не «неприкосновенным запасом», а обычным кредитом.

Кроме того, правилами всех банков предусмотрена возможность одностороннего снижения кредитного лимита. Это происходит, когда клиент редко использует карту, при ухудшении его финансового положения и т.д.²⁹ Иными словами, в экстренной ситуации клиент напрасно будет надеяться на возможность получения кредита с помощью своей карты.

²⁶ Материалы Центрального банка РФ. URL: <https://www.nbki.ru/press/pressrelease/?id=21870>; URL: http://www.cbr.ru/statistics/p_sys/print.aspx?file=sheet013.htm&pid=psrf&sid=ITM_55789 (дата обращения: 11.01.2019).

²⁷ 50 000 тыс. руб. \times 34 000 000 эмитированных кредитных карт \times 0,77 (доля фактически активированных кредитных карт).

²⁸ См. рис. 1.

²⁹ Материалы портала Банки.ру. URL: <https://www.banki.ru/services/responses/bank/response/10084623/> (дата обращения: 11.01.2019).

Миф 6. *Набирающие в России популярность «карты рассрочек» гораздо выгоднее кредитных карт, имеющих грейс-период.*

Реальность. *«Карты рассрочек» не являются полным заменителем обычных кредитных карт; фактические условия получения рассрочки зачастую существенно отличаются от рекламируемых.*

Относительно недавно, в конце 2016 г., банк «Киви» первым начал предлагать новый для России вид кредитного продукта – карту рассрочки «Совесть». С её помощью клиент мог приобретать товары у партнёров банка и расплачиваться за них в течение некоторого периода времени без процентов; при этом плата за пользование ссудой вносится не клиентом, а магазином. Поэтому каждая торгующая компания определяет, какую комиссию она готова заплатить банку, а соответственно, и длительность рассрочки на свои товары (от 1 до 12 месяцев). По состоянию на 1 января 2019 г. лишь три отечественных банка предлагали такие карты (табл. 2).

Таблица 2. Некоторые сведения об условиях предоставления «карт рассрочек» банками в РФ

Параметр		«Киви»	Совкомбанк	«Хоум Кредит»
Название продукта		«Совесть»	«Халва»	«Свобода»
Комиссия	за выдачу	–	–	–
	за обслуживание	–	–	–
Кредитный лимит, тыс. руб.		5–300	до 350	10–300
Макс. срок рассрочки	у партнёров, мес.	12	12	12
	не у партнёров, дн.	–*	–**	до 51
Кол-во партнёров, тыс. ед.		н.д.	≥ 152	≥ 40
Ставка при выходе из режима «Рассрочка», %		10	10	17,9–34,9
Снятие наличных		Срок – 3 мес. Плата: 599 руб.***	Срок – 2 мес. Плата: 2,9% + 290 руб.	–
<i>Неустойка за нарушение срока возврата кредита</i>				
Пеня, %		10	19	–
Штраф		590 руб.	590 руб. + 1–2%	590 руб.

Источник: материалы официальных сайтов указанных банков.

Примечания: * – доступна на 3 мес. за плату в размере 499 руб. ** – доступна на 2 мес. за плату в размере 290 руб. + 1,9%. *** – сумма снятия не превышает 7,5 тыс. руб. (месячный лимит – 20 тыс. руб.).

Окончание табл. 2

На первый взгляд использование карт рассрочки должно быть более выгодным для клиента по сравнению с кредитными картами – у них отсутствуют платы за выдачу и ежегодная комиссия за обслуживание, есть возможность снять наличные, штрафы за несвоевременное погашение обязательств немалые, но всё же «обычные» (табл. 1) для рынка кредитных карт и т.д. Однако не всё так однозначно.

Во-первых, длительность беспроцентного периода достигает 12 месяцев, по сути, лишь в рекламных буклетах. На практике таких предложений почти нет – так, картой «Халва» можно оплатить *некоторые* товары с такой отсрочкой лишь в трёх (!) магазинах. Фактически беспроцентный период существенно меньше – обычно от 1 до 4 месяцев³⁰. *Во-вторых*, длительные рассрочки обычно предоставляются лишь за дополнительную плату. Например, опция «Плюс 10» по кредитной карте «Свобода» увеличивает срок беспроцентного финансирования на 10 месяцев при условии единовременного внесения суммы в размере 10% от величины основного долга³¹. *В-третьих*, не все товары в магазинах-партнёрах могут быть оплачены картами рассрочки³² (с рассрочкой не могут быть проданы товары со сниженной ценой, участвующие в какой-либо акции). На покупки в магазинах, не являющихся партнёрами банков-эмитентов, предоставляются либо короткий грейс-период, либо платные рассрочки (см. примечания к табл. 2). *В-четвёртых*, стоимость товаров, продаваемых по картам рассрочки, может быть выше из-за значительных комиссий, которые платят магазины банкам. Так, за предоставление рассрочки на четыре месяца Совкомбанк взимает с продавца дисконт в размере 7%³³. В таком случае, по расчётам автора, номинальная ставка составит 35,6%, а эффективная – «скромные» 42,03%!

³⁰ При этом длительность льготного периода в одних торгующих компаниях примерно совпадает у всех видов карт. Так, при покупке в магазине электроники «Ситилинк» отсрочка составляет 3 мес., при приобретении в дисконт-центре «Фэмилы» – 4 мес. Бывают и небольшие отличия. Так, в «Leroy Merlin» и «LaModa» по карте «Свобода» предоставляется отсрочка на 4 мес., а по другим картами – на 3 мес.

³¹ Материалы банка «Хоум Кредит». URL: <https://www.homecredit.ru/download.php?id=27320> (дата обращения: 11.01.2019).

³² Как подчёркивается, «срок рассрочки на конкретные товары уточняйте у менеджеров» (Материалы Совкомбанка. URL: <https://halvacard.ru/shops/elektronika/PoiskHome> (дата обращения: 11.01.2019).

³³ Коммерческое предложение указанного банка, направленное автору по его просьбе.

В настоящее время карты рассрочек могут «заменить» обычные кредитные карты с длинным грейс-периодом лишь в достаточно редких случаях (вероятно, это является одной из причин, по которой Альфа-банк в конце 2018 г. прекратил выдачу новых карт рассрочек³⁴). Однако возможность бесплатного получения всё же способствует их постепенному распространению другими банками. Это неизбежно приводит к росту закредитованности граждан (см. рис. 4) – не все способны противостоять «соблазнам» беспроцентной рассрочки³⁵.

Миф 7. *В отличие от России, в развитых странах кредитные карты очень распространены во многом благодаря низкому уровню процентных ставок.*

Реальность. *В развитых странах кредитные карты занимают незначительную долю на рынке потребительского кредитования, а уровень процентных ставок по ним многократно выше, чем по другим видам ссуд.*

Для развеивания укоренившегося мифа в качестве иллюстрационного примера была выбрана английская банковская система³⁶ (табл. 3).

Во-первых, в Великобритании общий уровень процентных ставок по кредитным картам ненамного ниже среднероссийского показателя (см. рис. 2), а предложения даже крупнейших банков трудно назвать «недорогими». Так, в банке HSBC величина ставки варьируется от 18,9 до 29,9%³⁷, а в Barclays – от 19,9 до 34,9%³⁸. Эти ставки особенно впечатляют в свете достаточно

³⁴ Материалы Альфа-банка. URL: <https://alfabank.ru/get-money/credit-cards/vmestodenedeg/?platformId=alfasite> (дата обращения: 11.01.2019).

³⁵ Нельзя не отметить и существенное отличие карт рассрочек от кредитных карт с грейс-периодом, которое *дисциплинирует* заёмщиков – равномерный график погашения долга. Например, клиент купил гаджет за 30 тыс. руб. в рассрочку на 3 мес. Теперь он обязан совершить 3 платежа по 10 тыс. руб. В рамках длительного грейс-периода клиенту нужно было бы в течение первых двух месяцев вносить лишь минимальные платежи в размере 1,5 тыс. руб. (5%), а через 3 мес. – 27,5 тыс. руб. Такие «перепады» нередко приводят к выходу за рамки льготного периода и, как следствие, к начислению больших процентов.

³⁶ Основные причины: а) бесспорно высокий уровень развития экономики; б) «устоявшаяся» банковская система, имеющая длительную историю *поступательного* развития (Банк Англии был основан в 1694 г. и является одним из старейших в мире среди действующих центральных банков).

³⁷ Материалы банка HSBC. URL: <https://www.hsbc.co.uk/credit-cards/> (дата обращения: 12.01.2019).

³⁸ Материалы банка Barclays. URL: <https://www.barclays.co.uk/credit-cards/> (дата обращения: 12.01.2019).

низких темпов инфляции в Великобритании. *Во-вторых*, ставки по кредитным картам превышают ставки по некрупным потребительским ссудам (до 5 тыс. евро) более чем в два раза, а ставки по ипотечным кредитам – почти в шесть раз! *В-третьих*, доля сегмента кредитных карт не превышает 5%, что в два раза меньше, чем в современной России.

Таблица 3. Некоторые сведения о величине процентных ставок и размере совокупного ссудного портфеля банковских потребительских кредитов в Великобритании в 2017–2018 гг.

Параметр / Вид кредита		Янв. 2017	Янв. 2018	Дек. 2018	
Ставки, % годовых	Кредитные карты	17,96	17,92	18,69	
	Прочие потребительские кредиты на сумму:	5 тыс. евро	9,45	8,33	7,89
		10 тыс. евро	3,69	3,83	3,81
	Ипотечные кредиты	3,10	3,30	3,20	
Задолженность, трлн евро	Кредитные карты	67	70	73	
	Прочие потребительские кредиты	126	137	143	
	Ипотечные кредиты	1 326	1 369	1 401	
<i>Справочно:</i>					
Доля задолженности по кредитным картам в совокупном розничном ссудном портфеле банков, %		4,41	4,44	4,51	

Источник: расчёты автора по статистическим данным Банка Англии³⁹.

Примечания: процентные ставки – за период, а задолженность – на начало периода.

Проблемы развития рынка кредитных карт в России.

Ключевая проблема – недостаточная финансовая грамотность значительной части россиян. В отличие от ситуации пяти-десятилетней давности, большая часть клиентов уже неплохо разбирается в особенностях отношений банков с заёмщиками – они внимательно читают кредитные договоры, стараются вернуть бесполезные страховки после получения ссуды (если без них кредиты не оформляют) и т.д. Однако понятие «финансовая грамотность» гораздо шире – кроме собственно «кредитной грамотности», оно включает в себя умение формировать сбалансированный бюджет своего домохозяйства. К сожалению, *значительная часть россиян не умеет управлять своими желаниями, выходящими за рамки их текущей платежеспособности.*

³⁹ Материалы Банка Англии (таблицы А. 5.2., А. 5.6., G. 1.3.) URL: <https://www.bankofengland.co.uk/statistics/tables> (дата обращения: 12.01.2019).

В результате люди позволяют себе получать небольшие, но очень «дорогие» кредиты для удовлетворения мелких, и в общем, *сиюминутных* желаний⁴⁰.

Ключевая проблема развития рынка кредитных карт усугубляется нижеуказанной проблемой I и приводит к возникновению проблем II–III.

Проблема I. *Чрезмерная простота получения кредитных карт и увеличения кредитных лимитов.* В настоящее время банки в России обычно предоставляют кредитные карты только по паспорту заёмщика, без подтверждения его дохода и занятости⁴¹. Они в существенной мере ориентируются на кредитные истории клиентов, забывая, что практически все банкроты когда-то имели хорошую кредитную историю. Кроме того, банки зачастую увеличивают кредитные лимиты без обращения клиентов и предоставления ими документов, подтверждающих их способность справиться с возрастающей кредитной нагрузкой.

Проблема II. *Рост закредитованности заёмщиков.* Быстрое «привыкание» клиентов к кредитным картам стимулирует рост объёмов заимствований. Вкупе с высоким уровнем процентных ставок это приводит к существенному снижению располагаемого дохода и, соответственно, к негативным социально-экономическим последствиям. Это усугубляется высокой долей «карточных» ссуд в структуре банковского портфеля розничных кредитов.

Проблема III. *Влияние функционирования рынка кредитных карт на развитие российской экономики недооценено.* При экономическом анализе исследователями не принимаются во внимание два важных аспекта. Во-первых, задолженность по кредитным картам составляет 20–25% величины ипотечного портфеля, а процентные ставки по кредитным картам больше, чем по жилищным ссудам в 2–3 раза. Нетрудно посчитать, что

⁴⁰ Так, существует принципиальная разница между получением кредитной карты и «серьёзными» авто- и ипотечными кредитами. Период накопления на машину или квартиру обычно – от 3 до 10 лет. Иными словами, для многих людей качество жизни без использования таких ссуд остаётся низким на протяжении длительного периода времени. При этом период накопления на новую игровую приставку или модные туфли измеряется лишь несколькими месяцами. И отсутствие таких благ не оказывает значимого влияния на качество жизни.

⁴¹ Лишь некоторые банки, например, ВТБ, Промсвязьбанк, требуют справки о доходах при открытии крупных лимитов – на 100 и 300 тыс. руб. соответственно.

в результате в настоящее время в России объём процентных платежей по кредитным картам превышает половину переплаты по всем ипотечным кредитам. Это серьёзно сокращает платежеспособный спрос в национальной экономике. Во-вторых, учитывая, что доля импорта в структуре товарных ресурсов розничной торговли равна $\approx 44\%$ ⁴², с помощью кредитных карт в значительной мере⁴³ оказывается положительное воздействие на развитие зарубежных стран, а не отечественной экономики.

Проблема IV. Дефицит официальной статистики развития рынка кредитных карт в России, затрудняющий его изучение экономистами-исследователями и специалистами-практиками. К сожалению, на сайте Центрального банка РФ практически отсутствуют такие сведения (и в количественном, и аналитическом представлении). При этом регулятор получает существенный объём отчётной информации от самих банков, а также, по всей видимости, и от ведущих бюро кредитных историй.

Дискуссионные пути решения вышеуказанных проблем. Во-первых, государству (в лице Центробанка РФ) необходимо содействовать повышению финансовой грамотности россиян, особенно в области финансового планирования. У регулятора есть специальный портал «Финансовая культура» (fincult.info), однако в разделе «Взять в долг» нет подраздела «Кредитные карты», а подраздел «Карты рассрочек» содержит неточности⁴⁴ и спорные моменты⁴⁵, что требует корректировки.

Во-вторых, в настоящее время существует большое число различных платных сервисов по ведению личного финансового плана (CoinKeeper, Goodbudget и др.), однако их стоимость достигает 69–330 руб. в месяц, и они имеют ряд недостатков⁴⁶. Для

⁴² Материалы по денежно-кредитной политике ЦБ РФ. URL: https://www.cbr.ru/DKP/about_monetary_policy/inflation/ (дата обращения: 13.01.2019).

⁴³ Вероятно, доля импортных товаров, финансируемая с помощью кредитных карт, ещё выше. Причина – они зачастую используются для приобретения товаров не первой необходимости (электроники, одежды и т.д.), т.е. в сегменте, где импортозамещение не так заметно, как, например, в сельском хозяйстве.

⁴⁴ Так, неверно указано, что «с карты рассрочки нельзя снять наличные» (см. табл. 2).

⁴⁵ Например, указано, что «главный плюс такой карты – можно совершать непредвиденные покупки». По мнению автора, основным достоинством является возможность получения беспроцентной рассрочки при приобретении товаров и услуг в магазинах-партнёрах банка, который выпустил соответствующую карту.

⁴⁶ Материалы портала «Финансовая культура». URL: <https://fincult.info/article/services-and-apps-for-financial-planning/> (дата обращения: 14.01.2019).

того, чтобы россияне *массово* стали пользоваться подобными приложениями и *реально* повысили качество своего финансового планирования, Центробанку РФ необходимо заказать создание действительно хорошей программы⁴⁷, которая распространялась бы в России бесплатно. Параллельно стоит запустить PR-компанию со «звёздами» всех поколений, призывающих к её использованию.

В-третьих, необходимо снизить уровень процентных ставок на рынке кредитных карт, что возможно лишь при уменьшении кредитных рисков банков. Для этого целесообразно обязать банки принимать к учёту сведения о доходах и трудоустройстве своих потенциальных клиентов (т.е. прекратить практику «безлимитной» выдачи кредитных карт по паспорту).

В-четвёртых, целесообразно обязать всех потенциальных заёмщиков (физических лиц) проходить обучение на портале «Финансовая культура», а по его итогам сдавать тест, подтверждающий наличие минимально достаточных знаний в области финансовой грамотности⁴⁸.

В-пятых, нужно ввести некоторые ограничения на рекламу кредитных карт. Так, в ряде зарубежных стран «запрещено стимулировать потребителя занимать денежные средства при финансовых трудностях, акцентировать внимание на простоте или скорости получения кредита, ссылаться на его бесплатность (ставку 0% годовых)» [Никулина и др., 2015. С. 38].

Закключение. Трудно полностью согласиться с известным афоризмом английского юмориста Р. Орбена – «чтобы ваш бумажник стал толще, выбросьте из него все кредитные карты». Кредитные карты – банковский продукт, который широко и успешно применяется во всём мире. Однако его *необдуманное* использование способно привести к серьёзным отрицательным социально-экономическим последствиям. Зачастую это происходит, когда потребители имеют *неверное* представление о рынке кредитных карт, а государство занимает в целом пассивную позицию в этом вопросе. Ведь нет ничего опаснее, чем не знать, что знаешь неправильно.

⁴⁷ Стоимость таких приложений составляет 100-500 тыс. долл, что для регулятора – «капля в море».

⁴⁸ Идентификация клиентов могла бы осуществляться через портал государственных услуг РФ

Литература

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика. 2006. 269 с.

Голдовский И.М. Основные тенденции развития карточных технологий // Банковское дело. 2014. № 1. С. 70–75.

Голоядов М.Е. Кредитные карты с льготным периодом – заманчиво, удобно и опасно // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 1. С. 225–228.

Гришина Е.А. Тенденции развития кредитных услуг, предоставляемых коммерческими банками // Финансы и кредит. 2016. № 28 (700). С. 18–27.

Никулина С.И., Урумов Т.Р., Раков И.Д. Ключевые принципы ответственного кредитования и регулятивные подходы в развитых странах и в России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 12. С. 38–47.

Сергодеева Е.А., Мищенко Е.Ю. Теории общества потребления в современной философии // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 4. С. 149–153.

Третьякова С.Н. Реалистичность кредитных индикаторов в условиях экспансии кредитных карт // Банковское дело. 2013. № 9. С. 57–60.

Эзрох Ю.С. Российское банкострахование в розничном сегменте: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2018. № 5. С. 92–109.

Статья поступила 17.01.2019.

Summary

Ezrokh Yu.S., Novosibirsk State University of Economics and Management National Research, Novosibirsk

Credit Cards Market in Russia: Myths and Reality

The article disproves the current myths about the functioning of the credit card market in Russia in the area of: a) the insignificance of the banking segment; b) the «usual» cost of borrowing; c) ease of use of grace-periods (preferential interest-free periods); d) low impact on the growth of borrowers' debt load; e) the possibility of using non-activated cards as a strategic financial reserve; e) economic attractiveness of a new type of credit card – installment cards; g) foreign experience in the functioning of the credit card market in developed countries (using the example of the UK). On the basis of analysis carried out by the author, he has formulated a number of major problems that impede the effective development of the credit card market in Russia at the present stage and suggested a number of debatable solutions.

Grace period; debt load; grace period; consumer credit; retail bank credit

References

Bodriyyar Zh. (2006). *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury*. Moscow, Kul'turnaya revolyuciya, Respublika. 269 p. (In Russ.).

Goldovskij I.M. (2014). *Osnovnye tendencii razvitiya kartochnyh tekhnologij*. *Bankovskoe delo [Banking]*. No.1. Pp. 70-75. (In Russ.).

Goloyadov M.E. (2013). Kreditnye karty s l'gotnym periodom – zamanchivo, udobno i opasno. Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravleniya) [University Bulletin (State University of Management)]. No.1. Pp. 225-228. (In Russ.).

Grishina E.A. (2016). Tendencii razvitiya kreditnyh uslug, predostavlyaemyh kommercheskimi bankami. Finansy i kredit [Finance and credit]. No. 28. Pp. 18-27. (In Russ.).

Nikulina S.I. et al. (2015). Klyuchevye principy otvetstvennogo kreditovaniya i regulyativnye podhody v razvityh stranah i v Rossii. Finansovaya analitika: problemy i resheniya [Financial analytics: problems and solutions]. No. 12. Pp. 38-47. (In Russ.).

Sergodeeva E.A., Mishchenko E.Yu. (2014). Teorii obshchestva potrebleniya v sovremennoj filosofii. Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya [Humanitarian and legal studies]. No. 4. Pp. 149-153. (In Russ.).

Tret'yakova S.N. (2013). Realistichnost' kreditnyh indikatorov v usloviyah ehkspansii kreditnyh kart. Bankovskoe delo [Banking]. No. 9. Pp. 57-60. (In Russ.).

Ezrokh Yu.S. (2018). Rossijskoe bankostrahovanie v roznichnom segmente: mify i real'nost'. Voprosy ekonomiki [Economic issues]. No. 5. Pp. 92-109. (In Russ.).

Государственно-частное партнерство в свете исторической ретроспективы¹

П.Н. ТЕСЛЯ, кандидат экономических наук, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет – Сибирский центр изучения проблем и перспектив развития государственно-частного партнерства, Новосибирск.
E-mail: teslia.pavel@gmail.com

В статье рассматриваются исторические формы государственно-частного партнерства (ГЧП), демонстрируется, что ГЧП присутствовало на протяжении всей истории государства как такового. На примере России показано, что развитые формы такого партнерства (кормление) могут появиться раньше, чем простые (откупа). Наиболее развитые формы взаимодействия между государством и бизнесом – концессии, активно использовавшиеся при реализации инфраструктурных проектов, – стали базой индустриального рывка в большинстве стран мира. Показано, что ГЧП может порождать и систематически порождает коррупцию, но также способствует и формированию важных устойчивых форм хозяйственно-правовых отношений. Хотя ГЧП присутствовало почти всюду, но приживалось и развивалось в разных странах по-разному. Развитие ГЧП прерывисто и неравномерно. Масштабы ГЧП, измеренные в терминах их доли в валовых инвестициях, сравнительно невелики, в отличие от их значимости для экономики. Благодаря ГЧП государство сохраняет контроль над важными активами, прежде всего недвижимостью, и получает от частного бизнеса инвестиции и услуги эффективного менеджмента.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; кормление; откуп; концессия; инфраструктура; коррупция; риски

В ряде заслуживающих внимания публикаций по проблематике государственно-частного партнерства (ГЧП) отмечается, что этот феномен «представляет собой относительно новое явление в мировом хозяйстве» [Варнавский и др., 2010]. В какой-то мере это справедливо: на протяжении многих лет после Второй мировой войны масштаб взаимодействия государства и бизнеса в отдельных проектах был незначительным, а исследования данного явления – непопулярны. Но уже в конце 1980-х годов в зарубежной литературе интенсифицировались дискуссии о ГЧП, а процесс развития такого партнерства существенно оживился, что дает повод многим исследователям вести отсчет истории ГЧП с 1980-х годов.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-410-540002/18).

На самом же деле государственно-частное партнерство, основанное на предоставлении частному бизнесу существенных прав по распоряжению государственной и /или муниципальной собственностью, а также передачи бизнесу функций государства, в той или иной форме осуществлялось, начиная, по меньшей мере, со времен Древней Персии, Римской империи и Вавилонского царства.

Зарубежная история ГЧП

Одной из древнейших форм ГЧП в истории мирового хозяйства была система откупов. Она активно применялась еще в Древнем Риме, где на специальных торгах граждане имели возможность купить право, например, на управление налоговыми сборами. Победитель, заплативший высшую цену, получал право взимать налоги (в основном – таможенные акцизы, но иногда и подоходные). Внеся авансом крупную сумму в казну, откупщики приступали к сбору налогов и податей с местного населения. Причем, все, что было собрано сверх суммы откупа, шло в их собственные карманы.

В терминах современных финансов суть операции можно описать как покупку контракта с государством, дающего его владельцу право на получение будущего притока денежных средств.

Помимо регулярных налогов, Рим при необходимости (обычно во время войн, в целях выплаты жалования солдатам и офицерам) проводил реквизиции, представлявшие собой разновидность сделки купли-продажи или займа с последующим погашением. Этим делом, тоже весьма доходным, также часто занимались откупщики. Понятно, что наиболее интенсивно откупа применялись в удаленных провинциях, куда чиновники метрополии могли добраться с трудом.

Помимо сбора налогов и реквизиций, в откуп можно было получить право на самые разные виды деятельности – от добычи полезных ископаемых до торговли табаком, льняным семенем, ворванью и некоторыми другими товарами [Наседкин, Разгон]. В этом можно видеть некоторое сходство откупной системы с системой лицензирования.

Откупщики составляли в Древнем Риме особое, довольно привилегированное, сословие «всадников» (вспомним «всадника» Понтия Пилата). Как правило, самую черную работу по выколачиванию сборов с местного населения «всадники» поручали

своим агентам из числа местных предпринимателей (передавали получаемые в откуп объекты в субаренду). Такими агентами были, например, библейские мытари. Жестокость откупщиков и их агентов, проявляемая при сборе налогов, часто вызывала народное возмущение. Мытари были одной из самых презираемых групп общества. Их ненавидели и боялись.

Сделка между государством и бизнесом была выгодна для государства, поскольку создавала дополнительные гарантии регулярных денежных поступлений в казну. Договоры на откуп могли заключаться на три, пять лет, иногда – до 100 лет [Катасонов, 2013].

Откупной бизнес породил ранние формы совместного финансирования: мелкие вкладчики могли покупать доли в предприятиях откупщиков, формируя некий прототип товариществ или акционерных обществ. Однако после краха Римской империи такая акционерная форма капитала исчезла из хозяйственной жизни общества на многие века.

Кроме описанных откупов, две тысячи лет назад в Римской империи частные партнеры содержали почтовые станции. Как правило, этим занимались небольшие местные общины, которые строили и содержали их инфраструктуру (конюшни, склады, мастерские, гостиницы и т.д.). В ведение управляющего иногда входило также поддержание прилегающих дорог. Такой контракт назывался *мансерс* и предоставлялся муниципальным образованием на основе конкурсных торгов. Стандартный срок такого партнерства составлял около пяти лет. В течение этого периода частные партнеры пользовались предоставленными властями привилегиями на оказание услуг, беря компенсацию за них в составе платы. Кроме того, власти обеспечивали защиту от грабителей и воров.

«Коллективные» государственно-частные соглашения с местным населением в Древнем Риме применялись также в строительстве и эксплуатации портов и внутренних гаваней. В Средние века подобная форма ГЧП была возрождена при строительстве новых укрепленных городов и освоения новых земель на юго-западе Франции. По этим соглашениям люди целыми деревнями переселялись в укрепленные пограничные города². Кроме того,

² В России нечто подобное можно было наблюдать в ходе Столыпинской реформы по освоению свободных земель Сибири в конце XIX – начале XX века.

известен опыт концессий на коллективное использование региональных инфраструктурных объектов (мельниц, виноградных и масличных давлений, пекарен, мостов и т.д.). Сама практика взимания сборов за пользование мостами и дорогами появилась из-за необходимости компенсировать вложения концессионеров.

В течение XVI и XVII вв. европейские правители, особенно во Франции, начали практиковать широкие программы концессионных общественных работ при строительстве каналов, прокладке дорог, сборе отходов, организации общественного транспорта, освещения и доставки почты (после 1669 г. во Франции такие контракты предусматривали также восьмилетний период технического обслуживания вновь строящихся сетей региональных дорог). Это были предшественники современных концессий [Toolkit., 2009].

Индустриализация в Европе XIX в. привела к быстрому росту городов и расширению дорожных сетей, развитию водоснабжения, канализации и энергетики. Этот рост, достигнутый в основном за счет частных инвестиций, ознаменовал золотой век концессий в Европе. Создание железных дорог во всех европейских странах происходило именно на условиях концессий.

Разруха в европейской экономике после окончания Второй мировой войны привела к тому, что во многих областях экономической деятельности концессии применять почти перестали. Вместо ГЧП родилась практика создания государственных компаний – так пытались бороться с эффектом финансовой уязвимости долгосрочных инфраструктурных проектов. Кроме того, под влиянием коммунистической идеологии коллективизм стал рассматриваться как жизнеспособная и желательная альтернатива принципам свободного рынка. В итоге масштаб государственного сектора в послевоенной Европе значительно увеличился.

Заметным исключением в Европе в тот период (особенно во Франции и Испании) стали программы строительства платных автомагистралей. С 1960-х годов на условиях концессии их финансировали частные строительные консорциумы и банки. Однако экономические потрясения, вызванные нефтяными шоками 1970-х годов, привели к финансовым проблемам во многих концессионных компаниях, и значительная их часть была национализирована (в Испании – пять из 12, во Франции – три из четырех компаний). Интерес к ГЧП вернулся в Европу лишь в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

В США ГЧП играло гораздо менее заметную роль в развитии транспортной инфраструктуры. Несмотря на то, что каналы и железные дороги, которые преобразовали страну в XIX веке, создавались частными инвесторами, современные автомагистрали в основном были построены в 1930-х и 1940-х годах государственными компаниями (как федеральными, так и местными). Для финансирования строительства на восточном побережье страны чаще всего использовали плату за проезд, на западе – доходы от специального налога на бензин. В 1950-х годах был создан Национальный автодорожный траст, который пополнялся за счет общефедерального налога на топливо (4 цента за галлон), это позволило профинансировать строительство межштатной системы шоссе.

В 1980-е и 1990-е годы во многих странах мира происходила либерализация деятельности в сфере инфраструктурного строительства. В первом десятилетии нового тысячелетия произошла некоторая консолидация ряда проектов ГЧП, снизилась активность на старых рынках и увеличилась на новых, особенно в Азии.

Многие развивающиеся страны приняли участие в этом движении, вводя новаторские улучшения разнообразных форм ГЧП. Лидерами среди них стали Чили, Бразилия, Китай, Венгрия, в последнее время к ним присоединилась Индия, которая резко активизировала привлечение частного капитала к развитию инфраструктурных проектов.

Частная финансовая инициатива, появившаяся в Великобритании в 1992 г., в настоящее время обеспечивает крупную долю финансирования (около 14%) в составе государственных инвестиционных проектов в ключевых областях инфраструктуры. К числу стран со значительными программами ГЧП относятся также Австралия (особенно штат Виктория) и Ирландия. В США накоплен значительный опыт реализации государственно-частных лизинговых программ. Механизмы типа ГЧП используются для развития Трансъевропейской дорожной сети.

Российский исторический опыт в сфере ГЧП

Самая ранняя российская форма ГЧП, отраженная в сохранившихся документах – «кормление» – имела все признаки развитой системы государственно-частных отношений. Вслед

за «кормлением» на первый план вышли откупа, и только после того, как они отыграли свою роль инструмента первоначального накопления, в действие вступила «королева ГЧП» – концессия.

Кормление

Кормление можно трактовать как институциональную форму широкого и интенсивного государственно-частного партнерства, некий прообраз современной концессии, парадоксальным образом появившейся на Руси в период раннефеодального общественного строя.

В самых ранних летописях излагается, как князья Киевской Руси раздавали своим «мужам» (дружинникам) «городы» (т.е. области с военными и судебно-административными центрами) в качестве вознаграждения за службу. Первоначальная модель контракта предполагала, что после смерти или «ухода в отставку» (при наличии назначенного срока кормления) кормленщика подопечная территория снова становилась вакантной, и на освободившееся место можно было посылать нового наместника. Со временем эта модель примитивизировалась и деградировала. Упадок системы кормлений наступил во второй половине XV в.

В чем состоит суть кормления? Получив в подчинение город или волость, наместник соблюдал на данной территории интересы князя – занимался строительством, исполнял судебные и административные функции, собирал с населения различные сборы. Отправление должности давало право на известные доходные статьи («кормы»), но «в нагрузку» вменялась ратная служба. В XV в. эти стороны кормлений дифференцируются: в частности, обеспечение обороны стало вознаграждаться по отдельно выделенной бюджетной статье.

У наместника в ведении находилась собственная региональная властная иерархия. Так, в волостях административные функции исполняли подчиненные наместнику волостели.

Важной административной обязанностью наместников и волостелей являлось управление княжеской недвижимостью: сдача на оброк свободных земель, контроль над княжескими слободчиками, дворскими и приказчиками, а иногда и непосредственное участие в приеме на подряд новых тяглецов.

О функционировании налоговой системы феодальной Руси дошедшие до нас источники не дают однозначного представления.

В XIV в. в малых городах налог поступал полностью в пользу кормленщика, а в больших – князьям. Для сбора даней князья посылали в регионы особых писцов и данщиков, а наместники и волостели должны были наблюдать за их работой, впрочем, нередко они и сами принимали участие в процессе.

Налоги и сборы были самыми разнообразными. Для примера приведем одну из ярких разновидностей – сбор за хмельные напитки. Кормленщики организовывали на местах торговлю монопольным княжеским вином, весь доход от которой посылали князю. Черным людям винокурение также дозволялось, но только для личного употребления и при условии покупки у наместника или волостеля особой бражной пошрины (она также называлась «явкой»). Интересный сбор был связан с основным транспортным средством того времени – лошадьми. Право собственности на них (и заодно – профилактика конокрадства) закреплялось путем клеймления. И клеймление, и регистрация сделок купли-продажи лошадей облагались специальной пошлиной – «конским пятном». Пошлина за заключение брака называлась «новоженный убрus», а если женщина выходила замуж за пределы волости, ее родственники платили еще и «выводную куницу».

Таких «мелочей жизни» было великое множество, и кормленщик за все нес ответственность, так что синекурой его должность назвать трудно.

Размеры «кормов» немного варьировали от региона к региону, но по своему составу и срокам уплаты (приуроченным к церковным праздникам) они были похожими. Наиболее распространенными были Рождественский, Великоденский (Пасхальный) и Петровский. В состав Рождественского корма входили мясо и хлеб, а также овес и сено для лошадей. На Великий день – только мясо и хлеб, а на Петров день – баран и хлеб.

Склонность кормленщиков к вымогательствам и злоупотреблениям центральные князья ограничивали путем введения специальных уставных грамот, которые нормировали размер «корма». Позже они стали поручать отдельные управленческие функции особым приказным людям. Наконец, распространение судебного и податного иммунитета лишало кормленщиков значительной части доходов. Так происходил процесс разрушения системы кормлений [Веселовский, 1926]. Фатальный удар был нанесен, когда князья стали ограничивать сроки и посылать

на кормление одновременно по 2–3 человека. Кормленный режим регионального управления окончательно утратил привлекательность в глазах служилых людей. Но свое существование кормление прекратило только после того, как появилась сильная центральная княжеская власть, и функции наместников были переданы губным старостам и целовальникам. Кроме того, на местах появились привилегированные землевладельцы, которые, по выражению «жалованных грамот», ведали своими людьми во всем, и судили и собирали в свою пользу судебные пошлины и доходы, которые раньше доставались кормленщикам.

Откупа

В России откупа получили широкое распространение в XVI в. Они были многочисленны и разнообразны. На откуп отдавали сборы за право открывать лавки, держать коней, заниматься извозом и другими видами доходной деятельности. Важнейшим и наиболее доходным (но и рискованным) был винный откуп, дающий частным предпринимателям право торговать вином после уплаты в казну оговоренной денежной суммы (аналога современного акциза)³. Винные откупа применялись в форме системы «питейных сборов». Первые известные упоминания о них относятся к временам Ивана Грозного, а наиболее интенсивное развитие питейные откупа получили в XVIII в. (указы Петра I за 1705–1712 гг.). При Петре I они приносили до 20% от общей суммы налоговых поступлений. Когда же в 1765 г. была введена дворянская монополия на винокурение, винные откупа распространились по всей стране, кроме Сибири. Предприниматели приобретали право на откуп с публичных торгов на четыре года и становились «коронными поверенными служителями».

³ Фактически откупщик получал права налогового агента. Можно сказать, что в откупной финансовой схеме присутствуют также и элементы цессии, с той разницей, что при откупе нет явно выраженных кредитно-денежных отношений (впрочем, элементы последних тоже появились, когда откуп стали принимать в виде залога). Пользуясь современной терминологией, «кабаки на откупе» действовали в режиме «маржинального покрытия», что позволяет увидеть в финансовой схеме откупа еще и признаки факторинга. Залоговая система возникла не сразу. Ее начало датируется октябрём 1742 г., когда был издан указ императрицы Елизаветы Петровны. В это же время усилилась борьба с «корчемством» – производством и торговлей контрафактным алкоголем [Гавлин, 2003].

Отметим, что под «вином» в откупном деле понималось не то, что мы называем этим словом сейчас. Этот бизнес целиком базировался на крепких спиртных напитках (в отдельных заведениях разливали высокоградусный спирт). Примечательно, что откупщикам-торговцам (шинкарям, кабатчикам) строго запрещалось отпускать крепкие напитки на вынос малыми объемами (менее ведра). При этом торговля настоящим вином ограничением не подлежала, но была второстепенным бизнесом. Другая примечательная особенность – при продаже «в розлив» в шинках подавали скудную закуску, а в популярные «горькие настойки» нередко подмешивались «специи» типа табака. В результате клиенты быстро хмелели, их можно было легко обсчитывать и обворовывать.

Спаивание народа, которое называют одной из причин разорения крестьянства, часто вызывало общественное возмущение, которое в середине XIX в. вылилось в движение трезвости, сопровождаемое погромами шинков и шинкарей, уничтожением вино-водочной продукции и личного имущества откупщиков. В этом движении весьма активную роль играли церковь (большинство погромов стартовало от церковных погостов) и интеллигенция того времени. В деле борьбы с пьянством отметились практически все либерально-демократические авторы – Успенский, Добролюбов, Чернышевский, Герцен, Огарев. Более того, основной пафос критики царизма в середине XIX в. состоял в требовании прекратить спаивание народа...

Несмотря на то, что откупа приобретались в ходе торгов, соискатели почти всегда платили еще и крупные взятки государственным чиновникам. Можно сказать, что откупная система внесла серьезный вклад в развитие и процветание коррупции в Российской империи. Формы взяток сильно варьировали и порой бывали весьма причудливы. Например, один из знаменитых откупщиков, Д.Е. Бенардаки, для того, чтобы получить откуп, должен был организовать серию дорогих балов в Санкт-Петербурге.

Взятки надо было платить не только для получения винного откупа, но и при размещении и организации деятельности шинков. В целом винный бизнес был весьма и весьма рискованным. Торговля велась мелкой розницей, «вино» было сравнительно дешевым и доступным, и для того, чтобы «отбить» сумму откупа при низкой эффективной торговой наценке, требовались крупные

обороты, изобретательность, сметка⁴. Не следует забывать, что на откупщиках лежало также содержание кабаков и все издержки по приобретению и доставке акцизного товара. Неудивительно, что успеха в откупном бизнесе достигали только ловкие и предприимчивые люди.

Отношение царского правительства к откупному бизнесу было неоднозначным. С одной стороны, откупщики обеспечивали регулярные крупные поступления в казну. С другой – откупной бизнес порождал сильную коррупцию, подданные спивались, а прогрессивная общественность возмущалась и винила во всем правительство, что угрожало стабильности в стране. Кроме того, многие царские чиновники, и даже губернаторы, использовали свое служебное положение, становясь «негласными откупщиками», и это плачевно сказывалось на авторитете царского режима.

Откупной бизнес знал приливы и отливы. В 1652 г. патриарх Никон требовал от Алексея Михайловича: «Наведи порядок в кабаках “на вере”⁵, отмени откупа». Запрет был введен, но ненадолго – казна стала терять деньги. Готовилась соответствующая реформа и при Федоре Алексеевиче, однако со смертью царя (1682 г.) уже подготовленный указ так и не был введен в действие. При Александре I, в 1817 г., откупа ликвидировали, но уже в 1826 г. Николай I восстановил их по совету своего министра финансов Е.Ф. Канкрин. Причина все та же – необходимость пополнения казны. Лишь в 1863 г. винные откупа отменяются окончательно, им на смену пришла хорошо налаженная система

⁴ Указ Сената от 1771 г. предписывал использование типового контракта, в котором заранее оговаривалась отпускная и закупочная цена вина (соответственно, 3 руб. и 85 коп. за ведро, то есть вмененный налог в цене ведра водки составлял 2 руб. 15 коп.). При продаже контрактных объемов вина вся наценка шла в пользу государства, и только за «сверхплановые» объемы реализации и/или при продаже «облагороженного» вина (настоек и качественных водок), разрешенная цена которого доходила до 6 руб. за ведро, а также пива и крепких медовых напитков, шинкарь мог получать доход в свою пользу. Из этого дохода покрывались коммерческие издержки и прочие налоги, а прибыль возникала как остаточный доход [Гавлин, 2003]. Если откупной контракт выполнить не удавалось, возникала финансовая ответственность откупщика (а также его наследников и поручителей) перед казной. Условия контракта широкой публике известны не были, поэтому «повышенные» цены вызывали в народе возмущение как несправедливые.

⁵ Кабаки «на вере» находились под управлением «целовальников» – они клялись и целовали крест, обзаясь вести дело честно и верно. От откупщиков никаких клятв не требовали.

акцизов. Налогообложение начали осуществлять на заводах, т.е. в местах производства продукции. Это обеспечивало высокую собираемость налога и избавляло от многих издержек, хотя коррупция от этого и не уменьшилась.

В XIX в. Российское государство формировало благодаря откупной системе до 46% своей казны. Для сравнения: в Англии доля откупных платежей в бюджетных поступлениях составляла около 25%, во Франции – 10%, в Пруссии – 5% [Гавлин, 2003]. Разница объясняется не тем, что в России пили больше, а в целом сравнительно мягкой налоговой политикой российских властей, пытавшихся стимулировать таким образом развитие частного предпринимательства. Вопрос о том, сколько потенциально успешных предпринимателей будет потеряно из-за пьянства, почему-то не возникал.

Откупной бизнес никогда не считался на Руси почетным. Возможно, поэтому многие откупщики, обогатившись, полностью или частично уходили из него. Еще раз упомянем Д. Е. Бенардаки. Накопив состояние на винных откупах, он приобрел несколько чугунолитейных и железоделательных заводов, построил Алафузовскую фабрику, основал золотопромышленную компанию, стал крупным судовладельцем и меценатом, а в 1860 г. вложил капитал в акции Нижегородской машинной фабрики («Красное Сормово»), где организовал серьезные технические инновации. Именно здесь в 1870 г. была запущена первая в России мартеновская печь, что стало технологическим прорывом в национальной металлургии.

Накопленные наиболее предприимчивыми откупщиками капиталы были весьма значительны. Состояние Д. Е. Бенардаки достигло 20 млн руб. Старообрядец В. А. Кокорев (прозванный в народе «его сивушество») заработал на откупах 6–7 млн руб., выходец из «черты оседлости» (им дозволялось торговать за пределами «черты» после 1848 г.) Е. Г. Гинцбург – около 8 млн руб. Откупной бизнес был одним из главных способов первоначального накопления в дореволюционной России. Благодаря этим накоплениям удалось провести строительство транспортной инфраструктуры, без которой промышленный подъем страны во второй половине XIX в. был бы невозможен.

Как и акцизные откупщики Древнего Рима, винные предприниматели России участвовали в социальных программах

своего времени. Они строили при своих фабриках общежития для молодых рабочих, организовывали столовые и прачечные, финансировали ремесленные училища. Благотворительность распространялась и на сферы культуры и здравоохранения.

Железнодорожные концессии

Строительство железных дорог в России было настолько дорогостоящим предприятием, что капитала одного, пусть даже самого богатого инвестора, было для этого недостаточно. Поэтому изначально под реализацию железнодорожных проектов создавались акционерные общества, которые затем заключали с государством концессионные соглашения и начинали привлекать внешнее финансирование. Собственно, строительство как раз и осуществлялось за счет привлеченного капитала, доля которого в капитале компании обычно составляла до 90% (10% – акционерный капитал учредителей). Первой концессионной компанией стало АО «Царскосельская железная дорога» (учредители – австрийский инженер Ф. Герстнер и российские частные лица), профинансировавшая строительство первой «чугунки» Санкт-Петербург-Царское Село, а самой крупной – созданное в 1857 г. под правительственные гарантии Главное общество Российских железных дорог (ГОРЖД) с уставным капиталом 250 млн руб. В ее состав вошла группа российских и французских предпринимателей и банк *Credit Mobilier*. Всего же во время бума железнодорожного строительства (в 1866–1880 гг.) в империи было выдано 53 концессии на строительство 23 тыс. км дорог.

Как участвовала в управлении проектными рисками государственная казна? Она гарантировала частным партнерам пятипроцентную прибыль ежегодно с момента начала эксплуатации дороги. С учетом низкой инфляции и незначительного коммерческого риска такие условия, да еще и с предоставлением длительных сроков концессий (около 3–4 десятилетий), были весьма и весьма привлекательными.

Самой серьезной проблемой (иногда – непреодолимой) для участников концессий было размещение акций и/или облигаций. В большинстве случаев необходимую сумму удавалось собрать, только выйдя на европейские рынки. Но с того времени, как российское государство начало гарантировать участникам концессий приобретение их собственных облигаций по твердому курсу

на уровне 70–75% от номинала, дело оживилось, финансирование усовершенствовалось.

Выкупленные у концессионеров частные облигации государство использовало в качестве обеспечения для собственных выпусков так называемых «консолидированных займов» (аналог современных концессионных облигаций), ликвидность которых была очень высока, поскольку царский Минфин считался первоклассным заемщиком.

Темпы железнодорожного строительства сильно варьировали по годам (рис. 1). В 1870-х годах из-за неэффективности (а порой – недобросовестности) большинства подрядчиков, начался спад строительной активности, к 1879 г. ввод дорог «откатил» от предшествующего пика ввода (1850 верст) до скромных 216 верст. Но в 1880-х гг. началось сильное оживление, и к 1899 г. интенсивность ввода линий достигла 3500 верст в год.

Рис. 1. Россия: среднегодовой ввод дорог в эксплуатацию в 1843-1903 гг., верст [Тери, 2008]

Что же произошло в 1880-х гг.? Царское правительство осознало, что к началу этого десятилетия 93% российской железнодорожной сети оказались в частном владении, и приняло решение усилить свой контроль над железнодорожным сообщением (особую ценность имели трансконтинентальные магистрали как стратегически значимые). В течение десяти лет, благодаря казенной постройке новых и выкупу ранее построенных частных железных дорог, доля государства увеличилась вчетверо и достигла 29%. В течение этого же периода определился круг доверенных компаний-концессионеров, с которыми государство

продолжило работать над новыми проектами. Важно отметить, что участие частных партнеров оставалось стабильно высоким⁶.

Как показала история, досрочный выкуп объекта концессии является сильным фактором риска с высоким коррупционным потенциалом. Вот что произошло, например, с известным железнодорожным концессионером Саввой Мамонтовым [Семенюк, 2016].

Прославился С. Мамонтов после строительства в 1882 г. Донецкой железной дороги, которая связала шахты Донбасса с Мариупольским портом. В 1890 г. ее по справедливой цене выкупило государство, а Мамонтов в качестве ответной услуги и по настоянию министра финансов С. Ю. Витте взял в аренду у государства Невский судостроительный и механический завод в Петербурге.

В 1894 г. у С. Мамонтова родилась идея прокладки железной дороги до Архангельского порта, обеспечивающей доступ к северным территориям России. Витте помог ему получить эту концессию, но «в нагрузку» предпринимателю пришлось взять убыточный Николаевский металлургический завод в Иркутской губернии.

Поскольку с оборотным капиталом дела обстояли неважно, Мамонтов принимает решение провести «маневр деньгами». На Николаевский завод деньги поступили со счета концессии (общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги) – в качестве предоплаты будущих заказов, а сама дорога взяла их из банковской ссуды, полученной под залог контрольного пакета своих акций. Однако слухи о незаконной сделке распространились на бирже, цены на акции Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги упали. Банк потребовал пополнения залога, и Мамонтов не смог это требование выполнить. Разразился скандал. Правление банка решило в одностороннем порядке расторгнуть все сделки с клиентом и потребовало возвращения ссуды. И в этот момент правительство неожиданно отзывает концессию на строительство Архангельской дороги. Стоимость ее акций упала почти до нуля, и их скупили родственники жены всесильного министра финансов.

⁶ В этой связи нужно учитывать еще и роль личности в истории. В 1881 г. в результате террористического акта погибает Александр II, и его преемник Александр III назначает на ключевые министерские посты новых людей. Смена стиля государственного «менеджмента» и политическая стабильность способствуют экономическому подъему, и в том числе – взлету железнодорожного строительства.

Современный гибридный ГЧП

Соединение моделей концессии и откупа с фиксированным тарифом можно обнаружить в российской системе взимания платы с грузовиков массой 12 т и выше. Она получила наименование «Платон» (от «плата» и «тонна»). В течение 13 лет, начиная с ноября 2015 г. до окончания срока концессии в 2027 г., оператор системы, компания «РТ-Инвест Транспортные системы» (РТИТС) будет собирать с владельцев тяжелых грузовиков в пользу госбюджета плату по установленному тарифу – почти 4 руб./км пробега.

По условиям концессионного соглашения государство будет ежегодно выплачивать частному партнеру до 10,6 млрд руб. – в качестве компенсации за подключение бортовых систем грузовиков к спутниковой системе навигации, обеспечения контроля над передвижением грузовиком и начисления платы. Эти инвестиции (общая сумма – 29 млрд руб., из которых 27 – кредит ПАО «Газпромбанк», и 2 млрд – средства учредителей) и следует трактовать как внесенную частным партнером плату за доступ к сбору платежей⁷.

Любопытно, что «Платон» имеет и некоторые признаки «кормления». Дело в том, что концессионный договор был заключен без прохождения конкурса. Мотивировка такого решения состояла в том, что «геополитическая обстановка изменилась» и возникла «угроза национальной безопасности», поэтому заявки иностранных претендентов (из Франции, Италии, Германии, Словакии и др.) были отклонены.

Какие уроки можно извлечь из истории ГЧП?

Инвестиционная деятельность в рамках ГЧП имеет сравнительно небольшие масштабы (рис. 2). Средняя доля совокупных валовых инвестиций, приходящаяся на проекты ГЧП в Европейском союзе, если и превышала в отдельные годы 1%, то ненамного. Доля этих инвестиций в составе государственных вложений, естественно, выше, но и она не производит сильного впечатления – с 2000 г. колеблется вокруг среднего уровня 5,2%.

⁷ Платон (система взимания платы). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Платон_\(система_взимания_платы\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Платон_(система_взимания_платы)) (дата обращения: 04.11.2018).

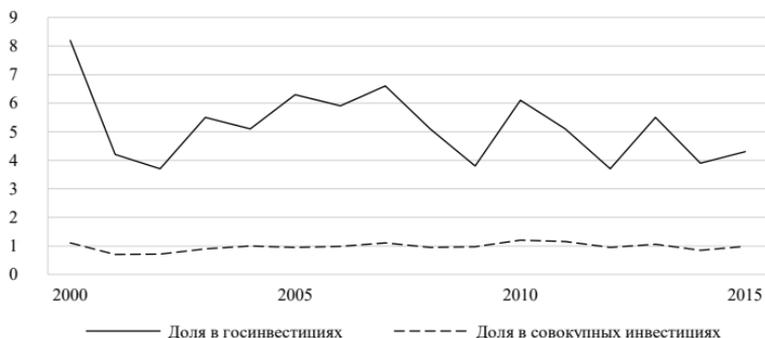

Рис. 2. Относительный масштаб инвестиций в проекты ГЧП в ЕС в 2000-2012 гг., % [Tomasi, 2016]

Однако экономическое значение ГЧП намного более существенно, чем его статистический образ. Без такого партнерства в целом ряде стран не возникла бы система транспортных магистралей, информационно-коммуникационная отрасль не достигла бы современного размаха и т.д. Как было показано, ГЧП работало на протяжении экономической истории практически во всех регионах мира.

Какие выводы можно сделать на основе проведенного обзора?

1. Россия не уступает другим странам по богатству своего исторического опыта работы с разными формами ГЧП.
2. Российский опыт говорит, что сложные формы взаимодействия власти и частного бизнеса могут предшествовать простым.
3. Развитие ГЧП имеет прерывистый характер. ГЧП появляется, когда возникает соответствующая «экологическая» ниша, и сходит на нет, когда вырабатываются стандартные, более или менее чистые формы инвестиционного предпринимательства – государственные или частные, специализированные или универсальные. В отдельных случаях ГЧП остается значимым феноменом, но меняет формы.
4. В периоды экономических стрессов ГЧП не приживается, и вся инвестиционная нагрузка полностью ложится на государство.
5. В разных странах масштабы ГЧП не одинаковы. Почему в одних (Великобритания) они велики, а в других (США) сравнительно малы? – вопрос специального изучения.

6. На границах соприкосновения государства и частного бизнеса почти всегда более или менее интенсивно возникает коррупция. В целях борьбы с ней законодательство устанавливает множество антикоррупционных процедур. Например, – порядка проведения конкурсов и торгов, способов разрешения споров, защиты сторон. Тем не менее коррупция продолжает существовать, адаптируясь, словно мутирующий вирус, ко всем «лечебным и профилактическим средствам». Теории контракта и организаций утверждают, что это явление неизбежно из-за принципиальной неполноты контрактных отношений между сторонами ГЧП. Вопрос состоит в выработке механизмов минимизации данного типа транзакционных издержек.

Литература

Варнавский В.Г., Клименко А.В., Королев В.А. Государственно-частное партнерство: Теория и практика. М.: ВШЭ, 2010.

Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1 Частное землевладение митрополичьего дома. М. Издательство Академии наук СССР, 1926. URL: <https://lawbook.online/gosudarstva-prava/kormleniya-romestya-40075.html> (дата обращения: 31.10.2018).

Гавлин М.Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи. XVIII – XIX вв. // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. С. 92–110.

Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / Научный редактор О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1072 с.

Наседкин Е.Н., Разгон В.Н. Откупа // Электронная энциклопедия «Всемирная история» (URL: <https://w.histrf.ru/articles/article/show/otkupa> (дата обращения: 27.10.2018).

Семенюк М. Остановка по требованию. Кто разрушил бизнес железнодорожного магната Саввы Мамонтова // Российская газета. 2016. 25 авг.

Тери Э. Экономическое преобразование России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 183 с.

Toolkit for Public-Private Partnerships in Roads and Highways. World Bank Group, 2009.

Tomasi M. «EU PUBLIC PRIVATE PARTNERSHIPS in Member States» / 10th meeting of public finance economists. Brussels, 02/03/2016 (URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/events/2016/20160302-pfn/documents/03_tomasi_presentation_on_en.pdf (дата обращения: 01.11.2018).

Статья поступила 11.01.2019.

Summary

Teslia P.N. Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk National Research State University – Siberian Center for the Study of Problems and Prospects of Public-Private Partnership, Novosibirsk

Public-Private Partnership in the Light of Historical Retrospective

The article discusses historical forms of PPP, demonstrates that PPP was present throughout the history of the state as such. It is shown at the example of Russia that the advanced forms of PPP (fief, an analogue of concession) may appear earlier than simple ones (farming). It is shown that PPP can generate and systematically generates corruption. Although PPP was present almost everywhere, it took root and developed in different countries in different ways. The development of PPP is intermittent and uneven. PPP contributed to formation of important sustainable forms of economic and legal relationships. The scale of PPPs, measured in terms of their share in gross investment, is relatively small, but significant. Thanks to PPP, the state retains control over important assets, primarily real estate, and receives investments and effective management services from private business.

Public-private partnership; fief; farming; concession; infrastructure; corruption; risks

References

Varnavskiy V.G., Klimenko A.V., Korolev V.A. (2010). Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo Teoriya i praktika. Moscow, VSHE Publ. (In Russ.).

Veselovskiy S.B. (1926). Feodalnoe zemlevladienie v Severo-Vostochnoj Rusi T.I. Chastnoe zemlevladienie mitropolicheskogo doma. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. Available at: <https://lawbook.online/gosudarstva-prava/kormleniya-pomestya-40075.html> (accessed: 31.10.2018). (In Russ.).

Gavlin M.L. (2003). Vopros o vinyh otkupah v istorii zakonodatelstva Rossijskoj imperii XVIII XIX vv Ekonomicheskaya istoriya Ezhegodnik, 2002. Moscow. Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya. Pp. 92–110. (In Russ.).

Katasonov V. Yu. (2013). Kapitalizm, Istoriya i ideologiya denezhnoj civilizacii. Nauchnyj redaktor O.A. Platonov Moscow. Institut russoj civilizacii. 1072 p. (In Russ.).

Nasedkin E.N., Razgon V.N. Otkupa Ehlektronnaya ehnciklopediya Vsemirnaya istoriya Available at: <https://w.histrf.ru/articles/article/show/otkupa> (accessed: 27.10.2018).

Semenyuk M. (2016). Ostanovka po trebovaniyu Kto razrushil biznes zheleznodorozhnogo magnata Savvy Mamontova. Rossijskaya gazeta. 25aug. (In Russ.).

Teri E. (2008). Ekonomicheskoe preobrazovanie Rossii. Moscow. Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya, ROSSPEHN. 183 p. (In Russ.).

Toolkit for Public-Private Partnerships in Roads and Highways World Bank Group 2009.

Tomasi M. EU PUBLIC PRIVATE PARTNERSHIPS in Member States 10th meeting of public finance economists Brussels 02.03.2016. Available at: http://ec.europa.eu/economy_finance/events/2016/20160302-pfn_documents/03_tomasi_presentation_on_en.pdf (accessed: 01.11.2018).

Уважаемые авторы, обратите внимание!

Англоязычная библиография (References)

Список литературы в References оформляется по международным стандартам, которые отличаются от российских ГОСТов (например, «/» не воспринимаются зарубежными системами и в конечном итоге приводят к искажению восприятия). Из этих же соображений очень важно использование *курсива* для названия источника.

При ссылке на источник в тексте необходимо в квадратных скобках указывать фамилию автора, год издания и страницу при цитировании. Если авторов больше двух, приводится первая, после чего ставится «et al.». Если автора нет (коллективная монография, сборник и пр.), указывается название работы, либо, если оно длинное, первые 1–2 слова, затем многоточие и год издания.

Описание источника в **References** включает *следующие элементы*.

Авторы (если не один) перечисляются через запятую; фамилия и инициалы транслитерируются.

Год издания выносится после фамилии в круглых скобках, если несколько работ датируются одним годом, то с указанием: 2007a, 2007b.

Название работы транслитерируется и приводится прямым шрифтом. Название журнала транслитерируется и выделяется курсивом, далее приводится в квадратных скобках название на английском (курсив). Следите за соответствием англоязычного названия тому, что приводится в самом издании (на его сайте). Если источник – статья в сборнике или в монографии, указывается «In:» вместо «/».

Выходные сведения: город издания (на англ., напр. Moscow), издательство (транслитерация с добавлением сокращения Publ.).

Для журнала: том, выпуск, номер.

Объем – общее число страниц (монографии), а для статей – диапазон («от – до»).

Дата обращения к источнику в электронных публикациях пишется в круглых скобках по англ. (accessed 12.12.2018).

Для источников на русском языке *указывается язык* (In Russ.).

Если есть, *обязательно приводится DOI*.

В следующих номерах вы прочтете:

Тема номера: Да будет свет

- Экономико-географические особенности отечественной электроэнергетики и ТЭК в историческом контексте
- Совершенствование территориальной электроэнергетической политики в моногородах России
- Оптовый рынок электроэнергии и мощности: возрождение регулирования?

А также:

- Пенсионные системы в странах Содружества: итоги преобразований и пути совершенствования
- Эффекты сопроизводства социальной инфраструктуры местными сообществами в России
- Реформа теплоснабжения: последствия для дальневосточных потребителей
- Налоговый маневр и стимулирование нефтепереработки: опыт США, Канады и Великобритании
- Китайско-российское сотрудничество в сфере высшего образования в контексте инициативы «Один пояс – один путь»
- Уровень и качество жизни населения Республики Бурятия
- Есть такая наука «Байкаловедение»

0131-7652. «ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).
2019. № 2. 1–192

Художник В.П. Мочалов
Технический редактор Н.Н. Сидорова
Адрес редакции: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.
Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35;
E-mail: eco@ieie.nsc.ru

© Редакция журнала «ЭКО», 2019. Выход в свет 28.02.19
Формат 84x108 1/32. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,08
Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 320. Заказ 5.

ФГУП «Издательство СО РАН»
630090, г. Новосибирск, Морской проспект, 2